

Сибирь – это сердце России, в котором обитает душа русского человека. Если сравнивать Россию с деревом, то корни – это Дальний восток, а крона – ее европейская часть. Но вот сам ствол, на чем держится основа культурного наследия - именно Сибирь и Урал. Это нечто – постоянное. Ведь крона осенью облетает, а в земле зарождаются новые молодые побеги, но ствол остается всегда неизменным – твердый и постоянный. Именно на нем держится связь земли и солнца. И те, кто ни разу не был в Сибири, никогда не узнают всей прелести совершенства природы, ее величие и красоту, не насладиться ее исконно русским духом.

Тайга – это непокоренный девственный мир, полный тайн и загадок. Красота необыкновенная. Завораживающая картина созданная талантливым художником, сочетающая в себе неприступность, мужество и вдохновение. Непроходимые болота, дно которых скрывается в самом центре земли. Заоблачные горные кручи, окольцованные снежными вершинами. Выстроенные сопки, напоминающие братьев близнецов, среди которых так легко заблудиться. Прозрачные как стекло горные речушки и ручьи. И исчезающий на горизонте бескрайний зеленый океан хвойных исполинов и высокорослых берез. Тайга - сколько безграничного обаяния и откровенной непосредственности заложено в столь созвучном слове, одновременно по-детски наивная и в тоже время – по-мужски суровая. Одни ее обходят стороной, другие же влюбляются и уже не могут без нее жить. Зеленоглазая тайга- отдушина для уставшего от цивилизации брэнного тела. Укрытие от суеты. Мать и кормилица. Тайга - таинственный мир, скрывающийся за убаюкивающим шепотом листвы и ласкающими прикосновениями травы. Заливным пением лесных птиц и пронзительным стрекотом насекомых. В осторожном шорохе ступающих звериных лап и резком хлопанье крыльев взлетающих птиц. Журчанье бегущей по камням чистой родниковой воды и всплески выпрыгивающей речной рыбы. И лишь те, кто сольется с природой душой и телом, обретет нечто бесценное - себя. Человек осознает, что нет милее сердцу сотканного, словно по волшебству сказочного места, что это и есть все, о чем он мечтал. Он поймет, в природе все взаимосвязано что, истребив один неуютный вид, нарушается баланс. Плохих и хороших животных не бывает. Природа это совокупность животного и растительного мира, замкнутый круг. Каждый своей смертью дает продолжение жизни другому обитателю леса. Ведь тайга это не только стада благородных стройных ланей робко пасущиеся на заболоченных полянах едва прогреваемых весенними лучами солнца. А так же осторожные могучие лоси, гордые головы которых венчают царственные короны. Это не только застывшие силуэты волков, тоскливо выводящие лунную песню, и с виду неуклюжие бурые медведи, неторопливо расхаживающиеся среди ломающихся от налитой ягоды кустов черники. Тайга - это и заботливо сооруженные из хвойных иголок и засохших веток трудолюбивыми муравьями нерукотворные замки. А так же их покрытый тайной внутренний уклад, чем-то отдаленно напоминающий человеческий. Жгучие болезненные укусы лесных комаров и, назойливая песня вьющихся тучей маленьких кровососущих мошек. Одурманивающая разум легкая свежесть и, опьяняющий аромат воздуха от глотка которого, кругом идет голова. Тайга-это и труднопроходимые буреломы, напоминающие собой крещенное боевое поле, где грозной ратью выстроились дозором мохнатые пихты, смыкаясь с могучими бывалыми ветеранами - кедрами. Тайга-это и залитые подобно горькими слезами поблескивающие каплями смолы сосны, мирно укачивающие в своих незыблемых кронах расшалившегося ветерка.

Кудрявые рябины, сверкающие в предрассветной дымке гроздьями алых ягод. И стройные ивы, чьи ветви, ласково касаются бурных вод кристально чистых горных рек. В глубинных омутах которых, лениво плещутся радужные хариусы и целеустремленно движутся против течения мощные хищники – серые ленки. Тайга это государство в государстве, со своими сводами законов и правил и лишь человек не вписывается в ее равномерную жизнь. Он потерял связь с природой, разрушил идиллию, он только берет, не давая ничего взамен. И нет предела его аппетиту. Он потерял меру, ему всего мало. Сам некогда вышедший из лона природы, теперь эгоистично считает, что он вправе распоряжаться всем. Ведь он Творение Бога, высший разум, а животные и растения так себе нечто второстепенное, без души, а значит с ними, можно поступать, как ему заблагорассудится. Убивать, травить, загонять. Вот только он глубоко заблуждается. Им, как и нам известна боль и страдания, даже в маленькой травинке живет своя лесная душа, которая испытывает муки смерти.

И до тех пор, пока гремят уничтожающие выстрелы с лазов, рыболовными сетями перекрываются поймы рек в сезон идущей на нерест рыбы, ухищренными силками и петлями обложены звериные тропы на водопой, не будет на земле покоя ни беззащитным животным, ни истинным любителям природы. Ведь браконьеры не ведают жалости. Их кумир - нажива. Смысл жизни - алчность. Они смотрят на мир, сквозь прицельную планку вороного ствола, хищно разыскивая дорогую добычу, для обладания которой они ни перед чем не остановятся. Ведь животные для них лишь товар, имеющий свою цену, возжеленная цель, способ обогащения. И не приведи Господи вам оказаться на их пути: незамедлительно последует короткая расправа. Где нет совести, нет и сострадания. Они не задумываясь выстрелят вам в спину, и рука у них не дрогнет. Да закон тайги суров - выживают “сильнейшие”: самые приспособленные, быстрые, находчивые. Но ни в коем случае не звери в человеческом облики, для которых нет ничего святого. Но что посеешь, то и пожнешь. И животные, защищаясь, платят тем же, отвечая за смерть детей беспощадной местью.

Вот только за поступки отдельных негодяев, приходится расплачиваться нам с вами, чья вина лишь в том, что мы с нелюдьми состоим в некоем видовом родстве. И если мы не остановим творящееся беззаконие, наши дети в будущем будут знакомиться с животным миром по документальным фильмам или фотографиям в книгах, где под каждой картинкой будет выведено красными буквами – исчезнувший вид.

Медведица.

Сквозь плотную стену кустарника, за стоящим на коленях человеком злобно следили горящие лютой ненавистью глаза, отражаясь в мерцающих отблесках костра янтарно-рубиновым пламенем разъедающей душу необузданной ярости. Мужчина что-то пробурчал и резко поднялся, неожиданно направляясь в ее сторону но, не дойдя метров десять, остановился возле дерева и, срезав прямую ветку, вернулся назад к костру. Медведица напряженно дернулась и хищно оскалилась, обнажая ряды крепко сжатых клыков. мех на загривке встал дыбом, она припала на задние лапы, готовясь к прыжку. Но опасность отступила. Нервно подрагивая верхней губой и, вслушиваясь в удаляющиеся шаги, она настороженно повела носом по ветру, улавливая горький удушающий дым и отталкивающий терпкий запах человеческого тела. Раньше она не обращала на него внимания, старательно избегая людей, но сегодня все изменилось. Теперь она сама искала с ними встречи, для нее присутствие человека обозначало свершение мести. И вновь перед взором в мельчайших подробностях всплыла горестная картина; залитая кровью поляна и неподвижный бурый комочек. Прошлое накатило новыми острыми спазмами невыносимой сердечной боли. А во всем виноваты люди. Люди... Ненавистные двуногие существа. Немощные, как червяки, но коварные и изворотливые, как росوماхи. Это они безжалостно убили ее пятимесячного малыша... Ее сына. Отобрали. Лишили жизни. На короткое мгновение горящий лютой ненавистью взгляд потеплел. Она, словно наяву увидела, как он трется об ее ногу. Радостно сопит, прижимаясь к материнской груди. Но тут же боль вернулась вновь, заставляя застонать от тоски в осознании страшной истины. Этому не суждено больше сбыться. Ее малыш мертв и тихо покоится под грудой опавшей листвы. Его неподвижные глаза устремлены на нее, в них мука и немой укор. Не уберегла. Не защитила. Медведица отчаянно замотала головой, прогоняя болезненное наваждение и, когда подняла голову, в ее немигающих глазах отражалась лишь дикая ярость. Издав глухой рык, она стремительно ринулась вперед. Она не видела ничего вокруг, сконцентрировавшись лишь на намеченной цели, словно именно этот человек отвечал за гибель ее медвежонка. Она даже не заметила, как преодолела расстояние, разделяющее ее с убийцей. Ей показалось, только она моргнула, и он оказался перед ней. Рыбак даже не успел обернуться и понять, кто находится за его спиной. Смерть материализовалась как призрак. За молниеносным взмахом лапы последовал сметающий удар. Сверху вниз. Раздался пронзительный хруст шейных позвонков и человек подобно тряпичной кукле как подкошенный рухнул на землю, неподвижно, лицом уткнувшись в траву. Но ярость требовала выхода. Терзающая сердце боль – возмездия. И она принялась неистово терзать бьющегося в агонии человека. Острые когти раздирали плоть, оставляя глубокие кровоточащие раны, клыки с легкостью дробили кости, вырывая сухожилия. Она одержимо катала человека по траве, переворачивая лапами. Рвала и кусала. И успокоилась лишь тогда, когда человек перестал подавать какие-либо признаки жизни. Пристально всматриваясь в бледное залитое кровью лицо и, настороженно обнюхивая неподвижное бездыханное тело, убедилась, что враг не притворяется. Он был мертв, а значит, месть свершилась и очередной противник повержен. Она раздражено заворчала, оскаливая окровавленные клыки и неспешно направилась вглубь кедрача, настороженно оглядываясь назад. Она одержала победу, но почему-то это не принесло успокоения, лишь

кратковременное облегчение. Минутное забытие и азарт поединка. Но вот все закончилось и воспоминания об утрате вернулись вновь. А вместе с ними и острая душевная боль. И тогда она решила; пока бьется в груди сердце она не отступит от мести и сполна оплатит людям за причиненные страдания.

ГЛАВА 1

Притаившаяся в глубине девственного леса пологая поляна, заросшая папоротником и кустами черники, казалась только что вышедшей из русской народной сказки, и чудилось: стоит лишь углубиться в чащу, как неожиданно наткнешься на покосившийся деревянный домик Бабы Яги на курьих ножках. О таких местах в народе говорят – тут леший ногу ломит, сплошной бурелом. В глубине тайги мало что напоминает о присутствии цивилизованного человека, лишь изредка доносящийся с неба гул реактивных двигателей да надсадный треск вращающихся винтов пролетающих вертолетов охотоведов, а остальное так и остается неизменным, как множество веков назад. Это вотчина хозяйки Природы со своими правилами и законами.

Влажная земля парила, вбирая в себя установившееся погодой тепло. Но даже вездесущие солнечные весенние лучи не могли пробиться сквозь плотную завесу столетних исполинов, чьи густые ветвистые кроны подпирали собой небесный свод. Там, укрываясь в сумеречных тенях, недоступные разрушительному воздействию солнца, лежали жалкие остатки уходящей зимы, серый талый снег. Но весна брала свое, солнце день ото дня припекало все сильнее и сильнее, и воздух пьянил дурманящим ароматом очнувшейся от зимней спячки бурной растительности. Тайга пробуждалась. По небу медлительно плыли белоснежные стаи облаков, лениво подгоняемые легким весенним ветерком, призрачной тенью отражаясь на поверхности реки. Восторженно зашумел прилегающий к речке молодой ивняк. Расшалившийся ветерок накинуд на гибкие ветви, словно пытаясь заигрывать с вылупившимися из набухших почек крохотными зелеными листочками. В траве, чьи остроконечные ростки победоносно пробивались из нагретой почвы, воодушевлено стрекотал кузнечик, радуясь приходу ранней весны. Ему в такт вторил пронзительный хор вездесущих мушек, облюбовавших распустившиеся яркие бутоны весенних цветов, испускающих благоухающий аромат. Вся прилегающая к речке низина напоминала стелющийся оранжевый ковер, сотканный из жарков – первых таежных цветов. Едва сходил снег и жарки, обласканные солнечным теплом, выпрыгивали из земли, радостно распуская пышные бутоны. Лес упоительно звенел, избавляясь от зимней спячки, наполняясь счастьем и жизнью.

Неожиданно беспечный гам прекратился и в воздухе застыло напряженное ожидание. Пронзительно заверещала сойка, встревоженная появлением матерого хищника, но тут же успокоилась, не обнаруживая в его присутствии ничего опасного для себя. Ей в такт вторил надсадный голос таежного ворона. Как серая тень промелькнула полевка и укрылась в своей норе. Напуганные криком пернатого дозора, с земли вспорхнули пестрые рябчики, и как гроздья расселись на соседних соснах, с недоумением крутя по сторонам головами.

Со стороны густого кустарника, обступающего поляну подобно непреступной изгороди, послышался едва уловимый шорох и приглушенное фырканье. Громко хрустнула надломленная ветка, предупреждая о нечто большом и грозном, кусты жимолости раздвинулись, и на поляну, настороженно озираясь по сторонам, вышла матерая медведица. Она напоминала взведенную пружину, готовую немедленно действовать. Ее мышцы были напряжены и рельефными буграми выделялись под взъерошенной шкурой. Она подозрительно окинула прилегающую местность, приняхиваясь к едва уловимым запахам, повела стоящими торчком ушами, пытаясь чутким слухом определить притаившуюся опасность. Но, не обнаруживая угрозы, издала приглушенный рык. И словно по команде из высокой травы выкатился маленький бурый клубочек. Медвежонок нерасторопно наскочил на мать и неуклюже завалился на спину, забавно размахивая короткими толстыми лапами в безуспешной попытке подняться. Медведица легонько подтолкнула недотепу лапой и тот, перекувыркнувшись через голову, нелепо растянулся на животе, растерянно озираясь вокруг. Но недоумение быстро прошло, медвежонок резво вскочил на лапы и засеменил за матерью, игриво кусая ее за шерсть на животе и путаясь под ногами. Медведица остановилась и, деловито обнюхав коричневый выющийся стебель с желтыми разводами на широких листьях, принялась копать. Вытащила спрятанный глубоко в земле размером с картофелину твердый с шершавой кожурой клубень, смахнула налипшую грязь и с довольным урчанием вонзила зубы в сочную мякоть. Растение было не что иное, как корень жизни - батат, которое заставит работать желудок, расстроенный после длительной зимней спячки. От удовольствия она уселась на нагретую землю, по-человечески вытягивая вперед задние лапы. Медвежонок крутился рядом, с любопытством заглядывая в рот матери, но медведица лишь ворчливо отворачивалась от настойчивых притязаний сына. Он был еще слишком мал, чтобы употреблять столь твердую пищу. Медвежонок обиженно засопел недовольный таким пренебрежительным отношением, но обида быстро улетучилась. И он, играя, впился маленькими острыми зубками сидящей медведице в лапу, принимаясь азартно трепать захваченный клочок шерсти. Забавно рыча, он резво отскакивал от лапы и вновь нападал. Но это не могло продолжаться бесконечно. Хотя зубы и были малы, но все же доставляли неприятные ощущения, так как собой напоминали острые иглы. Медведица проворно схватила озорника и, прижимая к груди, заботливо вылизала остренькую мордочку малыша который крутился как волчок и, так норовил ухватить ее за нос. Но мать лишь наигранно рычала, ловко уклоняясь от щелкающих зубов, крепко придерживая разыгравшего шалунишку могучей лапой. Он казался ей самым любимым, самым лучшим медвежонком на свете; так уже было в прошлом, так будет и в будущем, но только уже с новым ребенком. За безопасность своих детей она не задумываясь, пожертвовала бы своей жизнью. За них она готова сразиться с любым противником, даже если шанс победить будет ничтожно мал. Своя жизнь не имела значения, только бы малыш остался целым и невредимым. Прошрое. Настоящее. Будущее. Все перемешалось. Лишь чувство любви осталось неизменным. Когда-то она так же тщательно вылизывала, пахнущие материнским молоком мягкие шкурки былых детей, которых сейчас уже и не помнила, как они выглядели. Теперь они далеко не дети, а настоящие взрослые медведи, способные сами за себя постоять. Но когда-то там, в далеком детстве, она так же заботливо оберегала их, надежно защищая от всех земных невзгод. Она передала свой опыт, благодаря которому они стали сильными охотниками, опытными следопытами, поэтому и

остались в живых. Так будет и с ним, с маленьким “несмышленишкой”, который даже не догадывается, какие коварные ловушки расставила для него жизнь; те смертельные западни, из которых не всегда можно выйти победителем. Но она научит его избегать опасности, мужественно переносить невзгоды. Научит, как быть сильным, хитрым, выносливым. И он вырастет настоящим матерым зверем готовым к любым неприятностям. Медведица легонько подтолкнула сына и он, забавно размахивая лапами, прокатился на животе по траве, с разгона въехав носом в муравейник. Муравьи, принимая воинственную позу, встретили незваного гостя дружным залпом жгучего огня. Медвежонок, получая по глазам порцию едкой кислоты, плаксиво взвизгнул. И отчаянно мотая головой, спотыкаясь, с жалобным воем бросился к матери, прячась у нее за спиной. Губы медведицы расплылись в добродушной улыбке, она обернулась и обняла притихшего сорванца, который, крепко прижимаясь, опасливо косился на смятый муравейник. Это маленькое приключение станет для него хорошим уроком: даже на первый взгляд вполне безобидная мелочь может за себя достойно постоять. Но дети есть дети. Детская память скоротечна. Уже через минуту позабыв о былых неприятностях, медвежонок с живым интересом разглядывал огромную сосну. Его манила скрытая в густых ветвях великая тайна. Любопытство подстегнуло к действию. Он решительно высвободился из объятий матери и, с опаской обходя муравейник, как зачарованный засеменил к интересному дереву. Обхватив ствол лапами, он проворно взобрался до первых ветвей, и с восторгом посмотрел на мать, которая с высоты показалась ему не крупнее муравья. Медведица обеспокоено заворчала, но медвежонок не обращая внимания на встревоженный ропот, упрямо карабкался вверх, и исчез в кроне. Мать нервно вскочила, испуская громкий предостерегающий рык, и лишь тогда он с крайней неохотой попятился назад. Но только коснулся лапами земли, как мать грозно сгребла его в охапку. И он немедленно был наказан за непослушание. Медведица назидательно отшлепала сорванца, “разъясняя”, что не стоит вести себя безрассудно и расстраивать ее. Внезапно она насторожилась, чутким обонянием улавливая терпкий запах приближающегося хищника. Застыв, она нервно всматривалась в редкие проблески между веток кустарника и, обнаружив возле ручья склонившуюся серую тень, глухо зарычала, обнажая крепкие клыки, брови ее хмуро сошлись на переносице, шерсть на загривке встала дыбом. Пусть она и не видела прямой угрозы нападения, но решила не рисковать и как можно быстрее прогнать прочь серого разбойника, который с легкостью мог поживиться ее малышом. Она резко оттолкнула медвежонка, который, инстинктивно повинувшись, тихо притаился в траве, стараясь слиться с землей. И, направилась к ложу, стараясь бесшумно ступая и не терять врага из вида. Волк, не подозревая о надвигающейся опасности, неторопливо пил из ручья. Низко склонив тяжелую голову, усеянную широкими белесыми шрамами; память о былых схватках за право обладать лучшими кусками добычи и ласками самок в большой безжалостной стае. Поединков было много, из них он всегда выходил победителем. Он мог гордиться своим опытом и силой, не единожды доказывая, что место вожака он занял неслучайно. Но он прекрасно понимал, что ничто не вечно под луной; скоро он состарится и на смену придет новый вождь, более ловкий и сильный, а ему останется лишь украдкой питаться жалкими остатками от богатого пиршества. Но это будет в будущем. Конечно, если еще раньше его не остановит пуля охотника. Но сегодня он пока еще вождь стаи и любому зарвавшемуся юному выскочке сумеет доказать это, отстаивая свое лидерство в

поединке. Он с наслаждением лакал чистую прохладную воду, утоляя приятную жажду; ему подвернулась удача закусить зазевавшимся зайцем и теперь он довольно урчал от сытости. После каждого глотка на поверхности воды оставались расплывающиеся алые пятна. Но вот он уловил за спиной подозрительный шорох, и повернул голову в сторону исходящего шума. И наткнулся на пронизывающий взгляд медведя. Это была встреча, которая не сулила ничего хорошего. Одному ему, без помощи стаи, с врагом не справиться. Нервы напряглись, он был на волоске от смерти, ему крупно повезло, что он вовремя заметил опасность, еще два – три шага и ему было не спастись. Медведица, понимая, что ее обнаружили, поднялась во весь свой недюжий рост и яростно заревела, грозно размахивая передними лапами. Волк резво отпрыгнул от ручья, и низко припадая к земле, затравленно попятился к спасительным кустам, свирепо скалясь и предостерегающе рыча в ответ. Шерсть на его загривке встала дыбом, он не сводил с медведицы беспокойного взгляда. Медведица вновь испустила грозный рев и свирепо бросилась в атаку. И волку только оставалось, трусливо поджав хвост поспешно убраться с ее дороги. Здесь уже было не до ущемленного самолюбия, жизнь дороже. И он проворно нырнул в заросли шиповника, не обращая внимания на болезненные уколы острых шипов. Медведица не стала преследовать убегающего врага. Немного постояв, дождавшись, когда смолкнет шорох вдали, она вернулась назад, издавая тонкий призывный свист. Медвежонок покинул укрытие, и послушно засеменил рядом. И они медленно направились к высокогорью, где на прогретых склонах зеленела поросль молодой черемши.

ГЛАВА 2

Петляющей змейкой среди возвышающихся сопок, извивалась едва приметная таежная тропинка по которой уверенно шли два человека, невольно сгибаясь под тяжестью наброшенных на плечи раздутых рюкзаков. Охотники уже сбились со счета сколько преодолели пологих хребтов, обошли стороной отвесных скал, миновали вброд горных рек, сопротивляясь их сбивающему с ног стремительному течению. Но они упрямо двигались к намеченной цели. Двое суток в пути. Изматывающий день и короткая ночная передышка. Сон - больше похожий на бодрствование, а с рассветом снова дорога; пот, заливающий глаза, жгучие укусы комаров и гнуса. Их уже мало интересовало, сколько километров осталось позади, больше заботило, когда же завершится этот безумный переход. Но цель оправдывала средства. Люди валились с ног от усталости, но со звериным упорством двигались к медвежьей проталине в предвкушении желанной добычи. Медвежья желчь высоко ценилась на “черном” рынке и за нее давали хорошие деньги. А еще лапы и шкуру. Все вместе сулило приличный куш, столько не заработать и за год работы в леспромхозе. Да и мясо на зиму останется, а значит, отпадет надобность покупать свинину, которая в этом году значительно подорожала. Что не говори кругом сплошная выгода. Пусть медведь и зверь опасный, но добывать его им приходилось не впервой, по крайней мере, одному из охотников. А это уже вселяло долю оптимизма, без добычи они назад не вернуться. К тому же оба они были отменными стрелками и прекрасно вооружены; о брюки защитного покроя приветливо прикосались потертые лакированные

приклады двустволок, а кожаные ячейки патронташей забиты патронами с разрывными пулями, которых хватило бы отстрелять всех медведей в округе. Крутой последний подъем и охотники наконец-то вышли на интересующий их участок местности. С вершины сопки тайга лежала как на ладони; у ног, насколько хватало взгляда, раскинулся величественный кедровый бор и лишь по берегу горной речки, вьющейся подобно серебристой нити, робко жались ивы и редкие березы.

- Вот и дошли! – удовлетворительно хмыкнул пожилой охотник, осторожно спускаясь с пологого склона, и обнадеживающе заверил: - Перейдем реку и мы на месте. - На очередном повороте, прислоняясь рюкзаком к дереву, он вытер широкой мозолистой ладонью скатывающиеся с упрямого лба крупные капли пота и, приглаживая назад седые мягкие волосы, задумчиво заключил: - Осталось километра два от силы. Выйдем к реке у “сухостоя” на “Гришенской” поляне и разобьем бивак.

- Обрадовал! - устало выдохнул черноволосый мужчина лет на двадцать моложе своего собеседника. Он ни на шаг не отставал от своего старшего товарища, которому знакомая местность словно придавала резвости, и разочарованно пожаловался: - Эта прогулка до “кордона” меня окончательно доконала. Сил моих больше нет тащить этот проклятый рюкзак. Такое ощущение, словно жена в него специально кирпичей наложила, чтобы я издох по дороге! - и глухо пригрозил: - Вернусь, заставлю саму по дому с рюкзаком побегать. Пусть узнает почему пуд лиха! Додумалась наложить всякой ерунды, словно я не на три дня в тайгу отлучился, а зазимовать собрался. Размечталась! – Гневу охотника не было предела. – Заставь дуру Богу молиться, она и лоб расшибет! Зараза! - На вид мужчине было лет тридцать пять, крепко-сбитый, низкорослый и широкоплечий, отдаленно чем-то напоминающий английского бульдога, с такими же кривоватыми ногами и с выступающей вперед нижней челюстью. С смотрящим исподлобья неприятным взглядом черных глаз, в которых то и дело вспыхивали безумные зарницы. Не каждый в поселке мог выдержать этот обжигающий ненавистью взгляд взбешенного зверя, чтобы не ощутить предательский холодок на спине от страха. За свой неуправляемый буйный характер Михаил среди односельчан слыл ярым дебоширом. Вспыльчивый, заводящийся с полуоборота, он постоянно ввязывался в драки, большинство которых сам же и затевал. Его боялись и старались обходить стороной, чтобы случайно не попасть под его горячую руку. Он был не просто жестоким человеком, а настоящим садистом, в котором отсутствовало понятие жалости и сострадания. Частенько напиваясь до беспамятства, он жестоко избивал свою жену, пуская в ход свои тяжелые кулаки. А когда она теряла сознание, уже ногами добивал лежащую на полу женщину, после чего она неделями отлеживалась в постели, с трудом отходя от побоев. А так как поводы к применению грубой силы у него имелись всегда, то и у женщины месяцами не сходили с опухшего лица синяки и кровоподтеки, демонстрируя окружающим людям тяжелый нрав мужа. Хотя он частенько прикладывался к рюмке и постоянно дебоширил, но никто не мог сказать, что охотником Михаил, тем не менее, был добычливым и до безрассудства отчаянным. Он в одиночку ходил на кабана, случалось, приносил и сохатого. А однажды голыми руками задушил напавшего на него матерого волка, шкура которого теперь устилает пол на кухне, служа прямым доказательством его недюжей силы. На своем веку он много бил всякого зверя, но вот на медведя охотился впервые. И надеялся, что не ударит лицом в грязь, рассчитывая на свою меткость и богатый опыт по добыче иного крупного зверя.

- Фу ты! Прибыли! - удовлетворено выдохнул Сергей Петрович, проворно скидывая на землю рюкзак и устало присаживаясь рядом: - Теперь осталось дело техники - разыскать косолапого и взять его на мушку. А дальше как повезет, или мы его, или он нас. Иного не дано! - мужчина громко рассмеялся, скаля пожелтевшие от никотина зубы, обводя поляну цепким охотничьим взглядом, и пытаясь отыскать хоть малейшие признаки присутствия хозяина тайги.

- Наконец-то! - облегченно выдохнул Михаил, заваливаясь рядом с товарищем и поспешно стягивая кирзовые сапоги, предоставляя отдых гудящим от ходьбы ногам. - Какое блаженство! - умиленно простонал мужчина, вытягивая вперед босые ноги и рассматривая покрасневшие пальцы. Хоть он и был физически не слабым человеком, но даже его изрядно измотал сорокакилометровый марафон. - Ты медвежье место поближе найти не мог?!

- Ближе уже всех отстреляли! - издевательским тоном заметил Сергей Петрович, скрутив самосад и смачивая слюной папирусную бумагу. - Людей в лесу больше, чем грибов! Зверье все перевели!

- Это точно! - подтвердил Михаил, массируя поочередно ступни ног и, мечтательно произнес: - Сейчас бы вздремнуть часок - другой! Слегка отдохнуть и со свежими силами в бой!

- На том свете отоспимся! - насмешливо возразил Сергей Петрович. - Времени в обрез! Во-первых, нужно дотемна успеть разбить бивак! А во-вторых, необходимо плотно перекусить! Кто знает, когда еще придется поесть! - и, развязывая рюкзак, ворчливо запричитал: - Не привелось питаться настоящим мужикам одним святым духом! Сном сыт, не будешь! Нам нужно мясо, много мяса, в нем вся мужская сила! А силушка нам сегодня еще пригодиться! Ой, как пригодиться! Медведь слабаков на обед заказывает! Стоит чуточку зазеваться, расслабиться, а он тут как тут: сгребет тебя в охапку и поминай, как звали!

- Хватит причитать, мы тоже не из мякины сделаны! Как-нибудь сумеем за себя постоять! - огрызнулся Михаил, с любовью поглаживая лакированный приклад двустволки. - Да и подруга у меня не то, что медведя, слона уложит на обе лопатки! Медведь - для моей "старушки", что мышка для кошки! А-мм и проглотила!

- Всегда случается первый раз! Смотри, как бы не подавилась! - незлобно подковырнул Сергей Петрович, лукавым взглядом окидывая новенькое ружье товарища. - Осечки дают даже самые дорогие ружья, тем более новые! Им вообще веры нет! Твоя пушка, что не говори, внушительна! Красавица! Но оно еще не пристреляно! Нужно было брать старую берданку, она у тебя, как Робин Гуд - била точно в яблочко! - Михаил лишь отмахнулся, не соизволив даже возразить. Но дед назидательно продолжил: - Всегда необходимо быть ко всему готовым! А больше всего к неприятностям! Они только и ждут случая, чтобы ударить тебе в спину! Старые ружья, как "бабки", проверенные годами, а новые так себе! Никакой гарантии! Как молодуха, вроде все при ней, а нет надежности! И медведь тебе не безобидная мышка, глазом моргнуть не успеешь, как он на тебя за спиной сверху навалится! А задавить ему человека, раз плюнуть, как никак центнер весит, где его выдержишь! Такая махина, а ходит по лесу, веточка не хрустнет, спрячется в кустах и ждет, пока человек мимо пройдет! А потом как выскочет и поминай, как звали! На медведя ходить это тебе не баб щупать, всегда нужно быть наготове! Даже опытные охотники пропадали почем зря, становясь жертвами своей самоуверенности, забывая, что судьбой повелевает - случай! Дураки только гребут всех зверей под одну гребенку! А у зверья, как и у людей, у каждого свои

привычки и характеры! Бывает и заяц нападает на охотника!- Сергей Петрович задумчиво всей пятерней взъерошил седые волосы и глухим голосом произнес: - Я расскажу тебе одну историю, мне ее поведал давнишний приятель из Иркутска, с которым мы вместе не одну ночь провели в засидках на солончаках, охотясь на лосей! - Дед рассеянно покивал головой, словно погружаясь в прошлое. - Сам знаешь! На "схорон" приходишь засветло, чтобы зверь не почуял твоих следов, а пока ожидаешь сумерек, времени хватает, чтобы поговорить по душам! Так вот, он мне рассказал! Случилось это в Слюдянке, десять лет назад! - он пристально посмотрел на недоверчиво ухмыляющегося товарища и разгорячено заметил: - Зря скалишься, поверь мне, это не выдуманная история! Мой отец, царство ему небесное, - дед суеверно перекрестился, - сказывал, что в старину для охотника было делом чести выйти на медведя с рогатиной! Рогатина и нож, и ничего более! Глаза в глаза, один на один! Вот это удасть! Но порой встречались еще отчаяннее храбрецы, которые вступали в смертельную схватку с медведем, орудуя ножом и шапкой!

-Жаль, что не с серпом и портянкой! – надсадно захохотал Михаил, не сомневаясь, что вся "правдивая" быль очередная охотничья байка. - Помахал платочком, а из кустов медведь, как бык на красную тряпку несется, ты рубанул его по шее и голова как шарик слетает с плеч! Не охота, а настоящий сбор урожая! Сходил в лес, накопил себе мяса на зиму, продал шкуры! Благодать, никаких затрат, одна прибыль!- смеясь он не переставал проворно крутить между пальцев оцинкованный патрон, начиненный свинцовой пулей, сверху надпиленной в виде креста. Разрушительная сила разрывной пули невероятная. Входя в тело маленькой аккуратной точкой, она непредсказуемо могла выйти в любом месте, вынося за собой все внутренности.

- Не иронизируй, Фома неверующий! Вам молодым лишь бы посмеяться! А зря! Лучше мотай на ус и запоминай! Охота дело серьезное, ей как в школе учиться надо! А кто еще вам недотепам преподаст урок кроме нас стариков! Все мы на словах – герои, а только дела коснется, сразу в кусты! Я да я! Одна пустая бравада! Свалить медведя из ружья и то большой ум требуется, даже если есть патроны и глаз меткий! Но то ли дело рукопашная! – он отрешенно махнул рукой. - Не у всякого хватит духа в одиночку справиться с медведем, а тем более одним ножом! - пожилой мужчина уверенно кивнул головой, подтверждая свои слова. - Шкура у зверя твердая дубленая, кости крепкие, да и лапами он орудовать мастак, не подберешься! У охотника один-единственный шанс нанести смертельный удар, чтобы через ребра попасть в сердце! На это требуется особая сноровка, оттачиваемая годами! Не каждый охотник это сможет! Человек должен обладать многими качествами; храбростью и выдержкой, а так же ловкостью и присутствием духа! И конечно силой, без нее никуда! Но зато, сколько получаешь удовольствия, когда матерый зверь, которого ты одолел в честной схватке лежит у твоих ног! Только на это решится не каждый! Трус выбирает легкие пути, пользуясь безопасными для своей жизни способами! Капканы, винтовки с оптическим прицелом, железные петли! Убил зверя, порой даже в глаза не увидев живого, и распевает, как он рисковал! А чем хвалится тем, что отсиделся в кустах?! Настоящий охотник встречает опасность лицом к лицу, грудь на грудь, глаза в глаза! - он тяжело вздохнул. – Но всего предвидеть невозможно! Мы предполагаем, а Бог располагает! Удача капризная девчонка! - мужчина растерянно развел руками. - Судьба порой нам преподносит непредвиденные сюрпризы! И на старуху есть своя проруха! И тогда все твои старания летят коту

под хвост! Вроде сделал все, как положено, правильно рассчитал каждый шаг, движение! А нет, вышла неувязка, нелепая промашка, стоящая тебе жизни! Непредвиденное обстоятельство, трагичное вмешательство рока, разрушает обыденный расклад! Оказывается, - Сергей Петрович многозначительно прищелкнул языком, - встречаются феномены и среди зверей, которые на выработанный подход, реагируют иначе, нестандартным способом поведения! Так случилось и с тем медвежатником! Он на протяжении многих лет успешно пользовался простейшим способом охоты, срывал с головы шапку, демонстративно замахивался, заставляя зверя инстинктивно подняться на дыбы, и резко бросал шапку медведю в голову! Медведь невольно моргал, получая ушанкой по глазам, а охотник тем временем, проворно подскакивал к нему вплотную и сильным ударом вонзал нож в сердце! Хватало одного удара, чтобы зверь замертво падал на землю!

- Ничего себе! - восхищенно воскликнул Михаил, от удивления раскрыв рот. – Вот это мастерство!

- Мужик был хорошим человеком, - старик печально растягивал слова, смотря затуманенным взглядом словно сквозь время, - он убивал зверя профессионально, мгновенно, не давая напрасно мучиться! - внезапно в его голосе послышались гневные нотки. - Ведь если вскрыть медведю брюхо, то он от боли начинает наматывать вывалившиеся кишки на лапу, умирая в страшных мучениях! Но это уже не охота, а настоящее изуверство получается! Смерть должна быть легкой и быстрой! - Сергей Петрович вопросительно взглянул на товарища, тот в знак согласия утвердительно кивнул головой. - Вот и он понимал, выпустить кишки медведю, ума большого не требуется, ударил и отскочил на безопасное расстояние! И остается только ждать, пока зверь себя не раздерет на части! И никакого риска! - Он отрешенно махнул рукой. – И никакой радости от победы! Низко и подло! Мне уже не справиться с медведем без ружья, силушка не та! Да и по молодости побаивался я идти на медведя с ножом, что поделать, храбростью Бог не наделил! А медвежатник читл только честный поединок, и не терпел подлости и несправедливости, он оставлял зверю шанс, которым тот однажды неминуемо воспользовался! Охотник вышел победителем из тридцати схваток с матерыми самцами, но тридцать первый для него стал последним - роковым! А произошло это, не по вине его оплошности или досадной ошибки! Он делал все как обычно, отработанной годами схемой, но видно от него отвернулась удача! - и, не много подумав, растерянно добавил: - Или вышел сам медвежий Бог, прослышав о храбром охотнике, желая помериться с ним силами! - Сергей Петрович, как и прочие старики, был суеверен, убежденный в том, что даже камень имеет свою непонятную нам лесную душу. - Разве разберешься, какие вмешались высшие силы, но результат оказался плачевным! Охотник как обычно замахнулся, поднимая медведя на задние лапы, машинально бросил шапку и стремительно подскочил к ревушему зверю, готовый нанести смертельный удар! А тот – оп! И обнял человека! Тебе не нужно объяснять что, значит, оказаться в железных медвежьих объятиях! Это словно попасть под гидравлический пресс, доли секунды, и грудная клетка превращается в спрессованный мешок! Глазом не успеешь моргнуть, как отправляешься на свидание к предкам! А все дело в том, что зверь не соизволил моргнуть и видел приближающегося охотника! А дальше - дело техники! Вот так-то! Мораль сей басни такова, как бы ты ни был готов, события иногда развиваются не по заданному сценарию!

-Да уж! Занятный случай! - угрюмо согласился Михаил, чувствуя на душе неприятный осадок. – Я тоже одну веселенькую историю знаю, мне ее рассказал знакомый охотовед, когда я покупал лицензию на отстрел лося! Значит, дело было так! Один горе-охотник, - он возбужденно поддался вперед, отчаянно жестикулируя руками, - решил в одиночку сходить на лося! Приобрел лицензию и ринулся на подвиги! Сутки, нет! Вторые прошли! Тишина! На третьи жена заволновалась и обратилась в лесничество! Те организовали поисковую группу и кинулись его искать..

- Нашли? - возбужденно любопытствовал Сергей Петрович, на мгновения переставая разбирать рюкзак.

- А куда они денутся! Это для городских жителей тайга – китайская грамота, а для таких как мы, что раскрытая книга! А если знать где искать, вообще плевое дело! - мужчина воодушевленно размахивал руками. - А вот теперь представь себе такую картину! В три обхвата здоровенная береза, в ней два трупа; наш горе охотник и, пригвоздивший его рогами к стволу дерева, сохатый! Вот где ирония судьбы! Охотник и добыча застыли в смертельных объятиях, и теперь не разберешь, кто из них охотник, а кто жертва! Нет победителей и нет побежденных, смерть уравнила их! - он недоуменно развел руками. - Видно охотник лишь подранил зверя, а тот оказался не робкого десятка и пошел на человека, взял на рога, но не рассчитал силы и пригвоздил в стоящее поблизости дерево! А может, сделал это намеренно, инстинктивно чувствуя приближение смерти, решил за собой на тот свет утащить и человека! Кто его знает, что там произошло, мертвые ведь ничего не поведают! Вариантов много, конец один! Знаю только, что впятером охотники еле управились, вытаскивая рог из расщелины! А теперь представь, с какой силой сохатый ударил человека!

- Да уж, дела! - удрученно протянул Сергей Петрович, прикуривая папиросу и глубоко затянулся, представляя трагичную сцену. - Вот ведь судьба сыграла злую шутку! Они, наверное, умерли не сразу а, истекая кровью, с ненавистью смотрели в глаза друг другу!

- Злорадно ожидая, кто умрет первым! - хищно улыбаясь, поддакнул Михаил. – Возможно, и радовался лось, что враг умер быстрее, но думаю не так уж и долго! В принципе никто из них не выиграл! Оба сыграли в ящик!

- Да нельзя так! – осуждающе произнес дед печальным голосом. – Две смерти, две перечеркнутые судьбы!

- Да и черт с ними! - злобно выругался Михаил и в сердцах махнул рукой. – Стану я еще по мелочам переживать, мне до них нет никакого дела! Кто они мне, родственники что ли?! Братья, сваты! Кто?! Никто! А если никто, то незачем и голову забивать! Да им уже ничем не поможешь! Как ни старайся, не оживить! Да и далеко теперь они отсюда, наверное, блаженствуют там! - он ткнул указательным пальцем в небо. – Ни в чем себе не отказывают! А нас впереди ожидают куда более важные дела, чем расстраиваться по поводу чьей-то никчемной жизни!

Михаил не имел ни малейшего представления о жалости, сострадании, сочувствии, чужая судьба его не волновала, он заботился лишь о собственном благополучии, считая, что каждый несет свой крест. И если кому-то суждено умереть, так тому и быть, а он здесь не причем. Мужчина рывком поднялся и вразвалочку направился к протекающему поблизости ручью, сквозь кристальную поверхность которого, просматривалось песчаное дно и облепленные зеленой тиной камни. Резвая стайка серебристых секачей, испуганно отшатнулась от

появившейся на поверхности человеческой тени и проворно устремилась в густые ветви, склоненной к самой воде осине. Человек присел на корточки и, загребая ладонью прохладную родниковую воду, вволю напился из ручья. Утолив жажду, он поднялся и, с хрустом потягиваясь, неуверенно заключил:

-Невезение преследует какое-то, за всю дорогу не повстречали ни одного медвежьего следа, даже малейшего признака существования! Словно зверя здесь нет, и никогда не было!

- Не волнуйся, еще повстречается, да и не один! Я давненько приметил это местечко, еще по зиме, когда ходил на соболя капканы ставить! Огибаю, значит расщелину, она не далеко отсюда находится, смотрю из маленькой продушины в снегу, пар валит! Понятное дело, медведь в корнях свалившегося кедра берлогу себе устроил. Хотел сразу его прижучить, но побоялся, вдруг медведица с медвежонком! - Дед растеряно пожал плечами. – Ладно, мать убил бы, а что с медвежонком делать, грешно как-то дитя на тот свет отправлять! Жизни-то еще не повидал, совсем кроха! С собой не возьмешь, а здесь оставлять верная гибель! Да и в прошлом дал я себе клятву не трогать матерей с малышами! Непристойное это дело умертвить дитя пусть и звериное в материнской утробе, или когда оно сосет грудь! Великий это грех! Дети есть дети, ходят на двух они или на четырех! За это Бог по головке не погладит, так накажет, мало не покажется! А в моем возрасте лишний грех на душу брать, упаси Господи, нет желания! И так по ночам кошмары покоя не дают из-за прошлых деяний!

Михаил язвительно ухмыльнулся. Но пожилой охотник, заметив ехидную улыбку осуждающе качая головой, горячо возразил:

- Я знаю, что ты подумал, одним больше, другим меньше, какая разница! Вырастет, вдруг на тебя же и нападет, называется, пожалел! А так наверняка, без шанса! Я так же рассуждал по молодости, убил и никакого раскаяния! Но с возрастом приходит осмысление, начинаешь смотреть на мир иными глазами! Ты стараешься не допускать непростительных ошибок, способных в будущем выворачивать душу наизнанку! - Он тяжело вздохнул, вновь уходя в себя. - Прошное может быть очень мстительным! Если не ударит физически, то ранит душевно! А как долго душевные раны не заживают, знает только тоска и горечь! Вот они то меня и изводят! Отыгрывается прошлое на мне за мою беспечную молодость! От него нельзя укрыться даже ночью, во сне! Везде достанет и изведет! – Сергей Петрович нервно потер вспотевшие ладони. - Мне каждую ночь уже на протяжении года снится один и тот же сон, смертельно раненная мною олениха! - он горько вздохнул. - Первый на охоте выстрел из ружья и такая удача! Я подбегаю к своему первому трофею, вот будет гордость перед отцом! А она смотрит на меня и, из глаз ее катятся настоящие слезы, а под ней придавленный материнским телом бился в агонии новорожденный олененок! Она просто лежала и смотрела мне в глаза и, в них я видел невыносимую тоску! Не ее боль, а боль за малыша! Она пыталась привстать, но ноги ее не слушались и очередной раз, когда она завалилась, я услышал хруст костей, это сломались ребра у олененка! У меня в душе все перевернулось, не поверишь, я плакал вместе с ней! Я словно превратился в камень! Я не чувствовал одобрительные похлопывания отца по плечу, не слышал его похвальные слова, я видел только ее и мертвого олененка! Мой первый охотничий трофей не принес мне ничего, кроме терзающей все оставшиеся годы острой душевной боли! Как я мечтаю вернуться в то далекое прошлое и воздержаться от того, рокового выстрела! И может быть, тогда меня отпустило чувство вины! Я уже устал просыпаться в холодном поту, терзаемый ее

взглядом и пятнистым боком бьющего в агонии олененка! - глаза старика увлажнились, и он с печалью произнес: - Вот так, охота не всегда доставляет радость, порой она приносит лишь огорчение! - и уже более спокойным голосом продолжил: - Поэтому я не стал торопить события - дождался весны, чтобы повторно не наломать дров! - и, отгоняя грустные воспоминания, решительно встряхнул головой. - Прошлого уже не изменить, а питаться чем-то надо! В магазинах ничего нет, вот мне и приходится мотаться на охоту, чтобы детям и внукам подарочки в город отсылать! Мы то и картошкой проживем, все же огород свой, а им молодым, чтобы расти, мясо требуется! Так что если это самец, на что я очень надеюсь, то он от нас нигде не скроется!

Сергей Петрович Силантьев слыл опытным охотником, на счету которого был не один убитый медведь, в отличие от молодого товарища, который впервые участвовал в медвежьей охоте. Себе напарника Сергей Петрович взял для подстраховки. Зрение было уже не то, и в руках появилась предательская дрожь, да и прежние силы с годами поиссаяли. Что и говорить, он разменял без малого уже шестой десяток, хотя на людях по-прежнему старался бодриться и выглядеть молодцом. Но годы.. Но годы неустанно брали свое, время не стояло на месте и с его бегом он безвозвратно старел. Он все больше и больше ссутулился, все, ниже и ниже сгибаясь к земле. И теперь некогда густые, черные как смоль волосы, поредели и больше напоминали выпавшую порошу, а на худом лице прибавилось морщин. Но было нечто и положительное в его возрасте: взамен юношеской несдержанности, пришел опыт, которым он разумно пользовался. Теперь он не допускал досадных оплошностей и поспешных решений. Мужчина лишь беспокоился, как бы молодой охотник в горячке не натворил бед, способных повлечь за собой собственную же гибель. Как и в любом деле приходилось отдаваться на волю случая и тогда все твои старания - коту под хвост. То могут подвести злополучные осечки, или зверь зайдет со спины, а еще хуже встретится выводок медведицы с двумя двухгодовалыми пестунами, вроде еще не взрослые, но уже не дети и ростом с мать. Вариантов много, конец один. Поэтому он старался не загадывать на будущее, все должно идти своим чередом, нельзя торопить события. На все воля Божья. И по-отцовски нравоучительно продолжил:

- Если знаешь повадки животного, успех почти гарантирован! Известно, что медведи оставляют свою территорию лишь в исключительных случаях: неурожайный год, подранок, зимой - шатун, или при сильном лесном пожаре! А так как тайга у нас не горела и не горит, а в прошлом году было много ягоды и кедровых орехов – жира он нагулял и всю зиму спокойно проспал! И весна выдалась ранняя и урожайная на черемшу, зверю не приходится голодать после пробуждения, а значит, и нет надобности куда-то срываться и оставлять насиженное место! Отсюда следует вывод, медведь бродит где-то поблизости, и мы его обязательно встретим!

Черемша росла повсюду и напоминала устланный зеленый ковер, высотой достигающий до колен человека. Михаил протянул руку и сорвал самый толстый стебель. Аккуратно очистил его от горькой кожицы, оборвал листья и с хрустом надкусил, аппетитно пережевывая сочную солоноватую мякоть, чем-то по вкусу напоминающую листья чеснока.

- Да и омуля в речках вдоволь! - одобрительно добавил он, удобно располагаясь на траве. - Я на нересте наловил столько, девать некуда! На зиму засолил целую бочку, а остатки продал в городе на рынке, хорошую выручку сделал! Если так и дальше продолжаться будет с левым заработком, зимой новую

стиральную машину куплю, а то старая на ладан дышит! Может, перекусим? – неожиданно предложил он, поглаживая рукой урчащий живот. – Во рту за день не было и маковой росинки!

- Давно пора! - согласился Сергей Петрович, проворно доставая увесистый пакет с завернутыми в фольгу съестными припасами. - Сейчас посмотрим, что у нас осталось!

- Остатки сладки! - усмехнулся Михаил, доставая из бокового кармана рюкзака вилку и железную кружку.

- Верно, подмечено! - подтвердил Сергей Петрович, колдуя над обедом. Он расстелил газету и выложил на импровизированный стол; хлеб, два куриных окорока, соленые огурцы, четыре яйца, и запеченную в мундире картошку. Оценивающе оглядев продукты, уверенно заключил: - Чем богаты, тем и рады! Не густо, но червячка заморить хватит! А вечером если повезет, у нас уже свежее мясо будет, наедемся до отвала! Он бережно извлек из кармана походную солонку, аккуратно высыпал горсть соли на край газеты и, не оборачиваясь, попросил друга:

- Я здесь пока все нарежу, а ты сходи, набери сушняка для костра! Чайком побалуемся из листьев смородины! Вон ее, сколько растет у ручья, листья молодые, чай душистым получится!

- Хорошо! - без особого энтузиазма произнес Михаил, с неохотой вновь надевая кирзовые сапоги. Со сдавленным стоном поднялся на гудящие от многочасовой ходьбы ноги, и устало направился к заваленной сосне. Резкими ударами каблука он наломал сухих веток и, взяв их в охапку, принес к биваку. Сложил хворост пирамидой, извлек из нагрудного кармана куртки завернутый в целлофан коробок спичек и, используя лишь одну спичку, разжег костер. Зачарованно наблюдая за набирающим силу пламенем, так же бережно завернул коробок и убрал во внутренний карман. Спички в тайге были на особом счету, их берегли как зеницу ока, эта была защита, тепло и горячая пища. И не приведи Господь, если они отсыреют или по небрежности потеряются, тогда охотника ожидали крупные неприятности в виде непогоды или ночного нападения крупных хищников. А в тайге хватало тех, кто не прочь был полакомиться человечинкой, это были и медведи, и волки, и рыси.

Михаил срезал ножом две рогатины, заточил их у основания и с силой воткнул в землю параллельно друг другу, а сверху положил прямую палку. Сходил к ручью, набрал котелок родниковой воды, нарвал листья смородины и аккуратно подвесил котелок над костром. Радужные капли, проворно скатываясь по почерневшей от копоти поверхности, мгновенно слизывались обжигающими языками пламени, и в тех местах в которых соприкасались вода и огонь рождалась вечная симфония неукротимых противников, надломленного треска и досадного шипения.

- Присоединяйся! - широким жестом пригласил товарища Сергей Петрович. – Обед готов! Правда, особо не рассчитывай на праздник живота! Приступая к трапезе он, как обычно, перекрестился.

- И на том спасибо! - поблагодарил Михаил, усаживаясь напротив. - Я конечно сейчас бы и быка целиком съел, но если нет, то и яйца тоже пища!

И мужчины с аппетитом накупились на еду.

- А знаешь, я давненько мечтал сходить на медведя, вот только случай никак не подворачивался! Копытные и рогатые уже надоели! Хочется адреналина, риска, опасности! Хотя и эти могут доставить тебе неприятностей, одно название лишь травоядные! У лося удар копытом такой силы, что череп волку разбивает! А секачи

еще те клыкастые фурии, ничего не боятся, атакую, сметают все на своем пути как танки, сколько уже охотников на тот свет отправили, не счесть! - С набитым ртом пробубнил Михаил, старательно обгладывая куриную кость. - Но все равно хочется чего-нибудь новенького! Да и хищник как-то уважительнее звучит! Здоровенный медвежище встает на дыбы, а ты... - охотник, выставя указательный палец, хитро прищурил левый глаз, и словно прицеливаясь в невидимого противника, возбужденно воскликнул: - Бабах из ружья! И у горы мышц красуется этакая маленькая аккуратная дырочка промеж глаз! Вот тебе и сувенир на память! Выделаю прекрасную медвежью шкуру, расстелю посреди зала, а сверху брошу волчью и будут они долгими зимними вечерами, согревать на полу мои голые ноги! Романтика! Много ли требуется для счастья, помимо уюта и тепла! Лишь достойный трофей!

- Как ты скор на руку! Разогнался – не остановить! Уже поделил шкуру неубитого медведя! Размечтался! Медведь тебе не волк, он куда более серьезный противник! Его голыми руками не возьмешь! Да и в голову ему стрелять бесполезно, у него череп бронебойный, пуля лишь отскочит! - с иронией возразил Сергей Петрович, с хрустом в коленях вытягивая ноги. - Не все так просто, как ты себе представляешь! Ерунда прицелился – выстрелил, еще и попасть нужно куда следует! Медведь дюже прыткий зверь, за ним не станет, чуточку зазевался и поминай, как звали! Будь, уверен, глазом моргнуть не успеешь, как он окажется рядом и сгребет тебя в охапку! Прижмет любя к груди! И от его нежностей, станет тебе так тошно, что костей не соберешь!

- Да уж!- подтвердил Михаил, задумчиво пожимая плечами. - Наслышаны мы о медвежьих объятиях! Это как попал в стальные тиски из которых уже не вырваться!

- Поверь мне, старику, это еще не самое болезненное! - старик лукаво прищурил глаза, и нагнетающим голосом продолжил: - Быстренько лишится жизни, это считай тебе повезло! Вот если он разыграется, тогда держись, каждый его шуточный удар для тебя новая сломанная кость! Ты уже напоминаешь переломанную куклу, а он все забавляется! Твои крики от боли для него сладкая мелодия, он вошел в раж и остановиться не сможет, пока ты не испутишь последний вздох! И станешь ты для него трофеем, который он прикопает на недельку в землю для запаха и мягкости! Любит он разложившееся мясо больше чем свежее! А скальп твой заберет с собой в берлогу! - и, улыбаясь, передразнил друга, - и будет им любоваться долгими дождливыми осенними месяцами, вспоминая об удачной весенней охоте!

Михаил брезгливо поморщился, красочно представив себе оголенный, изрешеченный синими прожилками кровеносных сосудов человеческий череп. Фантазия как обычно не подвела.

- Прямо так, с запашком и лопают?!

А бывалого охотника понесло.

- Даже не сомневайся, сам однажды видел, как он из земли разложившуюся тушу изюбра выкопал! Там так воняло, я аж нос зажал, а ему бы хоть бы хны, чавкает, еще и слюни пускает! Так что врут горе-охотники, утверждая, что медведь разборчивый и чем попало, не питается, употребляя в пищу лишь свежее мясо! Не верь этому, это бредни людей, которые тайгу видели не иначе как в телепередаче - " В мире животных"! Медведи любят баловаться "свежаком", который для сочности пролежал в земле не менее недели, набирая незабываемый аромат!

- Тьфу ты! Век живи – век учись! Никогда бы не подумал! - с отвращением сплюнул Михаил. – Еще хозяин тайги называется, никакого величия, жрет всякую погань, как гиена! - у него пропало всякое желание попробовать такое хваленное, за его мягкость и сочность медвежье мясо. - Что и говорить, одним словом - животные! И как ему нравится мертвечиной питаться?! - мужчину от омерзения передернуло. - Гадость какая!

- О вкусах не спорят! - улыбаясь, возразил старик. - Одним непременно подай на стол вареное блюдо, другие предпочитают жаренное! А вот медведь выбирает натуральные испорченные продукты! У каждого свой деликатес!

- Все же оленьё мясо благороднее медвежьего! - убеждено заключил Михаил, хотя неприятный рассказ совсем не испортил у него аппетита. - На стороне травоядных животных огромный плюс, из их рациона полностью исключены мясные блюда! - и задумчиво добавил: - Да и охоту на них вряд ли можно назвать увеселительной прогулкой! Если так задуматься кто еще победит: сохатый самец или медведь, дури у обоих хватает! И секач - вожак, тоже не подарок, клыки, как бритвенные ножи – брюхо быстро вскроет! Год назад со мной забавный случай приключился. Решил я по осени на кабана сходить. Взял двустолку шестнадцатого калибра, начинил патроны пулями и значит, ближе к вечеру засел в схорон на Кузьмичевом пастбище. Ты же знаешь, там солончаки Гурьевские находятся?! - Петрович утвердительно кивнул головой. - Так вот сижу уже битый час на лабазе, солнце уже за макушками деревьев скрылось! Темно хоть глаз выколи, поляна видна лишь в общих очертаниях, комары до смерти закусали! Все думаю, плакала моя охота, пора домой собираться! Вдруг боковым зрением замечаю, что кусты напротив слегка заколыхались, я радостно потираю ладони: - "Вот он родной явился - не запылится!" Взвел курок, приготовился стрелять на вскидку и терпеливо жду появления кабана! А его все нет и нет! Ну, думаю, померещилось! Как вдруг неожиданно совсем с другой стороны, вышел на поляну огромный секач, а в темноте он еще больше показался! Внимательно осмотрелся и вперед, направился в мою сторону! Я беру его на мушку и с двух стволов как дам по нему! От выстрела в ушах заложило, от вспышки в глазах потемнело, отдача едва не скинула меня с дерева! Жду, когда дым рассеется, глупо сломя голову кидаться на подранка, себе дорожке будет! Но только ветерок утянул пороховую завесу, пригляделся готов голубчик, неподвижно лежит на земле! Я перезаряжаю ружье, поспешно слезаю с дерева и бегу к нему! Как вдруг обнаруживаю, что из кустов, напротив, к кабану бежит еще один человек! Представляешь, им оказался Егор Сычев! Оказывается, мы одновременно разрядили ружья, и выстрелы слились! Не поверишь, это он шуршал в кустах, выбирая удобную позицию! Но только он подошел к туше, как нам казалось мертвый, кабан вскочил и рванул вперед! Как Егор успел среагировать только Богу известно, можно сказать чудом! Он отпрыгнул в сторону, а кабан прошелся клыком по голенищу кирзового сапога, разрезая твердую кожу как бумагу но, не затрагивая ногу! И замертво свалился! Вот тебе и безобидная хрюшка, а такой номер выкинула, еще сантиметр и мужика без ноги оставила бы!

- Повезло! - заметил Петрович. – А сам он как на поляну попал? Ты же пришел первый и его не встретил?!

- Представляешь, до чего додумалась эта хитрая бестия? Ползком дополз до кустов, чтобы не вспугнуть загодя пришедшего на поляну зверя! А где его разглядишь в маскировочном костюме среди травы!

- Хитер лис! - согласился Петрович, вытирая о траву жирные руки. - Пробрался ящерицей и из-под самого носа едва добычу не увел! - И содрогнулся от смеха: - А как трофеей делили?

Михаил, рассмеявшись, пробасил:

- Согласно охотничьим законам – кто куда попал! Мне грудинка досталась, ему заднее бедро!

Петрович, вытирая ладонью скатывающие из глаз слезы, весело заметил:

- Вот уважил старика давненько я так до слез не смеялся! - и уже серьезно добавил: - Еще повезло, что друг друга по ошибке не подстрелили!

- Бог отвел беду! - согласился Михаил.

Внезапно по тайге прокатился угрожающий звериный рев, заставляя трепетно дрожать наэлектризованный воздух.

- Медведь! - уверенно предположил Сергей, возбужденно вскакивая на ноги. - Точно медведь, провалиться мне сквозь землю, если я ошибаюсь!

Люди, затаив дыхание, напряженными взглядами всматривались в глубь леса, почти зачарованно вслушиваясь в громоподобные раскаты накатывающего рыка.

- Верно! - рассеянно заключил Сергей Петрович, задумчиво хмуря брови. - Но одно можно с уверенностью сказать, он кем-то крайне недоволен! Некто вторгнулся в его охотничьи угодья, и теперь они выясняют отношения!

- Может быть другой медведь! - с надеждой предположил Михаил Куланов, возбужденно потирая взмокшие ладони. - Два намного лучше, чем один! - радостно заметил он. - Каждому по целой шкуре, вот удача! - Глаза мужчины алчно заблестели в предвкушении богатой добычи.

- Не похоже! - возразил Петрович, внимательно вслушиваясь. – Два косолапых столько бы наделали шума, в пору оглохнуть! Нет тут что-то другое... - и раздражено махнул рукой. – Да и количество в данный момент не играет особой роли! Мяса и одного зверя девать некуда! Ну, возьмем килограмм сто на двоих, а остальное все равно не унести и придется бросить! А если тебе шкура нужна, забирай! У меня уже есть! - И чутко прислушиваясь, озадаченно добавил:

- Нужно поспешить, пока зверь сам на ловца идет! Прозеваем, бегай за ним потом по тайге!

Он поспешно расчехлил ружье, и натренированной рукой проворно загнал в гнезда начиненные пулями патроны. Резким рывком защелкнул затвор и снял с предохранителя. Держа ружье наперевес, бегом устремился в лес, выбрав направление, ориентируясь на шум. И не оборачиваясь, бросил через плечо:

- Не отставай!

Михаил быстро присоединился к другу. Они взбежали на пригорок и, остановившись, прислушались. Зверь где-то рычал поблизости.

- Туда! – на раздавшийся треск ткнул дед пальцем в сторону ручья. И они вновь побежали.

- Ты самое главное не торопись! Выдержи паузу! Остановись, отдышись и восстанови дыхание, а потом можно и в бой! - на ходу учил младшего товарища более опытный Петрович. - Только не растеряйся! Медведь - зверь непредсказуемый, только на дыбы встал, тут – то и действуй! Тщательно прицелься точно в грудь и плавно спусти курок! Попадешь в сердце, одной пули хватит завалить, какой бы он не был великан! Только близко не подпускай! Сохраняй дистанцию!

- Да знаю я, что делать! – раздраженно огрызнулся Михаил, выведенный из себя, как ему показалось излишним попечительством. - Чай и сам в тайге не

впервой и опыт кое-какой имеется! Все уши уже прожужжал, что мне делать! Увижу и убью, вот и все дела!

- Медведь тебе не всякий зверь! - бодренько выдохнул Петрович. - Очень умная и хитрая бестия, любит он позабавиться над человеком! Возомнит о себе человек незнамо что, выработает в голове вычитанный из книжки план охоты и непременно ожидает, что так оно и будет! А медведь, нет да и преподнесет сюрприз! Куда ему до азбуки, он зверь темный - безграмотный! Вот и получают или подранки или похороны!

Михаил мимо ушей пропустил напутствующую речь старика, для себя он уже сделал определенный вывод, зверь и в Африке остается зверем. Какая разница большой или маленький, слон или заяц, победа зависит лишь от калибра винтовки и массы пули. Ведь не станешь же ты с животным мериться силами, мартышкин труд, всю кропотливую работу за человека доделывает ружье. Разрывная пуля веский аргумент даже для самого непробиваемого черепа, а две - это сто процентный смертельный результат. Вот только Михаил не принял во внимание, что излишняя самоуверенность сгубила не одного опытного охотника, да еще не учел неблагоприятное стечение обстоятельств. Ведь фортуна, порой капризная, и обходит стороной.

- Тише! - шепотом предупредил Петрович и перешел на легкий шаг, крепко сжимая в руке ружье. - Мы уже рядом!

Мужчина внимательно осмотрелся вокруг и чутко прислушался. На опушке, по правую сторону, слышалась едва уловимая возня. Михаил осторожно раздвинул кусты жимолости и с любопытством уставился на бурый комочек, радостно восклицая:

- Медвежонок!

Он машинально вскинул приклад к плечу, прикрыл левый глаз, мушка легла точно по прицелу в лопатку, задержал дыхание и плавно спустил курок.

- Что же ты творишь! Не надо! - осуждающе крикнул Петрович, но голос его потонул в оглушительном выстреле. Он рукой сбил ствол ружья товарища, направляя его в землю, но было уже поздно. Пуля нашла свою цель, пожиная смертельный урожай. Медвежонок словно безжалостно подхватила неведомая сила. Оторвала от земли. Голова безвольно запрокинулась назад. Равные доли секундам маленькое тело беспомощно парило в воздухе, судорожно взмахивая лапками, и перекувыркнувшись, упало на землю. Где и осталось неподвижно лежать, не сводя с чистоты небес стеклянного безжизненного взгляда. А возле сердца заливая белоснежный галстук из аккуратной дырочки, толчками вытекала кровь, окрашивая траву в темно бурый цвет.

-Ура! Попал! - воодушевленно завопил Михаил, победоносно потрясая ружьем и, на радостях устремился к трофею. - С одного выстрела уложил! - Глаза охотника пылали триумфом, он гордился удачным выстрелом. - Как я его! А?!

- Стой, дурак, там медведица! - испуганно предостерег Петрович и попытался схватить товарища за куртку. Но оттянутая ветка при движении болезненно хлестнула по глазам. Старик машинально зажмурился, на чем свет стоит, проклиная ребячество товарища. Судорожно глотая воздух, он заставил себя через режущую боль вновь открыть глаза, чтобы оценить обстановку. Но его ожидало разочарование, он вразумительно почти ничего не видел сквозь мутную пелену, кроме смазанных неясных очертаний общего фона. Слезы мешали сфокусировать зрение.

-Вот же идиот! Куда тебя понесло! - тихо выругался он, протирая ладонью глаза и пытаясь рассмотреть быстро увеличивающуюся серую массу. Но то, что Петрович увидел даже слеповатым зрением, ему совсем не понравилось.

- Стой же ты! Медведь сзади!

На его истеричный окрик Михаил растерянно обернулся, и торжественное выражение лица сменилось недоумением и настороженностью. Он удивленно смотрел в глаза друга и уже хотел, что-то сказать, приоткрывая губы, но так и не успел, читая на лице товарища неописуемый ужас.

События развивались куда стремительнее, чем он мог предположить и, не как запланировано. Сергей Петрович в мгновение весь взмок, чувствуя как рубашка и штаны неприятно прилипают к коже. На лбу выступили крупные капли пота и потекли по лицу. По спине прокатился пронизывающий холодок, а сердце болезненно екнуло. Он закричал, но из горла вырвался лишь немой вопль, разрывающий на части легкие. Колени предательски подкосились и он, едва не упал, но успел опереться на ружье. Такая беспомощность, словно у него разом отнялись руки и ноги, с ним случилась впервые. Он все видел, слышал, но ничего не мог сделать. Тело отказалось подчиняться. Он смог лишь поворотом головы и взглядом указать направление надвигающейся опасности.

- Приступ у меня... - тихо прошептал он, ощущая, как медленно проходит скованность в мышцах и с трудом возвращается дыхание. – Ты продержишься чуть – чуть... Я сейчас!

Михаил без слов понял немой жест и осознал, слишком поздно, он ничего не успеет предпринять. Мужчина весь как-то осунулся и побледнел, ощущая затылком ледяное дыхание смерти. Как все изменилось за две секунды. Не долго же он праздновал успех. Ему показалось, что он очень медленно поднимает ружье и, обреченно обернулся, замирая от раздирающего душу ужаса. Глаза человека неожиданно встретились с безумным взглядом разъяренной медведицы, несущейся на него подобно сметающей лавине. Расстояние до него она преодолела за очень короткое время, он попытался выстрелить с бедра, но не успел нажать на курок. Тупой удар и свет померк в его глазах. Последняя мысль, которая его посетила перед тем, как огромная лапа с вынутыми когтями обезобразила лицо и сломала шею, несла неутешительное известие.

" Это конец!"

Смерть была мгновенная, он даже не почувствовал боли. Удар был такой силы, что человека подбросило в воздух и со всего размаха ударило об землю. Где он и остался лежать, с вывернутой неестественно головой, с судорожным свистом выпускающей из разорванных щек воздух с кровавой пеной.

Петрович зачарованно смотрел на неумолимо приближающуюся медведицу, которая не издала ни звука в своей слепой ярости. И невольно перевел затравленный взгляд на изувеченное тело друга, которое в предсмертной агонии судорожно билось в траве.

" Я же предупреждал!" - прошептал мужчина сквозь крепко сжатые губы, автоматически делая шаг назад, и тихо добавил: - "Медведь не игрушка!"

Он решительно потрянул головой, прогоняя навешное оцепенение, натренированно вскинул ружье, навел мушку чуть ниже сердца вставшего на дыбы зверя и, плавно спустил курок.

"Помоги мне господи!" – слова сами выплыли из сознания. Он машинально прищурился и крепко стиснул зубы, напряженно замирая в ожидании

оглушительного выстрела и сильной отдачи. Но слышался лишь слабый глухой щелчок.

"Осечка!" – растерянно выдохнул мужчина и затравленно заметил: - "Значит и мне придется держать ответ! Нельзя было убивать медвежонка!" Где-то внутри души слабо зашевелился предательский страх. Теперь очередь за тобой, чужая смерть не остается безнаказанной. Едва сдерживая вопль отчаяния, стараясь не поддаваться панике, он усилием воли задержал дыхание и, нервно выдерживая паузу, спустил курок. И вновь натянутый, бьющий по нервам пустой звук, очередная осечка.

- Не может быть! - мужчина не сдержал удивленного возгласа. – Две осечки подряд! Не было такого никогда! Кто-то позавидовал его удаче и навел порчу. Как еще это можно было назвать.

Перешедшее по наследству от отца ружье служило ему верой и правдой на протяжении многих лет и ни разу не подводило. Но видно всему приходит конец. Нервы мужчины не выдержали напряжения и его затрясло как в лихорадке. Безумно крича, он истерично нажимал на курок. Но результата не было, ружье молчало. Лишь только когда медведица оказалась в метрах десяти от человека, прогремел оглушительный выстрел и, поляну заволокло густой пороховой завесой. Но когда дым рассеялся, охотника ожидало очередное, далеко не первое за день, разочарование. Разрывная пуля попала чуть ниже плеча зверя, перебив мышцы, а тот, как будто не замечая кровоточащей раны, стремительно приближался на трех лапах, переднюю поджав под себя. Медведица разъяренно заревела, открывая усеянную желтыми клыками пасть, и с трепещущего языка по шерсти потекла слюна. Последние метры и она, рывком отталкиваясь, поднялась на дыбы, источая из раскрытой пасти зловонное дыхание. Охотник обреченно закричал, пытаясь выставленным вперед ружьем защититься от налетевшего зверя. Но размашистый удар лапой прошелся по прикладу, разбивая его в щепки и выламывая руки человека. Ружье отлетело, рассыпаясь в воздухе на отдельные части. От невыносимой боли мужчина покрылся капельками холодного пота, а готовый сорваться с перекошенных губ отчаянный вопль так и остался в груди, он ошеломленно уставился на беспомощно повисшие вдоль тела покалеченные руки. Вывихнутые плечи, вздувшиеся мышцы, кожа синела на глазах, а в локтевых суставах была основательно располосована торчащими наружу острыми осколками сломанных костей. Он удрученно смотрел на свои изувеченные руки, но не чувствовал боли. Вообще не чувствовал ничего. Он понимал лишь одно, что ему нужно срочно к хирургу, иначе он останется инвалидом. В шоке человек теряет восприятие боли. Боль приходит потом. Но его израненное тело уже никогда не потревожат боль и страдания, ни в настоящем, ни в будущем. Размашистый удар лапы и с сухим треском сломалась ключица, Уже падая, он почувствовал, что-то влажное и горячее сомкнулось на шее, и он провалился в темноту. А сверху стояла медведица и яростно рвала человека, когтями и зубами выдирая куски плоти. Она лютowała до тех пор, пока ненавистное тело не превратилось в бесформенную кучу, состоящую из кровоточащих рваных ран, порванных сухожилий и вырванных с мясом костей. Внезапно на смену дикой ярости пришла острая удушающая тоска, а за ней накатилась волна смутного отчаяния. Медведица глухо зарычала и подавленно окинула поляну затуманенным взглядом. Слизывая кровь с раны и, успокаиваясь, она почувствовала пронизывающую боль. Но боль это была не физическая, а внутренняя, она исходила из глубины сердца. Медведица заскулила, и хромая на лапу поспешила к неподвижно лежащему возле кустарника

медвежонку. Озабоченно склонилась над малышом и вопросительно заурчала, тщательно слизывая с шерсти сына запекшую кровь. Но медвежонок оставался безучастным, он словно не замечал ее. Он не ответил на ласки матери, даже не пошевелился. Она преподнесла к его приоткрытому рту, набухшую от молока грудь и с надеждой замерла, рассеянно смотря, как по черной мордочке вниз скатываются желтоватые жемчужины, бесследно исчезая в высокой окровавленной траве. Но мишутка даже не слизнул вкусные капельки, а по-прежнему смиренно лежал и как-то печально смотрел сквозь нее, словно находясь где-то далеко-далеко. Это было так на него не похоже. Куда исчезла его игривость, она подтолкнула его носом, но он не поднялся. Такой сухой и холодный у него вздернутый носик. А синие глаза такие стеклянные, пустые, чужие. Чем дольше она вглядывалась в сына, тем больше не узнавала. Она инстинктивно ощущала, что его нет больше с ней. Он ушел. Вроде тело осталось, а жизненная энергия его покинула. Она беспощадно разделалась с врагами, но вернуть к жизни малыша, увы, была бессильна. Из любящих глаз матери, покатались слезы отчаяния. Она застыла как изваяние, чувствуя, как мир изменился вокруг. Все в мгновение стало серым и тоскливым. На сердце легла горечь безвозвратной утраты. Внутренняя боль тисками сжала грудь, стало трудно дышать. И вдруг что-то горячее хлынуло изнутри, рассудок помутнел, и силы покинули могучее тело. Она обессиленная рухнула рядом с медвежонком, бережно обнимая лапами холодное безжизненное тельце, и крепко прижала к томящейся от невыносимой тоски широкой груди, словно всем своим телом заботливо укрывая от всех жизненных невзгод. И жалобно заскулила.

Пять несоизмеримо бесконечных дней и ночей, без воды и пищи, горько тоскуя, она неподвижно пролежала возле любимого малыша, упорно не желая покидать мертвого медвежонка. Она еще надеялась на его чудное пробуждение. И лишь на исходе недели, когда от медвежонка стал исходить острый удушливый запах смерти, она с тяжестью в душе осознала, что надежд не осталось. Медвежонок навсегда потерян и уже не вернется из-за снежной страны забвения. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Он больше не будет весело крутиться возле нее, пытаясь шаловливо уткнуться теплым носиком в грудь. Не будет путаться под ногами, любознательно интересуясь новыми запахами. Не будет спать, свернувшись клубочком у нее под боком. Его просто больше не будет рядом с ней. Он мертв. Мертвый навсегда и не стоит надеяться на чудо. Она не уберегла родное дитя, не укрыла от жестокости жизни, не защитила от человеческой ненависти. Медведица тоскливо завывала, подавленно раскачиваясь как маятник из стороны в сторону. Из свалявшейся шерсти посыпались сухие листья и хвойные иголки. Внезапно она вскочила и начала медленно, а затем все быстрее рыть яму, не обращая внимания на вновь открывшуюся рану, из которой потекла кровь. Огромные когти беспощадно вгрызались в твердый грунт, с легкостью разрезая вьющиеся подобно змеям корневища трав и кустарников, голодная и изнеможенная от горя, ее силы поддерживала лишь не угасающая ярость. Она терпеливо с тупым упорством выгребала землю, ни на секунду не останавливаясь даже для короткого отдыха. Она не знала усталости в своем прощальном рвении. И лишь когда яма достигла нужной глубины, медведица на мгновение замерла, с безграничной тоской бросая полный материнской любви прощальный взгляд на вытянутое тельце медвежонка. Из горла вырвался сдавленный стон, она до сих пор не могла поверить в случившееся. Она бережно взяла медвежонка зубами за загривок, как прежде носила, возвращая озорника на место. И почувствовав

привычную тяжесть, аккуратно опустила на дно выкопанной ямы, и нерешительно переминаясь, начала рассеянно закапывать. Неуверенный взмах лапой и комья земли подобно кровавым брызгам, упали на расprostертое тело, придавливая взъерошенную потускневшую шерсть малыша, острой пронизывающей болью отзываясь в материнском сердце. Она едва подавила страстное желание вытащить тело сына и тщательно облизать, очищая от налипшей земли. Но врожденный инстинкт взял вверх, и она продолжила подавленно заваливать землей яму, тоскливо поскуливая. Сын теперь стал незыблемой частью природы, когда-то мать-тайга дала ей ребенка, а сейчас забрала назад в свое лоно. Все мы рано или поздно принадлежим ей. Но невыносимая боль терзала душу, как можно заглушить материнскую любовь, которая нещадно гложет изнутри любящее сердце. Рухнувшие надежды, покинутое счастье, несбывшиеся мечты. Осталось лишь горе и осознание невозможной утраты. Как она безгранично любила сына, оберегала. Он был смыслом ее жизни. Она передавала ему свой жизненный опыт, надеясь оставить после своей смерти весомый след в потомках. А теперь все разрушено, будущее умерло. Она забыла о выращенных детях в прошлом, они словно исчезли в восприятии отчаяния. Ее интересовало лишь настоящее. А оно было горьким. Но как не глубока была ее сердечная рана, но даже ей не под силу возродить из забвения жизнь. Она, не раздумывая, пожертвовала бы собой, чтобы сохранить жизнь ребенку. Вот только все было поздно – малыш мертв. Нет радости. Нет покоя. Ничего нет, за что стоило жить. Разве только месть вдохнет в омертвевшую душу новую жизнь. Наполнит смыслом будущее, которое исчезло со смертью малыша. Туман безнадежности рассеялся, вдали наметился призрачный путь. Она обрела цель. Осталась беспощадная месть, и ее никто не в состоянии отнять у нее. Она будет жестоко мстить, всем и каждому, и сполна расквітается с людьми за причиненное зло. Упоительная мысль придала силы, и прежде потухшие глаза медведицы лихорадочно заблестели. Она яростно заревела, и с безумным остервенением принялась заваливать яму землей, бросая злобные взгляды на горы, за которыми как по личному опыту она знала, находятся ненавистные человеческие селения. Но даже построенные из деревьев дома не спасут их от сурового возмездия. Зверь хищно оскалится, представляя, как будет раздирать клыками и когтями хилые белесые тела. Это было волнительное чувство, медведица задрожала от возбуждения в предвкушении предстоящей охоты. Ее жизнь превратится в месть, она не успокоится до тех пор, пока не очистит землю от коварного двуного рода, или не погибнет сама. Раньше она остерегалась приближаться к человеческим селениям; ее пугали необычные предметы, от которых исходил угрожающий запах опасности, непонятные звуки, огненные палки, причиняющие на расстоянии боль. Но сейчас страх отступил, на смену ему пришла глухая ярость и решимость. Вроде бы живая, она стала мертвая внутри. А, как известно, мертвые не боятся смерти, они и так уже существуют за чертой бытия, и не переживают за здоровье. И врожденный инстинкт призывающий остерегаться человека, заглушился, уступая место нахлынувшей жгучей ненависти, превращая некогда любящее сердце в гранитный камень. И когда над могилой малыша образовался небольшой земляной холм, иссеченный когтями, она уже знала будущие действия. Это станет поход на север, в самый рассадник человеческого зла. Она с грустью смотрела на место, где покоился ее сын, и видела в каждом комочке земли, обломленной веточке, серой пылинке мертвых врагов. Их было столько, что она сбилась со счета. Но все равно этого было недостаточно, чтобы усмирить ее боль. Их будет больше на много больше, как мертвых деревьев

в лесу. Она неосознанно вздернула верхнюю губу, обнажая клыки, и с устрашающим безмолвием неподвижно замерла, напоминая застывший валун, и лишь ветер трепал ее густую шерсть. Медлить больше нельзя, враги ликуют, наслаждаясь жизнью, а этого им она не могла позволить. Но сначала необходимо отдохнуть и набраться сил перед дальней дорогой. Она для верности потопталась, старательно уплотняя грунт, чтобы хищники не смогли добраться до медвежонка, а сверху еще привалила сухой корягой. Вот и все. Только этими словами можно выразить вырвавшийся из ее груди сдавленный хрип. Она изнеможенно опустилась рядом с могилой сына, вытянулась во весь свой гигантский рост и, закрыв глаза, впала в тяжелое забытие. Где сладостные сновидения о мести, резко сменялись кошмарами гибели малыша. Лихорадочно вздрагивая во сне и дергая лапами, она каждый раз пыталась заслонить сына от пули, но безрезультатно. Он каждый раз погибал, и все начиналось заново.

ГЛАВА 3

Семен Петрович задумчиво прошелся по кабинету, огибая огромный дубовый стол, взгроможденный посередине комнаты. И рассеянно потирая ладонью высокий выпуклый лоб, говорящий о незаурядном складе ума, растерянно остановился напротив открытого окна. Свежий ветерок шаловливо колыхал легкие невесомые занавески, одаривая человека спасительной прохладой. Взору мужчины открылось зеленое море тайги протяженностью в сотни километров, закрепленной за его лесничеством территории, на которой далеко не впервые случались трагические происшествия.

- Марина, пригласите ко мне Скворина! - зычным басом попросил старший лесничий, увлечено работающей на печатной машинке секретаря.

- Хорошо, Семен Петрович! – донесся из соседней комнаты звонкий голосок молоденькой девушки.

Резво застучали каблук, скатываясь по деревянным ступеням и с режущим скрипом хлопнула входная дверь.

"Нужно смазать петли!" - рассеянно подумал он, вновь погружаясь в себя. Мужчина неподвижно застыл, сведя руки в замок за спиной, и задумчиво смотрел во двор, наблюдая за летящей походкой девушки, которая скрылась за углом лесничества, направляясь на склад. И невольно улыбнулся, вспоминая первый день их знакомства. Она появилась внезапно, распахнула дверь, и комната словно озарилась солнечным светом. Ему с первого взгляда приглянулась бойкая сообразительная студентка, направленная на стажировку после окончания Иркутского охотоведческого техникума. Много уже воды утекло с тех пор, года два – три, а впечатление вот осталось. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что Марина за человек. И он не ошибся. Марина оказалась ответственной, добропорядочной и коммуникабельной работницей. Правда еще слишком юной, ей тогда исполнилось всего двадцать лет и, она не имела достаточного опыта работы. Но главное, девушка старалась и всему быстро училась, схватывая информацию налету. А что недопонимала, не стеснялась спрашивать у старших, никогда не пренебрегая дружеским советом. В лесничестве на ее хрупкие плечи легла вся рутинная работа с документами, а еще по совместительству она замещала должность главного бухгалтера и одновременно секретаря. Но она ни когда не роптала по поводу навалившихся дополнительных обязанностей,

выполняя любую работу так же добросовестно и аккуратно. Прошли годы, девушка повзрослела и стала прекрасным работником, которому он не мог нарадоваться.

- Здравствуйте, Семен Петрович!

Старший лесничий невольно вздрогнул и рассеянно посмотрел на дверь, стараясь собраться с мыслями. В кабинет как к себе домой беспечно ввалился высокий крепкого сложения мужчина, облаченный в пятнистый комбинезон, с открытой улыбкой на добродушном обветренном лице.

- Здорово, Павел! Рад тебя видеть! - Старший лесничий протянул пришедшему сотруднику ладонь и, почувствовав железную хватку, насмешливо поморщился. - Здоров, буйвол! Хватку не теряешь! - похвалил он, разминая стиснутые пальцы.

- По-прежнему занимаюсь спортом, Семен Петрович! - благодушно ответил Павел, осторожно присаживаясь на деревянный стул, который с протестующим скрипом застонал под его массивной фигурой.

- И правильно делаешь, не бросай, спорт полезен для здоровья! Спортзал это хорошо, лучше гирями заниматься, чем пить и курить! Водка и табак еще никого до хорошего не довели, разве только раньше свели в могилу! Вот сам думаю потряхнуть стариной и начать по утрам бегать трусцой, а то от сидячего образа жизни живот растет!

- Не прибедняйтесь Семен Петрович, фигура у вас как у юноши!

Старший лесничий был невысокого роста и сухого телосложения, и в нем не было ни грамма жира. Он оставался подвижным и жизнедеятельным старичком в свои шестьдесят лет и сотрудники его любя прозвали дедом.

- Ты мне льстишь! Года берут свое! Лет так через пять буду напоминать старую развалину, разъезжающую на каталке! Ладно, это еще не так скоро произойдет, а на сегодня других забот невпроворот! Разговор у нас предстоит долгий и серьезный!

Дед растеряно взъерошил волосы, слегка посеребренные временем и, пристально посмотрел в глаза друга.

- Беда у нас, Петр, случилась на Яровском участке, медведь двоих охотников задрал! Одно хорошо убить – убил, а есть не стал, значит не людоед! Плохо другое, если начал убивать, уже не остановиться, так и будет нападать на людей, пока случайно не погибнет или мы не отстреляем!

Петр нахмурился, и задумчиво ладонью потер квадратный выпирающий вперед массивный подбородок, густые брови взлетели вверх.

- Вот незадача! - убеждено согласился он. - Верно подмечено, если начал убивать, то уже не остановиться!

- Что будем делать? - поинтересовался Семен Петрович устало усаживаясь на край стола и озабоченно посмотрел на товарища.

В лесничестве они проработали вместе не один год, он начальником Баргузинского заповедника, а Петр главным охотоведом. И выпадающие на долю неприятности старались разрешать разумно, без излишней суетливости и нервной поспешности, не зависимо от того был это лесной пожар, наглые набеги браконьеров или летняя засуха. Но медведь-убийца в их богатой практике встречался впервые. Хотя охотоведам без него хлопот хватало с лихвой; на нерест шел омуль, и они вместе с рыбнадзором защищали от браконьеров, незаконно промысляющих сеть, ход рыбы вверх по реке на икромет. А здесь еще медведь - убийца. Мало было проблем, так мишка их просто удвоил.

- Откуда он взялся? - задумчиво поинтересовался Петр Сергеевич. - В лесу много черемши, прошлогоднего кедрового ореха - паданки, да и рыбы полно идущей на нерестилище! Вроде не самая голодная пора времени!

- Дело в ином! Люди сами себе создают неприятности! - печально заметил Семен Петрович, суетливо поднимаясь. - Во всем виновата человеческая жадность и бессердечие! Помнишь Сергея Силантьева и Михаила Борьерова, которые неделю назад ушли на охоту, якобы за утками! Жена Силантьева позавчера приходила, волновалась, муж обещал вернуться три дня назад, а до сих пор все нет и нет! Говорит, что нехорошее предчувствует, случилось что-то с ним! Как в воду глядела! Так вот двое погибших они и есть! Их трупы опознали лишь по ружьям! Сами тела были изуродованы до неузнаваемости, здесь волки постарались с росомахами! А вот по следам и характеру ран точно определили, что убил их медведь! Обнаружили их или вернее, что от них осталось случайно местные рыбаки из соседней деревни, и вызвали милицию!

- Ясненько, за какими утками они направились! Не устроили их перья, задумали обзавестись мехом! Значит, решили медвежатиной побаловаться! Вот и побаловались! - Петр с негодованием сжал кулаки. - Странно, ведь они считались опытными охотниками, как же удалось хищнику незамеченным подступиться к ним?! Ладно, одного свалил, но двоих! Это уже из области фантастики! - И с горькой усмешкой добавил: - Видно сколько веревочке не виться - конец один! Вот и получили по заслугам! Нельзя постоянно хапать, нужно меру знать! Охота - охотой, но как не крути, это все же убийство! Животное или человек, результат один! Смерть! Только они не приняли во внимание, что в прекрасный момент могут поменяться местами! И уже вместо охотников сами станут жертвами! Расплата - это наступил финал безнаказанности! Больше я никак не могу объяснить случившиеся!

В сезон охоты он неоднократно штрафовал нечистых на руку односельчан за незаконный промысел или изымал превышающие дозволенное количество отстреленного зверья. Они не брезговали ничем, что попадало в видимость прицела.

- В этом и вся загвоздка, что люди слишком известные в определенных кругах! Среди браконьеров тоже своя элита существует! Более добычливая более удачливая, и ты знаешь, они относились к ней! Высшая каста! Они никогда не возвращались без трофеев! - осуждающе согласился Семен Петрович. Он с отцовской теплотой смотрел на возмужавшего не по годам Петра, вспоминая, как впервые повстречал его почти мальчишкой. Высокий, жилистый, черноволосый, с непокорным торчащим чубом, приехавший погостить к бабушке на летние каникулы. Они познакомились в школьной раздевалке, после игры в футбол. Уже переодеваясь после двух часовой гонки мяча, он обратил внимание на новичка, имеющего несомненный талант в игре в футбол. Они разговорились, а когда он узнал, что парень оказался сыном школьного друга, который в связи с семейными обстоятельствами перебрался на постоянное местожительство в Улан - Уде, не удержался и крепко обнял смущенного паренька. Их душевная беседа продлилась до самого вечера. Приятной неожиданностью оказалось, что Петр с отличием закончил весной институт лесного хозяйства и решил отдохнуть на родине отца, но чем займется дальше, он пока не решил. Из разговора стало видно, что парень хоть и городской, но довольно сообразительный и серьезный, не любитель пустых развлечений. Но самое главное в нем имелся стержень, который не возможно было сломать. Он никогда не менял мнение, если знал, что

прав. Такой волевой решительный сотрудник крайне требовался вверенному ему огромному таежному хозяйству. Заповеднику было необходимо бережное отношение, любовь и надежная защита. А Петр как ему показалось, был надежный и справедливый человек, который ни при каких условиях не пошел бы вразрез своей совести. Это он понял из характера парня, тот сразу произвел на него хорошее впечатление. А в людях он никогда не ошибался. И Семен Петрович решил не упустить случая и пристроить парня к себе. Незаметно пролетело лето, он ненавязчиво приобщал его к делу, и когда заметил, как возбужденно горят глаза парня, и как старательно он выполняет поручения, предложил ему работу в должности главного охотоведа. А тот взял и согласился. И вот уже на протяжении двадцати лет они вместе, в одной упряжке. Весьма солидный испытательный срок, он научил его всему, что необходимо знать для руководителя лесничества, даже на первый взгляд незначительным мелочам. Теперь он не сомневался, что после его выхода на пенсию останется хорошая замена. А пенсия уже не за горами, максимум протянет два года и амба, станет он внуков нянчить и нежиться на печке. Но в связи с новой напастью которая, как он предчувствовал, принесет много бед, пенсия отодвигалась на горизонт, до которого не дотянуться рукой.

- Медвежонка там обнаружили убитого, мать закопала! - Семен Петрович с крайним нежеланием открыл другу истину трагедии, зная его негативное отношение к убийству животных. Каждую смерть тот принимал близко к сердцу, словно брал на свой счет.

-Звери! – Петр побагровел и сквозь плотно сжатые зубы гневно выдохнул:- Даже малыша не пожалели, изверги! Мяса кот наплакал, всего-то ничего, десяток килограмм! Брать-то нечего! Мало им, все мало – убивают и убивают! Никак насытятся, не могут! Вот жадность и сгубила! Кого теперь винить, разве только себя!

- Медвежонка откопали и определили, что он пролежал в земле не меньше недели, сходиться как раз по времени, когда исчезли наши двое джентльмена удачи! – голос пожилого лесничего выдавал внутреннее напряжение. Мужчина пытался сохранить спокойствие, но чувство негодования так и переполняло его. Он понимал, что не должен поддаваться эмоциям, он руководитель и обязан быть беспристрастным. Но ничего поделать с собой не мог, поступок людей ему не нравился. - Эксперты установили, медвежонка застрелил Барьеров, одним выстрелом убил наповал! Но Силантьев тоже стрелял, на капсуле осталось множество вдавленных ямок от бойка! Следовательно, он метился в медведицу, но видимо неоднократно происходила осечка, он занервничал, и когда произошел выстрел, лишь подранил зверя! Кто пал первым история умалчивает но, учитывая факты им, возможно, был Барьеров! Он находился ближе всего к могиле медвежонка!

- С чем боролись на то и напоролись! - злился охотовед, нервно расхаживая по комнате. - Если с молодости в голове пусто, то с возрастом ума не прибавиться! Так им и надо, не стоит зверье почем зря переводить!

- Да и я о том же самом! Положив руку на сердце, мне их ни капельки не жалко, браконьеры не заслуживают жалости! Правда у Михаила остался без отца двухлетний ребенок, но Любка девка видная, быстро найдет ему замену, получше! В деревне хватает холостых мужиков, которые, не задумываясь, возьмут вдову с ребенком! Она женщина работающая и добрая хозяйка, дом всегда в чистоте содержит! Видно сам Бог избавил от мужа изверга, который ежедневно распускал руки почем зря! А малыш еще маленький, привыкнет быстро к другому, отца то

своего он видел лишь изредка по праздникам и то в стельку пьяным! Так что может это даже к лучшему, добрый отчим из него человека сделает! А то кем бы он вырос с таким отцом! - Семен Петрович глубоко задумался - Но меня сейчас серьезно беспокоит, как поступить с медведицей. Если она взялась нападать, то навряд ли уже остановиться! И эти смерти чует мое сердце, будут далеко не последние! Медведь - зверь мстительный и злопамятный!

- Наломает она дров! - кивком головы согласился Петр.

- И не мало! - подтвердил лесничий. - Ко всему она подранок! Возможно, со временем тоска по медвежонку прошла бы, но вот пуля, всегда будет напоминать о человеческой жестокости!

- Не было печали, черти накачали! - безрадостно заключил охотовед. - И где ее теперь искать?! Тайга большая, всю ее не обложить!

- Задача не из легких выследить в лесу осторожного зверя, для которого тайга - дом родной, чем скорее мы обнаружим ее и ликвидируем, тем меньше она натворит бед! Хотя я жалею ее от всего сердца! Ведь в гибели медвежонка виновата не она, а мы - люди! И напала на человека она не ради развлечения, а защищаясь! Но я согласен, медведица, потерявшая малыша, намного опаснее, чем медведь шатун, она агрессивнее и безжалостнее!

- И более настойчива в достижении поставленной цели! - озадаченно заметил старший лесничий, нервно перебирая пальцами лежащую на столе кипу бланков. - А цель ее - человек!

- Может, она ушла в заповедник?! - с надеждой предположил Петр, тяжело вздыхая. Он особо не горел страстным желанием вести облаву на зверя, вина которого заключается лишь в том, что браконьеры лишили жизни медвежонка, за что и поплатились жизнью. Дети - есть дети, и кем бы ни были родители, люди или звери, отцовские и материнские инстинкты берут верх над разумом. Когда вашему ребенку угрожает опасность, мы становимся одержимыми и, не раздумывая, бросаемся на помощь, чтобы даже ценой собственной жизни защитить родное чадо. - Испугалась и теперь затаилась где-нибудь в горах, залечивая раны и больше не помышляя о нападении на людей!

- Ты сам-то веришь, в то, что говоришь?! - лесничий кисло улыбнулся.

- Нет! - с сожалением в голосе ответил Петр.

- То-то и оно! - заметил Сергей Петрович, тяжело вздыхая.

Петр прекрасно понимал всю тяжесть сложившейся ситуации, а больше всего какая ответственность ложиться на плечи охотоведов, чтобы в самые кратчайшие сроки отстрелить зверя и обезопасить людей. Он прекрасно знал повадки забайкальских медведей, которые не напрасно славились самыми агрессивными и злопамятными из мирового медвежьего "сообщества". Если зверь напал на людей, то делать это он будет постоянно, даже если сытый. Просто в меру своей мстительности.

- С какой местности начнем наши поиски?! - поинтересовался охотовед, поднимаясь со стола и подходя к закрепленной на стене топографической карте, на которой красной линией была обведена территория лесных угодий закрепленных за их ведомством.

- Так! Где же ты есть?! - размышлял он, впиваясь в карту нахмуренным взглядом. - Это же сотни километров, буреломы, сопки и болота! Вот же нам достался район - сплошная мука! Но начинать с чего надо, не сидеть же на месте! Больше обойдем - больше узнаем! Вариантов пока два: первый - обследовать близлежащие окрестности и второй - двинутся прямо к Полянице?! - и,

сопоставляя огромные масштабы тайги, угрюмо добавил: - Искать зверя в тайге, словно иглу в стоге сена! Кто ее знает, в какую сторону она направилась! Поляница это лишь возможное ее местонахождение! А может, мы ошибаемся, и там ее нет! Хотя у меня предчувствие, что она направилась именно туда! Куда еще?! Слабая она - раненая! - и расстроено заключил: - Жаль, что дождь следы смыл! По следам мы ее быстро отыскали бы!

- Что, верно, то верно! - согласился лесничий. - И я предполагаю, что медведица держит путь именно туда! Зверь нутром чувствует, где можно отлежаться и залечить раны, а Поляница именно то место, глухое и лечебное! Все окрестные животные там, в грязях поправляют здоровье! - и бодро предложил: - Давай-ка, Сергеевич, чтобы лучше думалось, хлебнем чайку и покумекаем! Дело-то серьезное и излишняя спешка здесь ни к чему!

И Семен Петрович громко попросил:

- Маринушка - золотце, завари-ка нам с Сергеевичем моего любимого чайка, да покрепче!

- Сейчас, Семен Петрович! - мелодичным голосом отозвалась девушка.

Он встал рядом с охотоведом и тихо добавил:

- Ты прав, выследить зверя в тайге, не легкое дело! Но выбирать не приходится! - он рассеянно развел руками. - Так что нам придется изрядно попотеть, бегая за ней по тайге! Будем надеяться на удачу, что мы обнаружим ее прежде, чем она снова начнет убивать!

- Да удача нам сейчас не помешает! - тяжело вздыхая, согласился охотовед.

В дверь раздался предупредительный стук, и в комнату вошла Марина, неся на подносе две чашки дымящегося чая. Она заботливо выставила чашки на стол и, улыбаясь, встала рядом.

- Божественный нектар! - восхищенно вдохнул Семен Петрович, наслаждаясь душистым ароматом.

- Лесная смородина! - по запаху уверенно определил охотовед и осторожно отхлебнул из чашки, смакуя во рту терпкий чай, воодушевленно заметил: - Натуральный вкус природы!

- И не только смородина! - с озорной улыбкой заметила девушка. - В чае так же имеются и другие полезные для здоровья травы: зверобой, мята, корни пижмы, листья земляники и брусника!

- Брусника, говоришь! - пожилой лесничий лукаво прищурился. - Прекрасная ягодка, ее свойства удивительные, она мне чем-то напоминает тебя - вся такая наливная, сочная! - он шутливо прищелкнул языком. - Не ягода, а загляденье!

От приятного комплемента девушка стеснительно зардела и игриво возразила:

- Ну что вы Семен Петрович, вы меня прямо в краску вогнали! Куда уж мне до красавицы, я самая обычная девушка! Каких в России миллионы! - и весело рассмеялась, ее заразительный смех напоминал безмятежный звон серебряных колокольчиков.

- Не скромничай! Ты и сама знаешь, что красива! Заветная мечта любого мужчины! - Семен Петрович не удержался и в ответ тоже рассмеялся. И потцовски мягко пожурил: - Возле тебя парни роем вьются, палками не отогнать! Так и норовят утащить тебя замуж! А где я еще такую себе помощницу найду! Так что о замужестве в ближайшее время даже не помышляй! Не пущу!

Марина была настоящая русская красавица, высокая, женственная, с длинными русыми волосами до пояса, заплетенными в роскошную косу. Ее нежный голос завораживал мелодичностью, заставляя мужское сердце учащенно

биться в груди. Но самым впечатляющим было ее лицо с навеванной дымкой мечтательности, от него невозможно было оторвать взгляда. Вот где потрудились природа на славу, создавая совершенство. Ведь не даром говорили, что самые красивые девушки в глубинке, в них нет той городской напыщенности и хищности. Это была не холодная красота ограненного бриллианта, а естественное сияние драгоценного камня. Черные густые ресницы обрамляли выразительные безбрежно-синие глаза, в глубине которых можно было утонуть, когда ты смотришь в них, то видишь бескрайнюю даль океана, его величие и притяжение. И к завершению прекрасной картины прилагался аккуратный греческий носик и полные алые губы, для яркости которых не требовалось губная помада. А фигуру и вообще не возможно описать, не нашлось еще таких слов способных передать восхищения от пышных округлых форм.

Девушка проказливо улыбнулась, и на щечках появились маленькие ямочки, придавшие лицу озорное выражение.

- Прямо так роем?! - лукаво поинтересовалась она. – И замуж значит нельзя! А ведь сердцу не прикажешь!

- Ну не совсем нельзя, я просто сам имею на тебя некоторые виды! Ты, конечно, не подумай ничего такого непристойного, это я не о себе! Хотя если бы был лет на сорок моложе и не женат, приударил за тобой! Видная ты девка, Маришка, за такую в огонь и воду не раздумывая, бросишься! Да и я в свои двадцать лет уж, какой кавалер был, все свое обаяние подключил бы, а тебя добился! Вот только налетел на другую красавицу, такую же, как ты и прилип! А дальше свадьба, дети и семейный очаг! Вы же, как оковы - железные, но приятные! Ты чем-то мою жену в молодости напоминаешь! - с лукавством в голосе заверил мужчина и шутливо добавил: - Вот подрастет мой сын, обязательно сосватаю вас! Бравая выйдет парочка! - И мужчина иронично посмотрел в глаза девушке. - Выйдешь за Виктора?

- С радостью! – так же шутливым тоном ответила Марина и поспешно отвернулась, чтобы скрыть радостный блеск в глазах и начальник не догадался об истинной причине появления пунцового румянца на щеках. Семен Петрович даже не подозревал, что невольно угадал тайное желание девушки, радужную мечту о семейной жизни в которой Виктор занимал не последнее место. С Виктором Вставшиным старшим сыном Семена Петровича, они тайком от родителей и знакомых встречаются на протяжении трех месяцев, прогуливаясь в уединенных местах, подальше от посторонних глаз, стараясь не омрачать чистые чувства завистливыми сплетнями односельчан. И вот с начала прошлой недели их отношения неожиданно стали очень близки. После проведенной наедине ночи в лесу, они познали настоящую любовь между мужчиной и женщиной. Марина стыдливо опустила ресницы, припоминая их первый сексуальный опыт, который оказался на удивление слегка болезненным, но все же довольно приятным. Они сделали первый шаг к познанию друг друга, еще маленький но столь существенный. Любовь как свободная птица – любит высоту полета. Наступит время, когда они разберутся в своих отношениях, подлинные ли это чувства или так кратковременная страсть, которая со временем медленно угаснет, словно тающий в костре уголек, и они станут чужими, каждый, обретая свой путь к личному счастью. Это все еще было впереди. А пока они по-прежнему безумно влюбленные, с нетерпением ожидающие новых незабываемых встреч. И Марина сквозь смех шутливо согласилась:

- Как только подрастет, непременно выйду за него замуж!

Конечно, если не принимать в расчет, что Виктор приходился ей одноклассником, и даже на месяц был старше. Так что они были одного года рождения. Но видно для любящих родителей даже повзрослевшие дети, по-прежнему остаются детьми, за которыми необходим постоянный присмотр. И беспечно смеясь, окрыленная надеждой Марина радостно выпорхнула из комнаты.

- Бравая девчушка; добрая, отзывчивая, сильная! - с теплотой в голосе заключил пожилой лесничий, задумчиво смотря вслед уходящей сотруднице. - Прекрасная будет хозяйка! Вот бы мой оболтус познакомился с ней! Так нет, совсем не думает о будущем! Взрослый мужик, двадцать один год, а ведет себя как пацан! Шляется ночами с друзьями по временкам, засядут до утра, включают ужасную музыку, от которой оглохнуть можно и в карты режутся! - и осуждающе покрутил головой. - Вот и все развлечения, никакой перспективы! Лучше бы в леспромхоз устроился или к нам подался! Парень-то толковый, а нет, у него в голове лишь ветер гуляет! Я в его годы уже женат был и семью сам содержал!

- Еще успеет в семейную жизнь окунуться! - возразил Петр – Пусть нагуляется пока молодой, только же из Армии вернулся!

- Сколько можно, полгода уже прошло! - тяжело вздыхая, пожаловался Семен Петрович. - Армию отслужил, уже пора и семью заводить! Не кобелем же бегать по поселку, девок вон сколько, одна другой краше! Очень хочется внуков на руках поддержать, а то кто его знает, что завтра будет, помрешь и так и не увидишь своих наследников! - Он расстроено махнул рукой. - Ладно, хватит о грустном, личные заботы оставим до лучших времен, меня сейчас больше волнует, как отыскать медведицу, прежде чем она успеет натворить новых бед! - Он большим глотком отпил из кружки чай и задумчиво высказался: - Охотники ставили лайку на след, но она не пошла, слишком много времени прошло с момента трагедии, были дожди и, следы размыло, да и хищники изрядно натоптали! Но как ты и предположил, возможно, она направилась в сторону Поляницы! На это указывали и клоки шерсти на кустах!

- А там сплошной бурелом!

- Верно! - согласился лесничий. – За то легче затеряться, много рек и непроходимых болот есть, где отсидеться!

- А так же Поляница славится черемшой! - добавил Петр, тревожно ерзая на стуле и огромными руками крепко сжимая кружку. – Голодать не будет, а значит вытащить ее оттуда, станет весьма проблематично!

- А ко всем напастям сейчас начался сезон черемши и рыбалки! Приезжие, как саранча так и норовят прочесать близлежащую к Полянице местность, зная наперед, что не возвратятся домой без богатой добычи! Рыбы много, она там не пуганная, шишка - паданка, и все та же черемша, ее там целые заросли косить можно!

- Плодородный край! - подтвердил охотовед. – Поэтому народ туда и тянется! А для хитрого зверя неопытные промысловики станут легкой добычей! Ружья они не берет, а мешком и удочкой с медведем не справишься! Даже если и топор будет! Действовать нам нужно без промедления, иначе нас начальство по головке не погладит, если будут новые жертвы, а они обязательно будут! Поэтому необходимо в самые сжатые сроки срочно снарядить поисковые отряды из местных охотников, разделить на две группы и организовать крупномасштабную облаву! Даже привлекая в отряд известных браконьеров, - он растерянно пожал плечами, - а что еще остается делать, пусть они и негодяи, но зато опытные

добытки! А они пойдут, даже упрашивать не придется! Тоже понимают ситуацию, кому хочется погибнуть в одиночку от лап медведицы!

- Посмотрим! Не будем торопить события, может, собственными силами управимся! – возразил старший лесничий, его никак не прельщала перспектива создания браконьерской банды. - Загонщиков наберем из охотников любителей, а старшим каждой группы поставим егеря! Стелками же будем брать лишь проверенных людей, бывалых охотников, которые способны в критической ситуации правильно оценить обстановку! - рассудительно одобрил Семен Петрович. – Молодых загонщиков нельзя оставлять без присмотра, что молодо, то зелено! Упаси, Господи, если медведь неожиданно повернет на них, со страха запаникуют, потом хлопот не оберешься! В суматохе друг друга перестреляют!

-Да-а-а! - озадаченно протянул охотовед, задумчиво рассматривая карту. - Поляница у нас площадью не меньше ста квадратных километров будет, нелегко там медведицу будет обнаружить! Не будет она нас ждать возле “мертвого озера”, подальше от грязи лежанку организует! Но нам главное ее следы обнаружить, а дальше дело техники: собак спустим, они ее поднимут!

Семен Петрович встал рядом с другом и внимательным взглядом окинул на карте интересующий их участок леса. Он сразу бросился в глаза. Поляница местность незаурядная, наделенная синими и зелеными красками поровну, чем резко выделялась из всеобщей массы тайги. Весь лесной массив обозначался не грязно зеленым цветом, а с оттенками, где-то светлее а где-то чуть темнее, вблизи речек и ручейков ярко- изумрудным тоном. Но район Поляницы - это сплошное темно-бурое пятно, что указывало на наличие труднопроходимых дебрей девственной тайги и на болота в поймах горных рек.

- Ничего у нас не получится, Петрович! Нам нехватит ее там, людей лишь загоняем! - убеждено заключил охотовед, утомленно потирая широкий лоб.- Слишком труднодоступная территория, сплошь и рядом непроходимый бурелом, и опасные топи! Тропа есть, конечно, но и только на солончак, а медведицы там нет! В это я уверен на сто процентов! А всю местность мы не перекроем, людей не хватит! Дело дрянь! Я даже затрудняюсь что-то предложить, чтобы наши старания не пропали впустую!

- Думай, что делать Петр, одна надежда на тебя! Что бы ты предпринял? Как поступил? -

- Остается лишь ждать, - растерянно посоветовал охотовед, прикуривая сигарету, - когда она сама покинет убежище. Мне кажется, она вернется на место, где убили медвежонка и если примется за старое, мы ее ликвидируем! Иного выхода я не вижу!

- Хорошо! Но как предупредить приезжих, что в лесу находится небезопасно? - с сомнением поинтересовался Семен Петрович. – Ведь нельзя же все спускать на самотек!

- На проселочных дорогах вывесим предупреждения! - рассеянно предложил Петр, высказывая вслух неожиданно пришедшую на ум идею. Проблемы свалились с самого утра как снег на голову, и он оказался не готов к ним. Никогда у них еще не случалось такой свистопляски. Да еще, чтобы начальство интересовалось делом. Голова шла кругом, болезненно ломило в висках. – Правда без дураков не обойдется, кто-то не поверит написанному! Решат, их это не касается! Но ничего не поделаешь, пусть пеняют на себя и собственную глупость! Всех нам не остановить и не повернуть назад, да и все входы и выходы не перекрыть! Так что будем рассчитывать на людской здравый смысл, а не на разгильдяйство! – и отрешенно

махнул рукой. – Хотя русский мужик больше привык полагаться на авось, чем на разум!

- Стоящее предложение! - согласился лесничий. - Это нужно сделать как можно быстрее, чтобы обойтись без лишних жертв! Но кому поручим рутинную работу по каллиграфии?

И мужчины, не сговариваясь, одновременно посмотрели на приоткрытую дверь, ведущую в соседнюю комнату, откуда доносился звонкий стук пишущей машинки.

- Марина Владимировна! - окликнул сотрудницу Семен Петрович. - Зайдите, пожалуйста!

Когда девушка вошла в кабинет, он вежливо попросил:

- Маринушка, не в службу, а в дружбу, будь любезна, напиши плакатов тридцать! А то нам с Петром Сергеевичем с этой работенкой не справиться, больше переведем бумаги на макулатуру, прежде чем выйдет хоть один стоящий экземпляр!

- И какой требуется текст? - девушка вдруг перестала улыбаться и с тревогой поинтересовалась: - А когда это необходимо сделать?

- Желательно к завтрашнему утру! Дело срочное! Управишься за ночь?

- Да я постараюсь. - Расстроено ответила Марина, понимая, что запланированное на вечер свидание с Виктором, безвозвратно потеряно.

- Вы уж постарайтесь, голубушка!

Мужчина, не замечая подавленного настроения девушки, заботливо распорядился:

- Ватманы и красную краску возьмешь на складе у Алексеевича, скажешь ему, что я велел! А рамки для плакатов я попрошу сколотить Виктора, пусть внесет свою лепту на пользу дела, хватит бездельничать!

Марина нерешительно переминалась с ноги на ногу, ожидая дальнейших указаний.

- А текст будет примерно вот такого содержания, написать нужно крупными буквами, чтобы издали бросалось в глаза! - Он протянул девушке исписанный мелким неразборчивым почерком тетрадный лист. – “Внимание. В лесу находится опасно, поблизости бродит медведь-подранок!” И подпись – администрация!

- В наших краях появился медведь-людоед? - удивленно поинтересовалась девушка, впервые столкнувшись с необычным происшествием.

- Двоих уже горе-охотников задавил! - подтвердил пожилой лесничий.

- О, Боже! - испуганно вскрикнула Марина, машинально прикрывая ладонями рот.

- Сами виноваты! - возразил Петр Сергеевич. - Медвежонка они убили, за это и поплатились жизнью! - и угрюмо прошептал: - Каждому воздается по заслугам!

- Люди порой кровожаднее любых хищников! Не зверя нужно бояться в лесу, а человека! Животные как дети - прямолинейные, их поведение как на ладони, их не потревожишь и, они не тронут! Но человеческая натура так и смердит подлостью и коварством! - согласилась девушка, и глаза ее умиротворенно засияли, в предвкушении радостной встречи с любимым.

- На сегодня ты свободна! - отпустил сотрудницу домой Семен Петрович. - Занимайся плакатами! А вечером я к тебе на помощь в общежитие пошлю своего лоботряса! Не стесняйся, заставляй его вкалывать, пусть понемногу приручается к труду! – и радостно подумал, а за одно и познакомится. Может из этого что-

нибудь, и получиться в будущем. Если сын не строит свою судьбу, то он ему поможет это сделать. И тут же обругал себя за сводничество.

- Я его, загоняю до седьмого пота! - бойко заверила девушка, вкладывая шуточный смысл в слова. И соблазнительно покачивая бедрами, покинула кабинет, на прощание громко напоминая: - Я живу в четырнадцатой комнате!

- Я помню! - ответил Семен Петрович. - Вот проказница! - с наигранной суровостью пожурил он откровенно сексуальную выходку девушки. - Еще совсем зеленая, а все туда же, повилать, покрутить! Егоза!

- Одним словом - женщины! - весело добавил охотовед и шуточно вздохнул. - До чего девчонка - хорошая! Вот бы избавиться от годков пятнадцати, потрянул тогда стариной! Поухаживал бы за ней!

- Жена тебе бы поухаживала, мало не показалось! - в ответ пошутил пожилой лесничий, присаживаясь на стул. - Екатерина баба бойкая так бы прошлась по спине коромыслом, в мгновение ока отбила бы всю охоту до юбок! Да и любовнице досталось бы по первое число!

- Это за ней не заржавеет! Тот у нее еще характер - взрывоопасный! - согласился Петр, с нежностью вспоминая жену, которая через два дня должна была вернуться из города с сыном, который провел весенние каникулы у бабушки. - Она женщина - ударная! Да и рука у нее тяжелая!

И товарищи от всей души рассмеялись, невольно припоминая забавный случай из прошлых лет, когда молодая Екатерина, еще не была женой Петру. Они только познакомились и их ежедневные встречи носили лишь романтический характер. Взявшись за руки, они вечерами гуляли по темным улицам, а по выходным вместе бегали на танцы. И вот однажды летом к ним в клуб на дискотеку заглянули молоденькие студентки из Иркутска, проходящие практику в леспромхозе. Было много народу, играла хорошая музыка, и девушки решили остаться потанцевать. Не прошло и часа, как они познакомились почти со всеми местными парнями. Тут и там стали появляться новые пары. Но одна молоденькая практикантка отклоняла все знакомства, и не сводила восторженного взгляда с Петра. Она дождалась момента, когда отлучилась его подруга и, набравшись смелости, пригласила парня на белый танец. Когда Екатерина вернулась обратно, то застала не позволительную картину, которая ей очень не понравилась. Кружась по залу, незнакомая девушка слишком крепко прижимается к кавалеру, то есть к ее парню и, изнывающая от ревности Екатерина, не выдержав наглости со стороны возможной соперницы, схватила и бесцеремонно за волосы выволокла визжащую студентку на улицу, где провела с ней "воспитательную" работу. А ему прилюдно пригрозила: если еще раз повторится подобный инцидент, пусть пеняет на себя. Получит сполна, мало не покажется. И удовлетворенная выполненным долгом, с гордо поднятой головой ушла домой. Односельчане после того случая над Петром еще долго потешались, советуя брать в партнерши для танцев абсолютно лысых девушек, так как их не за что будет схватить скорой на расправу подруге. А он с тех пор не спешит испытывать судьбу и выводить из терпения строптивую супругу.

- Ладно, мы слегка отвлеклись от главной темы! - добродушно произнес лесничий, едва успокаиваясь после неудержимого смеха и вытирая ладонью выступившие на глазах слезы. - На чем мы там остановились?

- Кого бы привлечь к облаве! - напомнил Петр. - Народа тьма, а толка мало! Нужных людей по пальцам пересчитать можно! Ведь намечается опасное дело, а значит, потребуются лучшие специалисты! Подключать к облаве придется много

людей! Вот только проблема, очень жаль, что недостает нам опытных и проверенных охотников, чтобы полностью укомплектовать группы, исключая любые неожиданности которые могут возникнуть с новичками! - он озадаченно потер подбородок. – Так что Семен Петрович, хотим мы этого или нет, но придется группы формировать и из старых и молодых членов союза охотников, а также и воспользоваться услугами так нелюбимой нами – темной элиты! Нам теперь любая помощь потребуется! Людьюми нельзя раскидываться!

- Мягко говоря,- с подозрением заметил старший лесничий, - заручиться поддержкой браконьеров! Опять ты завел старую пластику!

- А что еще остается делать! Выбор у нас не велик! - возразил Петр Сергеевич - Зато они люди бывалые и находчивые и вряд ли допустят дилетантскую оплошность!

- Не доверяю я им! – нахмурился Семен Петрович. – Могут подвести! Они народ ушлый, ищут лишь личную выгоду!

- А мы обратимся лишь к тем, кто промышляет зверя не ради наживы, а чтобы прокормить семью!

- С этим я еще как-нибудь смирюсь! - согласился пожилой лесничий, нервно потирая щеку. - Я надеюсь, они благоразумно отнесутся к общему делу, ведь в их же интересах сообща уничтожить хищника! Ведь тоже не дураки, прекрасно понимают, что сейчас в одиночку находиться в тайге небезопасно! - Он поставил локоть на стол и рукой подпер подбородок. - Давай навскидку составим приблизительный список участников! Нам потребуется человек тридцать не меньше! - заключил Семен Петрович. Положив перед собой чистый лист бумаги, он взял в руки карандаш. И перебирая в памяти знакомые лица, задумался, отрешенно созерцая даль.

- Список, несомненно, возглавим мы с тобой, затем впишем егерей Гену Смирнова и Егора Ковригина! – наконец-то произнес он, словно вышел из вообразяемой спячки.

- Обязательно к облаве нужно привлечь Николая Мордаленова! - добавил Петр, вспоминая талантливого охотника-следопыта из соседнего поселка. – У него просто чутье на местонахождение зверья!

- Уже записал! - ответил старший лесничий, нумерую каждую фамилию. - Также возьмем Михаила Светлова, Аркадия Бакена, Илью Мухина! Так, - задумчиво протянул он, машинально покусывая карандаш, - уже набралось шесть человек!

- Но у Михаила Светлова жена на сохранении лежит, вот-вот должна разродиться! Какая ему облава! Ему не до того!– возразил охотовед, заглядывая в список через плечо лесничего. - Он все дни напролет, с утра до вечера проводит в городском роддоме! Врачи пообещают, день на день он станет отцом, если не будет каких-нибудь осложнений! Да и отпуск у него продолжается до следующей недели, он может не согласиться!

- Он человек понятливый и ответственный, в виду чрезвычайной ситуации, даже упрашивать не придется, сам проявит желание! А отпуск мы ему продлим, как только закончится эта история с подранком! Даже обрадуется, будет время с малышом познакомиться! – Семен Петрович старательно вносил в список все новые и новые имена, и остановился лишь тогда, когда набралось требуемое количество. Он еще раз все основательно проверил, положил карандаш, и устало потянулся.

- Вот ознакомься со списком! – улыбаясь, обратился старший лесничий к охотоведу, передавая ему в руки лист бумаги, исписанный мелким едва разборчивым шрифтом. – Кажется, никого не забыл!

Петр быстро пробежал глазами по списку и утвердительно кивнул головой. Он бы не подобрал состав лучше. В нем были все без исключения так называемые лояльные браконьеры и честные охотники, да и перспективной молодежи набралось прилично.

- Есть какие-нибудь дополнения, коррективы, пожелания? Ты согласен со списком?

- Вполне! - одобрил Петр, возвращая лист. - Команда подобралась бравая, все хорошо знают тайгу и повадки животных!

- Тогда принимаемся за работу, время не ждет! Нужно всех обойти и оповестить, если нет телефона! - Семен Петрович, одержимый жаждой немедленно действовать возбужденно потер ладони. - Первым делом необходимо вызвать в контору Михаила Светлова, ведь он ответственный за Полянинский район! Его помощь крайне необходима, он данный участок знает, как свои пять пальцев и возможно даже предположит, где может скрываться раненый зверь! Хотя пригласить его необходимо было в первую очередь! Как всегда умная мысль, приходит погода! Здесь мы Петр с тобой дали промашку! Может быть, он посоветовал бы, где поставить скроны на звериных тропах!

- Я позвоню ему! - предложил свою помощь Петр, снимая трубку телефона и набирая номер.

- Договаривайся на утро! - объявил Семен Петрович и аккуратно свернул листок. - Часов на девять! А сейчас предупредим других участников облавы! Людей поделим пополам, старых – беру на себя я, молодых – ты!

- Хорошо! – ответил Петр и начал разговор с собеседником по телефону.

Пожилой лесничий, внимательно окинув взглядом комнату и убедившись, что ничего не забыл, покинул контору, направляясь по адресам.

ГЛАВА 4

Ночь. День. Время текло как вечность, измеряя расстояние шагами безнадежности. Будущее растворилось в восприятии прошлого. Память на нее смотрела глазами медвежонка. Прошрое не отпускало, тисками сжимая сердце, затуманивая рассудок. Вот он где-то рядом, играя, спрятался за деревом. Вот мелькнул его серый бок. Она радостно вострепелась и тут же надежда в глазах потухла, она осознала, что это всего лишь мираж. Это была лишь ветка и страстное желание вернуться в прошлое. Но ничего уже нельзя исправить, изменить. Медвежонок остался там, в ледяных объятиях смерти, присыпанный холодной землей. Один и такой беззащитный. Воспоминания терзали, превращая жизнь в адскую муку. Она не могла спать, не могла не думать о нем. Единственное, что приносило успокоение – это движение, все вперед и вперед. Уйти, скрыться, убежать. Преодолевая собственную физическую боль. Это был поход в никуда. Каждый ее шаг вперед, незримо возвращал ее обратно в то смертоносное утро, и с каждым шагом обрывки воспоминаний становились ярче, а боль пронзительней. Она уходила, оставляя сердце в плену воспоминаний. И вновь тихую звездную ночь, сменяет тихий полный сжимающей грудь безграничной тоски изнывающий день. Она понуро брела через косогоры, упрямо взбиралась на скалистые сопки, вплавь преодолевала бурные воды горных рек, сгибаясь под бременем невозполнимой утраты и смертельной усталостью. Вперед и только вперед. Лишь там, в самом сердце тайги, она надеялась обрести долгожданный покой, возможность унять терзающие душевные муки и залечить новые физические раны.

Исцеляющее озеро заберет в себя пульсирующую боль, унесет страдания и потушит прохладными водами внутренний жар, испепеляющий душу пожирающим пламенем отчаяния. Как давно она не была там, она уже не помнила, но вот, как и в прошлом, напуганным медвежонком возвращается назад, словно ища защиту и поддержку под заботливой материнской лапой. Только эта мать не осязаемое существо, ее нельзя обнять или увидеть, но она всегда рядом со своими детьми, вокруг и в них и имя ее – природа. Пролетело много долгих холодных зим с тех пор, когда она впервые покинула материнское покровительство и рассталась с детской беспечностью. Окружающий мир вдруг изменился, стал холодным и чужим, в тот день она повзрослела, осознавая, что не на кого больше рассчитывать, кроме собственных сил. И она смирилась с судьбой, безропотно принимая суровые условия игры под названием – самостоятельная жизнь. Она осталась наедине со своими страхами и сомнениями, и сколь нерешительно не топталась бы на месте, не зная, что предпринять, она все равно не могла повернуть время вспять и вновь оказаться маленьким медвежонком, греющимся под боком матери. Зачем цепляться за прошлое, нужно жить дальше. А значит, необходимо было двигаться вперед навстречу своей новой судьбе. И она сделала шаг вначале робкий, а потом все увереннее и смелей. Она уходила, чтобы больше не вернуться. Прощальный взгляд вслед тающим среди деревьев силуэтам матери, которая даже не обернулась и семенящего рядом братишки, вызвало легкое чувство досады и печали. Но, выгоняя из души тоску и обиду, она решительно направилась навстречу неизведанному, полному новизны ощущений миру. Она не первая и не последняя из тех, кто после взросления, должен был обрести свой собственный путь. Не стоило обижаться на мать, она до конца выполнила свою материнскую задачу. Девочка превратилась в самостоятельную молодую медведицу, способную за себя постоять. Главная заслуга матери, она умело передала ей свой опыт, который дочь с успехом переняла. Она сделала все и больше ничему не могла научить, а значит, настала пора расстаться. Теперь свои проблемы дочь обязана решать – сама, без посторонней помощи, она свободна в собственном выборе. И она благодарна матери за то, что та оказалась хорошей наставницей, а себе – за то, что была прилежной ученицей. Сколько она пережила, блуждая в поисках обретения собственного счастья, сколько преодолела преград и препятствий на своем пути, невозможно пересказать. Что ни день, то новое испытание. Суровая тайга заставляла каждую секунду жестоко бороться за выживание. Смерть не однажды поджидала ее в укромных уголках, пытаясь забрать с собой. Но всегда ее спасали уроки матери, та словно жила в ней и говорила ее голосом, помогая советом. Вот только она не предупредила ее о человеческой жестокости и как коварен этот хищник. В те далекие времена молодости, она впервые столкнулась с человеком и эта встреча не принесла ничего хорошего, отпечатавшись в памяти рубцовым шрамом возле ключицы от свинцовой пули. Сырыми осенними ночами этот маленький осколок металла постоянно давал о себе знать, превращая сон в жуткую ноющую пытку. И вот опять все повторилось, вторая встреча и новая нанесенная рана. Но сейчас многое изменилось. Нападение в прошлом затрагивало лишь лично ее, но вчера посягнули на самое драгоценное, что она имела, у нее убили ребенка. В прошлом она остолбенела от оглушительного раската выстрела, едкого запаха, и неожиданного резкого удара, она испугалась до полусмерти, единственным ее желанием было как можно быстрее укрыться в чаще и поскорее покинуть опасное общество. Ее разумом и поступками управляла паника, сдобренная шокирующей

болью и страхом. Тогда она отступила. Но сейчас нанесенная людьми душевная рана причиняла страдания больше, чем физическая. Ненавистные люди перешли все границы дозволенного, за что и должны поплатиться. За смерть своего малыша она отомстит им сполна. Теперь она могла постоять за себя, и их не спасут ни хитрость, ни коварство, ни длинные огненные палки, она расплатится с ними той же монетой. Месть станет смыслом ее жизни, топливом для души, единственной целью существования. И вновь в памяти всплыло залитое кровью тело ребенка, словно вот он лежит рядом, стоит лишь протянуть лапу. Медведица затравленно заревела, вновь переживая боль невосполнимой утраты. За что такие страдания? Чем он помешал им? Такой маленький безобидный серый комочек, неспособный кому-либо причинить вреда. Он никому не угрожал, он жил своей маленькой жизнью, наивной и беспечной. Разум отказывался принять трагичную реальность, она словно находилось между явью и сном. Вот он неуклюже взбирается на дерево и неожиданно срывается вниз, беспомощно размахивая лапами в воздухе, она бросается ему на помощь, но тело тенью проходит сквозь нее и, ударяясь об землю, разлетается тысячами кровавых брызг. Она даже не заметила, как побежала одержимая единственным желанием успеть спасти малыша, роняя на траву тяжелые алые капли. А когда, задыхаясь, замерла, осознавая, что это всего лишь мираж, тоскливо завывала, поднимая голову к небу. И блеклый с рассеянным сиянием лик полумесяца слушал ее скорбную песню души, опечаленный глубиной материнского горя. Прошное очередной раз нанесло сокрушительный удар, поразив в самое сердце. Она хотела лишь одного лечь и умереть, но месть гнала ее вперед, вдохнув в изнеможенное тело неиссякаемую энергию ярости. Она не могла остановиться на полпути, не завершив начатое дело до конца. Месть требовала жертв, гнев – выхода. Но вначале нужно было перевести дух. Пройденная дорога и бессонные ночи основательно измотали ее. К тому же вновь открылась едва зажившая рана, кровь толчками стекала по шерсти, вот только она не чувствовала боли. Горькие воспоминания никак не желали покидать ее голову, выворачивая душу наизнанку. В воздухе ощущается едкий привкус гари, рассеивается сизая дымка, и медвежонка словно подхватывает невиданная сила и со всего размаха бросает на землю. Глухой удар и он остается неподвижно лежать, обращая на нее полный немого укора стеклянный взгляд. Глаза медведицы увлажнились, сердце тоскливо защемило, она затуманенным взором посмотрела вдаль и двинулась вперед, осторожно ступая на пораненную лапу. А где она стояла минуту назад, по земле медленно растекалось багровое пятно, окрашивая траву в коричневые тона. Как напоминание того, что смерть всегда находится рядом и ждет лишь своего часа, чтобы подловить жертву. Но видно ее час еще не пробил или они поменялась местами с сыном, который отвел удар на себя. Разве может кто-то предугадать возможную развязку. И неожиданно она инстинктивно почувствовала, что на его месте должна была оказаться она, ребенок спас ей жизнь. Но это осознание не принесло успокоение, лишь больше вызывая внутреннее опустошение. Еще недавно она любила и была любима, но сегодня одиночество стало уделом ее существования. Неожиданно мир изменился, потускнел, исчезли краски. И виной тому, как много лет назад, опять стали двуногие существа. Кто они эти безволосые хищники предвестники смерти? Имеют ли они хоть каплю сострадания? Знают ли истинную цену потери? Наверяд ли! А вот она сполна познала горький привкус утраты и ту боль, которую она несет в себе. Нет в природе несчастнее создания, чем мать, потерявшая своего детеныша. Медведица вышла на открытую местность и остановилась. Путь ей преградила

горная речка, прозрачные воды которой с утробным журчанием перекачивались через гранитные пороги и, огибали густо заросшие черемшой пологие берега, стремительно скатываясь навстречу скрытому за перевалами священному озеру - Байкал. Медведица устало склонила тяжелую голову, и вдоволь напилась, успокаивая полыхающую жаром грудь. Утолив жажду, она легла, по горло, погружаясь в прохладные воды. Сильное течение слегка приподняло могучее тело и протащило вперед, но не в состоянии справиться с весом, сдалось, запутываясь в свалывшейся шерсти. Река успокоилась, принимая в свои объятия утомленную путницу. Смывая осевшую грязь расстояний и запекшую кровь, она чистыми водами остудила горящую рану и избавила от усталости, облегчая физические страдания. Вот только справиться с душевной болью, увы, оказалось не в ее власти. Отдохнувшая телом медведица никак не могла избавиться от ощущения вины, что в смерти сына виновата именно она. Не доглядела – не уберегла. Нельзя было оставлять ребенка без присмотра, ни на секунду, и беды бы не случилось. Пульсирующая кровавая волна сметающим ураганом накатилась на сознание, вызывая вспышку безумной ярости. Медведица с отчаянием вскочила и, роняя крупные капли воды, скатывающиеся с бурой шерсти, выбралась на противоположный берег, раздраженно фыркая. Неуверенно потопталась на месте и, извиваясь, словно по телу пробежала ледяная дрожь энергично встряхнулась, начиная с ушей и заканчивая кончиком хвоста, размета по сторонам водяные брызги. Шерсть выпрямилась, создавая иллюзию, что зверь неожиданно увеличился в размерах.

Внезапно за излучиной реки послышался человеческий голос. Медведица нервно вздрогнула и зловеще повернулась в сторону исходящего звука. Голос то приближался, то удалялся. Она напряженно поддалась вперед, напоминая собой взведенную пружину, вся превращаясь в слух. Чувства обострились до предела. Шерсть на загривке встала дыбом, она не заметила как когти - ножами впились в землю. Пытаясь определить количество людей, она тревожно пригнулась, вбирая полную грудь воздуха и, в слабых порывах ветра уловила резкий однотонный запах пота. Враг был один. Она глухо зарычала, обнажая крупные желтые клыки, и решительно пошла на запах. Мягко ступая, перешагивая через сухие ветки, бесшумно, приблизилась к кустам, за которыми находился человек. Тот не замечая опасности беспечно ловил на удочку рыбу. Профессиональными бросками, забрасывал снасть, старательно исследуя речное пространство в поисках долгожданной поклевки. Проводка и новый заброс, чуть выше течения и очередная безрезультатная попытка. Мужчина передвинулся чуть левее, и поплавок опустился возле запруды, где находилась глубокая яма и, весело попросил:

- Ловись рыбка большая и маленькая!

Он аккуратно поставил удище на рогатину и, радостно потирая руки, наклонился и достал из воды железный садок, на дне которого, переливаясь серебром, плескалась живая рыба.

- Бравый выдался денек - рыбный! - возбужденно заметил он, сквозь сетку ласково поглаживая указательным пальцем крупного хариуса. - Знатная получится ущица - наваристая!

И это стали последние слова, которые слетели с его губ.

Медведица ничем не выдавала своего присутствия, и только враг оказался к ней спиной, в три прыжка преодолела расстояние и нанесла сокрушительный удар. Услышав за спиной слабый шорох, мужчина полуобернулся, боковым зрением

замечая стремительно увеличивающуюся в размерах бурую лавину. Но так и не успел понять, что произошло. Секунда и на сознание накатила всепоглощающая волна невыносимой боли. Медведица со всей летящей массой навалилась сверху, подминая рыбака под себя. Раздался глухой хруст, и человек неестественно сложился пополам. Он попытался разогнуться, но не смог, позвоночник был сломан. Ошеломленно хватая ртом воздух, подобно рыбе выпавшей на берег, он никак не мог надышаться. Воздух проходил через него, как вода сквозь сито. В состоянии шока он даже не почувствовал, что грудная клетка лопнула, а легкие пробиты сломанными ребрами. Мужчина надсадно захрипел и забился в конвульсиях. По телу рыбака словно прошел электрический разряд, который вызвал судорожный импульс в сведенных мышцах. Он выгнулся дугой, и оказался лежащим на спине. Смерть словно забавлялась с ним, продлевая зловещее зрелище. Тело человека била крупная дрожь, изо рта и носа ручьями текла кровь, заливая подбородок и грудь, он безумно вращал глазами, в которых медленно застывал лед. Ломая ногти, он безумно карябал землю, пытаясь куда-то ползти. Медведица равнодушно наблюдала за мучениями врага. Она не нападала и не уходила, просто стояла в стороне и смотрела. Она дождалась, когда человек затих и перестал дышать. Только после этого опять подошла и перевернула лапой безвольное тело, убеждаясь, что он по-настоящему мертв, а не притворяется. Здесь ей больше незачем было оставаться, она перешагнула через труп и медленно направилась в сторону леса. Дальше она уже шла без остановок и к вечеру беспрепятственно достигла лечебных источников. Из не глубоких ям, наполненных вязкой смолистой жижей, поднимался белый как молоко густой пар. Перекусив черемшой, она направилась к ближайшей грязевому озерку и, погружаясь в мутную сферу, на поверхности которой со звонким бульканьем лопались пузыри, утомленно прикрыла глаза. Ее, конечно, угнетала мысль о долгой бездеятельности, но она ясно понимала, что должна восстановить силы, иначе она сама станет легкой добычей.

ГЛАВА 5

Кусты ивы раздвинулись, и между ветками протиснулся подросток. Стараясь не производить шума, он, мягко ступая, приблизился к покато му заросшему травой берегу реки.

- Алексей, посмотри, есть в яме рыба?! – окликнул парня с противоположного берега реки мужчина, с трудом перекрикивая громоподобный рокот бурлящей воды с диким ревом скатывающейся по гранитным валунам. Он расправил болотные сапоги и замер в ожидании.

Мальчишка, также облаченный в болотники, минуя подмытые берега, выбрал удобную мель и осторожно вошел по колено в воду. Сопrotивляясь сбивающему с ног горному потоку, принял более устойчивое положение и опустил в воду "телевизор". С силой удерживая вырывающийся из рук бурным течением, самодельный прибор, осмотрел дно. "Телевизором" в просторечье у рыбаков называют термос с вырезанным дном и со вставленным в отверстие обычным круглым стеклом, которое тщательно крепится водостойким клеем, чтобы не протекала вода. Дно реки, через своеобразный объектив, соприкасающийся с

водой, лежало как на ладони. Он внимательно осмотрелся вокруг и среди обросших водорослями камней и пузырящихся водоворотов, обнаружил стайку серебристых рыбок, которые сплочено лавировали на дне неглубокой ямы, где течение было менее интенсивное.

- Есть! - так же громко крикнул Алексей, выходя из речки и скатывая голенища "болотников", чтобы не мешали при ходьбе. - В ямке секачей десяток будет! Ловить можно!

Мужчина сорока лет, высокий, широкоплечий, русоволосый, бережно вытащил из чехла складывающийся спиннинг. Поплывав на крючок, ловко насадил короеда и профессионально, без размаха, чтобы не зацепиться за близлежащие кусты, забросил снасти далеко на середину реки. Деревянный поплавок стремительно заскользил по поверхности воды, быстро уносимый течением. Внезапно он замер на месте, словно случился зацеп и резко скрылся под водой. Поклевка. Мужчина резко подсек и поддерживая натянутой леску, без лишней суеты, стараясь держать удище как можно ниже к воде, неторопливо закрутил катушку умело, выводя на мелководе, упрямо сопротивляющуюся рыбу. Осторожно снимая с крючка неподвижно висящего секача, он обратил внимание, что тот был стандартного размера, чуть больше мужской ладони. Рыбак, весело насвистывая, убрал рыбу в садок, который опустил в воду, для надежности прицепляя к ветке.

-С почином, батя! - поздравил Алексей, с восторгом наблюдая за отлаженными действиями отца. Тот в ответ удовлетворительно кивнул головой, бережно поправил старую приманку и вновь умело забросил оснастку в воду. Повторную поклевку пришлось ожидать чуть дольше, и она оказалась более мощной. Он старательно выводил рыбу к берегу, но она упорно не собиралась сдаваться. Но мужчина не торопился и за терпение был вознагражден. Пойманным оказался крупный хариус, переливающийся всеми цветами радуги. Мужчина возбужденно снял его с крючка, наслаждаясь приятной тяжестью и, убрал в садок. Парень с затаенным дыханием, зачарованно наблюдал за удачливой ловлей отца. Но нужно было приниматься и самому за дело.

- Я пойду пока обследую тот завал!

Алексей воодушевленный отцовским примером с азартом взглянул на нагроможденную поперек реки природную плотину из сломанных деревьев и веток. "Там должна быть рыба! - с затаенной надеждой предположил он. - Хоть одна, но обязательно должна быть! А если повезет, может быть, это окажется ленок! С первого взгляда видно рыбное место!" Он даже припомнил, как прошлой весной на этом же самом месте, одновременно выловил сразу двух внушительных хариусов, переливающихся на солнце серебром. Особенно роскошные у хариусов верхние плавники и спина. Красочные, расписные, с изменением угла света постоянно меняющие свой цвет, от бледно-платинного плавно переходящие в нежно-алые и взрываясь яркими бликами переливающиеся розово-малиновыми тонами. Окропленные веером оранжевых пятен, протянувшиеся двойным рядом вдоль позвоночника, так же меняющих свой цвет от перелома солнечных лучей. "Что и говорить необычайно красивая рыба!- убеждено заключил он - И довольно вкусная!" Но на рыбалке всегда нужно быть осторожным. Рыба под водой отлично воспринимала резонанс от колышущейся поверхности и мгновенно покидала беспокойное место. Радовало одно то, что не далеко. Но порой, покидая удобное местонахождение для ловли, она вставала, как назло или на самое глубокое место реки или забивалась под коряги, где ее так же несподручно было

достать. "Ни пуха, ни пера!" - пожелал он себе, и возбужденно сплевывая через левое плечо, добавил: - "К черту!" Алексей направился к завалу. В этом году он впервые выбрался на рыбалку. Рыба только пошла на нерест и не в большом количестве. Но ему очень хотелось не ударить перед отцом лицом в грязь и так же как он принести домой богатый улов. Он ловко взобрался на лежащую мостом кряжистую сосну, макушкой упирающуюся в противоположный берег и, держась за толстую ветвь, склонился над водой, стараясь как можно дальше заглянуть телевизором под корягу. Вначале его взору предстал сплошной непроницаемый мрак. Но, привыкая к темноте, он среди наваленных веток и тины внезапно различил выступающую из укрытия белесую как у привидения массивную голову хариуса. С мерцающими, подобно обведенными фосфором губами, которыми рыба забавно шевелила.

- Есть! - радостно воскликнул Алексей, и глаза его азартно заблестели. - Стоит!

Он сошел на берег и перочинным ножом аккуратно срезал крепкую ивовую ветвь. На макушку намотал медную проволоку в виде петли, а снизу насадил острогу, сделанную из четырех дюймовых гвоздей спаянных между собой. И поспешно вернулся назад. Хариус слегка переместился влево, лениво перебирая плавниками, созерцая пространство большими глазами-блюдцами. Алексей, охватив ногами обломанную толстую ветвь, чтобы руки оставались свободными, вытянулся вперед и завис над запрудой. Течения здесь почти не было. Взяв в правую руку ветку, на конец которой была одета петля, а в левую "телевизор", он опустил его в воду. От перевозбуждения его трясло как в лихорадке, он взмок, капли пота заливали лицо, руки предательски дрожали, когда он нервно заводил петлю на рыбу. Задержав дыхание, Алексей постарался унять досадную дрожь, и тихо выругался. Ведь для ловли на петлю нужна была особая тактика. Основная акцент при накидке петли делался на твердость руки и выдержку. Нельзя было задеть проволокой тело рыбы. Он сконцентрировался и неторопливо миллиметр за миллиметром, провел петлю вдоль спокойно дрейфующей рыбины и остановил ее точно поперек тела.

"Ну, с Богом!" - настраиваясь на удачу, прошептал он и резко дернул. Здесь также требовалось знание дела, нужно было правильно рассчитать вложенную силу. Главное не перестараться в рывке, иначе произошел бы конфуз и рыба, перерезанная пополам, пошла бы не на уху, а на корм речным хищникам. Так с ним случилось на первой в жизни рыбалке, когда он по неопытности дернул из-за всех сил и был награжден досадным результатом: двумя половинками рыбы, которые скрылись из вида, уносимые течением. Первый блин всегда комом, но больше он никогда не допускал оплошности. Он ощутимо почувствовал, как палка под водой напряглась, заходила ходуном, легкий взмах, и он поспешно выбросил туго стянутую петлей рыбу на берег и бегом бросился следом. Внушительная рыбина, отливая жемчугом, несколько раз перевернулась в воздухе и упала в высокую траву, где беспомощно забилась, пытаясь соскользнуть обратно в воду.

- Какая огромная! Вот повезло! Больше чем у отца! - возбужденно воскликнул Алексей, проворно хватая хариуса. Крепко сжимая извивающуюся рыбину, он оглушил ее ударом о камень. Внушительной добычей оказалась невзрачная самка с выпирающим от икры животом. Восхищаясь довольно внушительным экземпляром, не в силах налюбоваться размерами, он приложил рыбу к вытянутой руке, и радостно засопел. Хариус от кончиков пальцев доходил до локтя.

- Вот это рыба, так рыба! - радости Алексея не было границ, глаза его искрились от счастья. - Не то, что отец ловит! Это не мелочь какая-нибудь! -

Алексей зардел от гордости. Парень снял со спины вместительный рюкзак и бережно убрал улов в пакет. Он решил пока не рассказывать отцу о пойманной рыбе, которая размерами превосходила всех вместе взятых выловленных секачей. Это будет его маленький секрет, который он раскроет дома, когда мать станет сравнивать уловы. И для отца станет приятной неожиданностью, что сын его обловил, хотя это случалось крайне редко. Но иногда это получалось. Как сегодня.

Алексей сполоснул руки в воде, отмывая их от крови и блестящей мелкой чешуи, и вытер о штаны. В нем разгорелся охотничий азарт. И чтобы не терять времени даром, и увеличить разрыв он подхватил рюкзак и, закидывая его на плечо, направился быстрым шагом к одинокой коряге, которая величественно возвышалась над берегом, упираясь корнями в каменистое дно реки. Девиз рыбака: все, что имеет притягательный вид для рыбы должно быть обследовано. А коряга с первого взгляда указывала, что это рыбное место. Медленное течение возле берега, приличная глубина и стелющаяся по поверхности воды трава, укрывающая от солнечного света, привлекала усталых рыб отдохнуть от борьбы с сильным течением. Вот только для ловли с берега приходилось соблюдать еще большую осмотрительность. Малейшее неосторожное движение, повлекшее за собой произвольное колебание почвы и пугливая рыба мгновенно покидала беспокойное место, устремляясь вверх или скатываясь вниз по течению. Алексей снял рюкзак, и мягко ступая, приблизился к массивной паукообразной коряге. Сердце учащенно забило в предвкушении добычи, и он горячо попросил об удаче. Встал на колени, и бесшумно опустил в воду "телевизор", заглядывая под самые корни. Но взгляд лишь выхватил густую поросль мирно покачивающейся осоки. Он слегка надавил, пробиваясь через травяной заслон и, едва сдержал возглас радости. словно через экран на него смотрела тупоносая голова речного хищника с красноватыми радужками глаз - ленка. Для рыбака повстречаться с достойным соперником - большая удача. А ленок, несомненно, являлся им. Сильный упорный боец, знающий множество уловок как оставить рыбака с носом. Вот только редко, стала эта рыба в сибирских реках. Браконьерские сети сделали свое черное дело, ставя вид на грань исчезновения.

- Как обстоят дела, сынок?- раздался за спиной бодрый голос отца. – Есть результат? Поймал что-нибудь?

Так бесшумно подойти умел лишь отец. Алексей рассерженно зашипел:

- Тихо батя, ленок стоит!

-А-а-а! - с пониманием протянул мужчина и послушно замер, с живым интересом наблюдая за ловкими движениями сына.

Парень подтянул петлю и попытался накинуть ее на массивную голову, но петля оказалась слишком узкой для гигантской рыбыны. Надеть силой он побоялся, это могло испугнуть осторожного хищника. Оставалось одно - действовать острогой. Алексей тщательно нацелился и из-за всех сил ударил зубьями рыбы в основание головы. Резво вскочил на ноги и всем весом навалился на заходившую ходуном палку, стараясь как можно сильнее придавить ко дну. На помощь подбежал отец и, совмещая усилия, они вдвоем навалились на дергающийся в дикой пляске шест. Вода забурлила от мощных рывков. Их изрядно потрясло, но они терпеливо дождались, пока рыба полностью не выбилась из сил и не перестала истерично сопротивляться. После чего отец засунул руки в воду и, взяв под жабры, с трудом вытащил конвульсивно подергивающего ленка на берег.

По речке потянулась широкая мутно-бордовая полоса, которая по мере удаления медленно растворялась. Минута и течение очистило место, словно ничего и не произошло.

- Хорошего сорванца забагрил! - похвалил сына отец, удовлетворенно кивая головой. И взвешивая рыбу на руке, добродушно заметил: - Килограмма на два, потянет! Мне не попадался такой! Вот повезло, так повезло! Молодец!

- А ты много поймал? – слегка заносчиво поинтересовался Алексей, зачарованно рассматривая не уместающуюся в руках толстобокую рыбку, наслаждаясь ее массивной тяжестью. Отец невольно улыбнулся, наблюдая, как сын зарделся от гордости.

- Да самую малость! Так, пяток секачей выловил! А потом как оборвало, клевать перестало! Видно рыба ушла, почуяв твоего громилу! - и шутливо заметил: - И то, что их пять, роли не играет! Вон, какой у тебя трофей! Даже если все мои взять и выложить в длину, все равно уступят твоей рыбке в размерах! Так что обловил ты меня сегодня! Варнак!

- А я еще хариуса на петлю поддел! - как бы невзначай похвастался парень. - Примерно вот такого! - и он восхищенно ударил ребром ладони повыше локтя вытянутой руки.

- Вот рыбак, так рыбак! Молодец! - искренне похвалил Игорь Васильевич сына. - Будет матери из чего уху приготовить! Да еще и на жарку останется! - и обеспокоено посмотрел вдаль. - Куда-то Семен запропастился, что-то его долго нет! Уже домой пора возвращаться, а он где-то бродит!

- Придет еще! Видно задержался на втором мостике! – беспечно ответил Алексей, бережно убирая ленка в рюкзак. - Рыба там всегда хорошо берет на удочку, только успевай подсекать! А при хорошей рыбалке обо всем забываешь, время летит как метеор! Кажется, только что пришел, а нет, уже час прошел!

- Не похоже на него! - возразил Игорь Васильевич. – Если договорились в час дня встретиться, кровь из носа, а он был бы на месте! - мужчина вскинул руку и задумчиво посмотрел на часы. – А уже без четверти три, ему уже два часа назад пора было появиться! - он озабочено одернул непослушный рукав защитной куртки. И встревожено посмотрел на тропинку, по которой должен был вернуться брат. - Семен никогда не опаздывает, тем более, когда заранее договорились о встрече! Здесь что-то не так! Чует мое сердце беду! - И лихорадочно потирая вспотевшие ладони, нервно добавил: - Беспокоюсь я за него, медведица объявилась в нашем районе, двоих уже задавила! Неровен час пересеклись их пути! А там кто его знает, что у зверя на уме! Покалечит, а то и убить может! Как найдет! Медведь зверь непредсказуемый, лютый!

- Может, все же дядя зарыбачился! - с надеждой предложил Алексей, обращая настороженный взгляд в сторону тропы. - Отличный клев! - но голос подростка предательски понизился на тон, выдавая внутреннее волнение. - Вот и покидать рыбное место не желает! Пока ловиться, зачем уходить! Тягает одну за другой, и потерялся во времени! В азарте, сам знаешь, как, не любо на часы смотреть, успевай только тащить!

- Ты что, своего дядьку не знаешь! – укоризненно отдернул отец. Тревога не проходила и, как ему показалось, даже усилилась. Верная примета – брат внутри брата живет. В немоту заныло сердце. - Он никогда не выносит из тайги больше, чем сможет приготовить за раз! Натура у него такая, нет в нем жадности! Давай собирайся, двинемся ему на встречу! Так побыстрее будет и мне спокойнее! Не могу я без дела сидеть, чего-то ждать!

Мужчина, то и дело бросая тревожный взгляд на скрывающуюся среди деревьев тропинку, собрал рыболовные снасти. После чего вытащил из висящих на поясе ножен охотничий нож и, направляя лезвием вперед, крепко сжал рукоятку в ладони.

- Не Бог какое, но все же оружие! – вслух заключил он. Но про себя заметил, что для медведя этот ножик, причинит вреда не больше, чем зубочистка. Но деваться было некуда, другого оружия он не имел. - Ладно, поднимемся вверх по реке, там поищем его! - и поправил на плечах лямки рюкзака: - Возможно, ты и прав! В тайге время незаметно бежит, не успеешь глазом моргнуть, а дело близиться к вечеру! Повезет где-нибудь и словимся на середине, может он уже нам навстречу двигается! Ладно, пошли! Дотемна нужно домой обернуться, а то мать станет переживать!

И люди быстрым таежным шагом устремились по едва заметной тропинке, теряющейся в высокой траве.

- Иди первым! - пропустил сына вперед себя Игорь Васильевич. Он прекрасно знал повадки медведей. Зверь обычно нападал на замыкающего человека и лишь в исключительных случаях на впереди идущего. По крайней мере, у сына будет время, взобраться на близлежащее дерево, где медведь его не достанет, ветви не дадут ему взобраться следом. Сам он прекрасно понимал, что одним ножом ему с медведем не сладить, но задержать его он сможет, чем предоставит сыну время на спасение.

Через полчаса, обходя очередной гранитный валун, Алексей среди кустарника ивы заметил лежащего на земле человека. Тот лежал на боку, к ним спиной, обхватив руками небольшую кочку, обросшую мхом.

- Вон дядя Семен, отдыхает! - указал он пальцем в сторону мужчины. - Я же говорил, что с ним все в полном порядке! Видать прилег, да не заметил, как заснул! На природе всегда хорошо спиться! А ты все заладил: случилось, случилось! А видишь, ничего страшного не произошло! Дядька спит! Но сейчас мы его разбудим...

Игорь Васильевич растерянно посмотрел в сторону выставленной руки сына, и сердце таежника тревожно забилося. Он опытным взглядом приметил над застывшим в неестественной позе человеком вьющийся рой мух. Сердце болезненно сжалось, в глазах потемнело, он даже с большого расстояния ясно различил траурный однотонный гул насекомых.

- Дядя Семен, просыпайтесь! - радостно окликнул Алексей, призывно махая рукой. - Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе! Мы сами пришли за тобой! Пора домой!

- Тихо! - резко одернул сына за рукав мужчина, и затравленно осмотрелся вокруг, настороженно прислушиваясь к доносящимся из чащи звукам. - Он мертв! – в его голосе послышались тоскливые нотки.

Алексей недоуменно заморгал ресницами.

- Как так мертв! - он недоверчиво посмотрел на лежащего дядю. - Я не верю! Не может быть! Он просто спит! Устал, вот и прилег! Разморило... - Но так и недоговорил, инстинктивно чувствуя, отец прав, что-то витало смертельно опасное в гробовой тишине, которая даже глушила громовой шум воды. Неожиданно в памяти всплыл живой образ любимого дяди, родного брата отца, запечатленный в серой дымке вечности, перед тем как они расстались, мужчина беспечно предложил: - Ну что рыбаки, устроим соревнования по рыбной ловле! Померимся

силенками! - И беззаботно смеясь, скрылся за деревьями. Как теперь оказалось навсегда...

- Умер... - Алексей умоляюще, смотрел в глаза отца, словно ожидая от него чуда. – Почему?

- Мухи! - голос мужчины прозвучал надтреснуто горько.

И только сейчас Алексей заметил, что над неподвижным телом дяди кроме мух не было ни единого комара.

- Я не верю! - он не мог подобрать слова, чтобы передать, что творится у него на душе, впервые воочию сталкиваясь со смертью близкого ему человека. - Кто это сделал?! - испуганно пробормотал подросток, нервно дрожа. И внезапно на него снизошло мрачное озарение.

- Медведь! - с ужасом выдавил он.

- Возможно!- шепотом ответил отец, внимательно всматриваясь и не обнаруживая на теле брата каких-либо травм или ран. Его сильно беспокоило присутствие рядом с собой сына, он боялся за его жизнь. Риск был велик, возможно, рядом притаилась опасность. Поэтому он ничего не предпринимал, просто стоял и настороженно осматривался вокруг, подмечая малейшие детали. - Может быть медведь, а может быть хулиганы? Кто его знает? Ясно одно, что ничего хорошего я здесь не вижу! Боже, что же здесь произошло? Семен! – тихо окликнул он брата. Но тот не отозвался, не пошевелился. Нетронутая рыба, в беспорядке разбросанные по поляне вещи, да и сам человек на первый взгляд казался живым, только что прилегшим на траву и сморенным усталостью. - Не похоже на медведя! - он не заметил, как стал размышлять вслух. – Если это медведь, то здесь было бы море крови, если другой зверь, например волк или рысь, почему тогда тело не тронута?! - он не находил логического объяснения происшедшему. Но так же непохоже и на ограбление, что взять с рыбака. Преступление, если таковое и присутствовало, просто не укладывалось в голову. Ведь ничего не украли. Удочка на месте, рюкзак там же и даже одежда не тронута. Может быть, приезжие напились и решили продемонстрировать свою силу. Но испугались тому, что натворили и убежали. Но где тогда следы драки...

" Черт возьми, что со мной происходит! - зло выругался Игорь Васильевич, от отчаяния стиснув зубы. - Может он еще живой и ему необходима срочная помощь, а я здесь застыл, как истукан, заранее причисляя его к мертвецам!"

Но интуиция была беспощадна. Он видел доказательства, и разум говорил, что она права.

"Не может быть все плохо! Он жив, просто без сознания! - мужчина успокаивал себя, отгоняя тревожные мысли и страх, особенно страх, который клубился внутри как черная туча, подавлял – уничтожал, он беспокоился за сына, за судьбу старшего брата. Как ни странно, но за себя он не боялся, словно собственная судьба в данный момент его совсем не интересовала. Но мухи, - уничтожающе нашептывала логика, - они не ошибаются!" Рой стремящихся на смерть насекомых. От беспомощности он крепко сжал зубы. Да черт с ними, с этими мухами, мужчина затравленно махнул рукой. Больше не было смысла ждать. Кто это сделал, ушел, иначе мы уже обнаружили бы его присутствие или он просто на нас напал бы. Времени было больше, чем достаточно, пока были в неведении, ошеломленно крутили головами по сторонам, кто им или ему, мешал, застав нас врасплох - разделаться. Никто. Да и чем черт не шутит, все может быть проще, и возможно сын прав. Семен неудачно упал, ударился головой, а теперь лежит в отключке. Кто его знает. В лесу получить травму можно на ровном месте. Скользкий камень,

острая ветка, корень, незаметно торчащий из земли. И амба. Я же поскользнулся в прошлом году на камне, когда перепрыгивал через ручей, голову разбил, неделю с сотрясением провалялся в больнице. Никто не застрахован от несчастья. Ах, Семен, что же с тобой приключилось?

"Успокойся! - приказал он себе. – Хватит паниковать! Нужно действовать, пока не поздно!"

"Уже слишком поздно!" – печально возразил внутренний голос.

- Оставайся на месте, за мной не ходи! Да встань поближе к дереву! - строго приказал он сыну и, подбирая слова, задумчиво добавил: - Если произойдет нечто из ряда вон выходящее, например, объявится медведь! Немедленно взбирайся на дерево, как можно выше! Там он тебя не достанет! Оттуда не слезай, чтобы не случилось, ты меня понял! Спустишься лишь в том случае, если будешь полностью уверен, что зверь ушел!

Он требовательно посмотрел в глаза сына. Взрослые медведи не могут взобраться на дерево, ветки мешают, так что сын на дереве будет в полной безопасности.

- Да! - тихо ответил Алексей и не уверенно отвел глаза. - А как же ты? - голос подростка натянуто дрожал.

- За меня не беспокойся! – с успокаивающей интонацией в голосе заверил отец. - Я смогу за себя постоять! – Он, подбадривая, улыбнулся сыну и, крепче сжав тяжелую рукоятку ножа, бесшумно скрылся среди деревьев. Но в голосе отца Алексей все же уловил смутную тревогу. Неожиданно на него накатила волна ужаса, ведь он остался один. Отец пошел к дяде кружным путем и пропал из поля зрения. Мальчик, затаив дыхание, напряженно вслушивался в неестественную тишину, испуганно озираясь по сторонам. Он даже вспотел, ожидая, что сейчас где-то рядом раздастся треск сухой ветки под ногой подкрадывающегося зверя. Или того хуже услышит отчаянный крик отца. И облегченно выдохнул, позволяя себе чуточку расслабиться, когда заметил отца возле тела дяди. Отец обернулся и посмотрел в его сторону. Убедившись, что с сыном все в порядке, вновь отвернулся.

- Семен! - негромко окликнул мужчину, уткнувшегося лицом в землю старшего брата. - Это я - Игорь! Тебе плохо? - и не дождавшись ответа, предчувствуя наихудший исход, обреченно приблизился к неподвижно распростертому телу. Ноги словно сделались ватными, он еле перебирал ими. Бросил отчаянный взгляд на траву, и его словно ударило током, он обнаружил свернувшиеся бурые пятна, хищно расползшиеся по тонким надломленным стеблям растений. Сердце сдавленно жалось, из груди вырывался сиплый хрип, словно кто-то перекрыл доступ кислорода, он уже не сомневался в страшной реальности. Мужчина затравленно облизал пересохшие губы и словно подрубленный, безвольно упал на колени. Дрожа всем телом, поспешно взял безвольное запястье в свою ладонь, в панике разыскивая пульс, но холодная посиневшая кожа говорила сама за себя. Пульс не прощупывался. Мужчина, тоскливо замирая, зачарованно перевернул брата на спину и содрогнулся от пронизывающей сердечной боли. На него смотрели ледяные стеклянные глаза, и этот безжизненный взгляд был обращен сквозь него. На лице погибшего застыла смертельная бледность, но оно оставалось умиротворенно спокойным, словно смерть для человека являлось большим, чем забвением. Сквозь разорванную рубашку выступали сломанные ребра, а грудь от живота до шеи была залита кровью.

- Это не может быть правдой! Как же так! - тоскливо взвыл Игорь Васильевич, и взгляд его невольно заскользил по притоптанной траве, выхватывая в обмытой водой прибрежной глине, отчетливо выдавленные огромные отпечатки лап зверя. - Медведь! - Затравленно выдавил мужчина и непроизвольно пальцами прикоснулся к четко обрисованному следу. И почувствовал еще исходящее тепло, неосознанно подмечая, что кровавая трагедия разыгралась не больше часа часов назад.

- Зачем я отпустил тебя! - укорял себя мужчина. – Рыбачили бы на поляне вместе, и ничего бы не случилось! И что я теперь матери скажу? Только отец умер год назад, а теперь ты! У нее и так сердце больное, второй утраты может не вынести! А Галина с детьми? – перед глазами пронеслись картины похорон, поминок, убитая горем жена брата и осиротевшие дети, понуро стоящие возле гроба отца. – Горе, ведь какое! Вот беда!

Он рассеянным взглядом проводил веретеницу следов исчезающих в лесу. Зверь, задавив человека, ушел.

- Алексей, иди сюда! - нервно позвал он сына, отстраненным взглядом всматриваясь в сумрачную глушь. - Захвати с собою рюкзаки!

Подросток бегом бросился к отцу.

- Он ранен? - заикаясь, спросил Алексей, невольно бросая испуганный взгляд на застывшее восковое лицо дяди, и трясущими руками передал отцу рюкзак.

- Нет, Алеша, мы опоздали! Не будет больше с нами дяди Семена! Не будет...- отрешенно ответил мужчина остервенело разрезая ножом прочную ткань на широкие полосы. После чего связал их между собой, получилась своеобразная веревка. Он резко вскочил и срезал рядом стоящие две молодые березки. Очистил их от веток и, крепко связал прямые палки лентами, сделав подобие носилок.

- Помоги мне! - подавленно произнес мужчина, приподнимая брата за руки, парень поспешно взялся за ноги и, совмещая усилия, они аккуратно уложили тело на самодельные носилки.

- А теперь одновременно подняли! Понесли! - срывающимся голосом приказал он, и Алексей мельком заметил, как глаза отца увлажнились и по небритой щеке потекли скупые слезы. - Нужно, как можно быстрее добраться до лесничества и предупредить охотоведов, что медведь напал на человека! - и яростно заключил: - Его надо немедленно отстрелить, иначе он натворит много бед! Отстрелить как бешенную собаку! - И от безысходности с силой сжал скулы.

- Главное, не торопись! - посоветовал он сыну. - И смотри под ноги!

Он поставил парня впереди. Во-первых, сыну идти будет сподручнее, а во-вторых, он не будет на протяжении всего пути видеть мертвое тело.

- Необходимо успеть дотемна добраться до дороги! - тяжело вздыхая, заметил мужчина. - Там уже идти будет легче! - И прощальным взглядом осмотрел поляну, на которой трагически погиб старший брат, стараясь до мелочей запомнить роковое место. На траве остался лежать сломанный пополам спиннинг, куча высыпанной, никому теперь ненужной рыбы, в беспорядке разбросанные какие-то окровавленные тряпки. И особенно долго он смотрел на место с лужей загустевшей крови, где только что лежало тело. Но сильнее всего в памяти отложилась веретеница уходящих в лес крупных медвежьих следов.

- Пошли! - устало произнес мужчина, понутив голову. – Вот тебе и рыбалка!

И люди, сгорбленные под тяжестью лежащего на носилках тела, скрылись в тайге, оставляя позади себя роковую поляну, на которой порывистый ветер уныло затянул скорбную песню смерти.

ГЛАВА 6

Семен Петрович, сидя за столом, опустил голову на руки, и устало закрыл глаза, он просто изнывал от беспокойства с тех пор как послал на поиски медведицы бригаду из семи человек во главе со старшим охотоведом. Но минули уже третьи сутки, а от них не поступало никаких известий.

- Как в воду канули! - хмуро выдавил мужчина, даже не замечая, что начал разговаривать вслух.

- Куда запропастились, ума не приложу! Люди-то опытные, часом не оплошают... Медведица сейчас лютая! Хитрая! - и уже проваливаясь в нервную дремоту, сонно воскликнул. - Ой, как бы она не наворотила новых бед! Чует мое сердце все это не к добру! Ой, как не к добру!

В комнату вошла Марина, неся для подписи обходной лист но, обнаружив задремавшего в неудобной позе начальника, сочувственно покачала головой.

- Семен Петрович, сходили бы вы домой, отдохнули! Нельзя себя так изводить, вы уже третьи сутки не спите! Вам врач запретил перенапрягаться, у вас же больное сердце!

Мужчина, заслышав голос, поспешно принял сидячее положение и натянуто улыбнулся.

- Ничего, Мариша, я выдержу. Что такое трое суток?! Так себе, капля во времени, я и неделями помню, не спал. И ничего, ведь до сих пор живой. Ты лучше завари-ка мне, душистого чайка, да покрепче, чтобы усталость, как рукой сняло!

- Вы бы лучше покушали! - заботливо напомнила девушка. - Я вам картошки со сметаной принесла и пирогов с грибами! Сама вчера напекла! Вкусные - пальчики оближешь!

- Охотно верю! - улыбнулся Семен Петрович. - Но аппетита совсем нет. Вчера пообедал, а сегодня вроде бы сыт. В старости много не едят. Вот когда молодым был целую тарелку с картошкой, за один присед съедал, и еще добавки просил.

Он пытался шутить, но глаза его выдавали, Марина видела в них глубокую озабоченность и внутреннее напряжение.

- Хорошо, Семен Петрович, я схожу, чайник поставлю! Но все же я вам советую сходить домой и немного поспать! - И вышла из комнаты.

- Непременно! - заверил мужчина и про себя глухо добавил. - Ожидание смерти подобно!

Он встал и нервно зашагал по кабинету, пытаясь мысленно нарисовать возможные варианты ситуаций. На мгновение устало остановился возле окна и задумчиво посмотрел в зеленую гладь тайги. Словно пытаясь отыскать в бескрайнем горизонте своих затерявшихся товарищей, а если потребуется, то и оказать им незримую помощь. Но беспокойный взгляд невольно натолкнулся на

медленно текущую змейкой похоронную процессию, несущую на руках открытый гроб, в котором, скрестив руки на груди, лежал трагически погибший односельчанин. Теперь уже невинная жертва разъяренной медведицы. До слуха, донесся унылый траурный марш.

- Сколько это будет продолжаться! Вот скоты!- мысленно обозвал он погибших браконьеров. - Натворили бед!

Сердце болезненно сжалось в груди, стало трудно дышать. Он поспешно расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке и обессилено рухнул на стоящий возле окна стул, машинально смахивая со лба крупные капли холодного пота, заливающие побледневшее лицо.

- Ах, Семен, Семен... Не повезло тебе, бедолаге! - тихо прошептал мужчина, едва шевеля посиневшими губами. Он достал таблетку валидола и положил ее под язык. - Вот судьба - судьбинушка, даже не догадаешься, каким образом она подведет тебя под монастырь! Был, и вот тебя больше нет! Неделию назад с тобой разговаривали, а сегодня - уже хоронят! Ты никому в жизни не желал зла, чем мог, тем и помогал, ничего не требуя взамен! Почему тебя?!- он не нашел ответа и лишь печально покачал головой: - Видно Богу угодно, чтобы и хорошие люди уходили на небеса! Не все же в Ад! Хотя раньше или позже все будем там, держать ответ перед Богом! Просто хочется, чтобы молодые подольше задерживались на земле, им есть чем здесь заняться! Это нам старикам уже терять нечего! Отжили свое! Пусть земля тебе будет пухом! - И машинально перекрестился, но все же он был не согласен с положением вещей. - Столько негодяев топчут землю, а хорошие люди погибают! Где же справедливость?!

Он вымучено скривил губы.

- Семен Петрович! - в комнату вбежала ошеломленная Марина, возбужденно размахивая руками. - У Михаила Светлова жену увезли в больницу, преждевременно роды начались!

- Вот, еще окаянная напасть! - выругался мужчина, отчаянно ударяя кулаком по подоконнику.

- Может все нормально будет! - растерянно заметила девушка, неуверенно переминаясь с ноги на ногу. - Много же женщин рожают раньше положенного срока?!

- Может! - тяжело вздохнул мужчина, сердцем чувствуя новую надвигающуюся беду и больше успокаивая себя, шутливо добавил: - Я вот тоже недоношенным родился и ничего, через месяц веса поднабрал, а через полгода и сверстников обогнал! Теперь с первого взгляда и не скажешь, что весил чуть больше килограмма! Все будет хорошо! Как же иначе! - А про себя подумал. "Не находила себе места Ольга, вот и переволновалась за мужа! Зря я Михаила вытащил из отпуска! Зря! Не стоило этого делать!"

- А ребят все нет, и нет! - по-женски запричитала Марина. - Ольге же нельзя было расстраиваться! А она все нервничала, дергалась, не случилась ли беда с мужем! Что же будет...

- Хватит накликивать беду! - одернул девушку Семен Петрович. - Раскудаhtалась, почем зря! Нормально все будет! Вернуться! Куда денутся! Просто задержались! В тайге всякое бывает! Может, медведицу ищут... - а про себя подумал, может быть, она их нашла. Слова девушки вызвали у мужчины пронизывающую головную боль, он нервно потер виски. Он не понаслышке знал - "беда не приходит в одиночку". Семен Петрович дрожащей рукой достал из

кармана валидол и незаметно для девушки положил вторую таблетку под язык. Через некоторое время предательская слабость покинула тело.

Словно оглушительный выстрел хлопнула входная дверь, заставив нервно вздрогнуть. Семен Петрович напряженно замер, ожидая очередного страшного известия.

Но в комнату валился лишь изнеможенный Петр, с ног до головы измазанный грязью и, насквозь пропахший дымом и тиной. Он устало опустился на стул и блаженно вытянул ноги, облегченно выдыхая:

- Ух, намаялись мы, гоняясь за ней по Полянским болотам!

- Нашли?! - с надеждой спросил Семен Петрович, настороженно поддаваясь вперед.

- Нет! - глухо выдавил охотовед, нервно взъерошивая жесткие волосы. - Не удалось нам пройти сквозь трясину, сунулись туда, а там топь, Мишку едва не потеряли! Чудом вытащили! Он первым шел, как положено: с шестом, проверяя дорогу. Толи кочка зыбкая была, или сам оступился, но гляжу я, а его уже нет, с головой под воду ушел! Я к нему, молодец он, что не растерялся и не выпустил из рук шест! За него мы и вытащили его, даже не успел воды наглотаться! Вот такие делишки веселые!

- Ой! - испуганно вскрикнула девушка, прикрывая ладошкой рот.

" Я же говорил беда не приходит одна! Но все, слава Богу, обошлось!" - облегченно вздохнул старший лесничий, удивляясь тому, как в жизни порой происходит, что отголоски судеб близких людей порой накладываются друг на друга.

- Могло быть и хуже! - убеждено заверил Петр, почесывая трехдневную щетину. - Дальше мы ее преследовать не стали! Ушла она в грязи, в самую глушь! Но мы на четырех тропах и возле медвежонка выкопали по яме с вбитыми на дне колами, и хорошо их замаскировали! А рядом для приманки подвесили куски убитого кабана и под тушами установили медвежьи капканы! Может быть станет возвращаться и примет угощение! - и он как-то безрадостно рассмеялся.

- А где Михаил? - сдержанно поинтересовался Семен Петрович чувствуя, что снова бросило в пот, но теперь уже горячий.

Петр без задней мысли, весело рассмеялся.

- Как узнал, что жена в роддоме, побежал в баню отмываться, решил избавить свое брренное тело от " от болотного душистого аромата"! А уже после "очищения", он с Генкой Дороховым договорился, чтобы тот отвез его на мотоцикле в город! - Глаза мужчины лукаво заблестели. - Мы с парнями забились: если мальчик, ставит ящик водки, если девочка, то как "бракодел" - два!

- И он не знает, что у Ольги преждевременные роды и есть угроза выкидыша? - Марина сама испугалась того, что спросила, замечая, как с лица охотоведа отхлынула кровь.

- Нет! - сдавленно протянул Петр и как-то странно взглянул на девушку. - Тебе еще, что-нибудь известно?

- Нет! - Марина растерянно мотнула головой. - Лишь то, что ее увезли в тяжелом состоянии!

Теперь Семен Петрович смотрел на сотрудницу удивленными глазами.

- А почему ты мне это раньше не сказала?

- Не хотела вас расстраивать! - тихо ответила девушка, виновато потупив взгляд в пол.

- Да-а! - тяжело вздохнул пожилой лесничий - Дела!

- Не одно, так другое! - расстроено согласился охотовед. - Не было печали, да черти накачали!

Семен Петрович подбадривая, похлопал друга по плечу.

-Иди Петр отдохни, небось, с ног валишься от усталости! - и убеждено добавил: - А на счет Михаила ... Не стоит раньше времени огорчаться! Мы предполагаем, а Бог располагает! Все обойдется! Вдруг у него не один, а сразу двойня будет! Вот вы все разом и опростоволоситесь, на двойню вы же не спорили! Тогда придется магарыч не ему ставить, а вам!

И мужчина натянуто рассмеялся, хотя в смехе слышались отчаянные нотки.

- Да, незадача вышла! - выдохнул Петр и понуро покинул контору, делая неутешительный вывод: - Знал бы, где упадешь, подложил бы соломки!

Семен Петрович еще долго стоял возле окна и смотрел вслед удаляющейся по тропинке сгорбленной фигуре товарища.

" Ведь Петр дружит с Михаилом не один десяток лет, росли вместе, служили в одной части, вместе работают в одной конторе. А теперь дружат семьями. И как ему сейчас тяжело, знать об несчастье друга, и не быть способным ничем тому помочь!" - печально заметил пожилой лесничий, умудренный проседью лет.

ГЛАВА 7

Михаил вихрем ворвался в родильное помещение, и не успела еще за ним закрыться дверь, как он оказался возле регистратуры и суетливо заглянул в приемное окошечко.

- Девушка не подскажите, в какой палате находится Светлова Ольга? Это моя жена! У нее схватки начались!

Молоденькая, круглолицая медсестра удивленно подняла глаза. Только что никого не было и вот, как из ниоткуда, появился посетитель.

- А когда она поступила? - спросила она официальным тоном.

- Как мне сказали, что ее отвезли к вам в больницу сегодня утром! - возбужденно ответил Михаил, взволнованно сжимая в руке огромный букет цветов. – Часов в десять! А может чуть-чуть попозже!

- Ясно! Сейчас посмотрим! - Девушка достала из выдвижного ящика стола толстую тетрадь и методично зашелестела страницами. Время остановилась, медсестра близоруко щурилась, изучая список, Михаилу даже казалось, что она как специально все делает медленно и нерасторопно. Наконец девушка оторвала взгляд и назидательно ответила:

- В четырнадцатой палате!

- Спасибо! - поблагодарил мужчина и бегом бросился по холлу, выискивая глазами номер палаты.

- Мужчина подождите! - требовательно окликнула его девушка, выглядывая из приемного окошка.

Михаил остановился и озадаченно обернулся.

- Вы меня?

- Да! Ваша жена уже рожает!

Мужчина зачарованно вернулся назад.

- Уже! - удивленно выдавил он. - Так быстро!

Девушка снисходительно улыбнулась.

- Иногда случается еще быстрее, родовые схватки начинаются прямо в машине скорой помощи! Так что ваш случай, еще не особенный и не единичный!

И натянуто рассмеялась, скрывая истинное положение вещей. У новоприбывшей женщины плод находился ножками вперед и, ей требовалось хирургическое вмешательство.

- Вы сядьте и подождите! - заботливо предложила она, сочувственно смотря на сияющего от счастья отца, наверное, не догадывающегося, что жена никак не может разродиться на протяжении двух часов. - Доктор должен выйти вон из той комнаты! - и она пальцем указала на крайнюю дверь в правом углу. - У него все и узнаете!

- А долго идут роды? - обеспокоено поинтересовался Михаил не находя себе места.

- Кто знает, обычно час, но случается и дольше! Все зависит от расположения плода! Если головкой вниз лежит, то выходит быстро, а если ножками вперед или поперек, то приходится оперировать и уже вмешивается хирург! А там время уже не имеет значение, главное чтобы ребеночек был живым!

- А-а-а! - с пониманием протянул Михаил, еще сильнее переживая за жену. Он не понимал, почему у Ольги начались родовые схватки раньше намеченного срока, на целый месяц. Он встал и нервно заметался по холлу, задумчиво покусывая губы.

Внезапно остановился и озадаченно спросил:

- Девушка, а не подскажите, преждевременные роды - это сильно опасно!

Медсестра подняла на него васильковые глаза и тихо ответила:

- Конечно, не очень хорошо, но нет и ничего катастрофического! Просто происходит отвержение плода материнским организмом вследствие неких причин, психологических или по состоянию здоровья роженицы! Ребенок рождается и вес уже набирает не в утробе, а при вскармливании материнским молоком!

- А-а-а! - протянул Михаил, содрогаясь от недоброго предчувствия. - Раз на раз не приходится!

- Да вы не волнуйтесь, все обойдется! У нас опытные доктора, они не однажды спасали детей даже в самых безнадежных случаях! - успокаивала медсестра мужчину.

Михаил вновь сел, но нервозность не оставляла. Где-то глубоко в душе сидел червячок и коварно нашептывал, что может не обойтись. Он встал и подошел к окошечку. И неожиданно спросил:

- Девушка, а вас как зовут?

Медсестра робко улыбнулась.

- Ира!

Михаил задумчиво смотрел вдаль, словно сквозь девушку. Он себя так мысленно накрутил, что голова пошла кругом. Вроде сейчас он находился здесь и одновременно в палате жены, только не зная, что в ней происходит.

- Ирина, а вы не подскажите, очень больно рожать?

- Я еще не знаю! - смущенно ответила девушка. - Но говорят, в большинстве случаях терпимо! Но, знаю одно наверняка, первый раз всегда страшно! Зато повторно, уже идет как по маслу!

- Да, у вас еще все впереди!

Ирина стеснительно покраснела, суетливо сжимая шариковую ручку.

- Если врач выйдет в отсутствие меня, пожалуйста, позовите, я буду на улице, покурю! - умоляюще попросил Михаил, нервно теребя толстые стебли цветов.

- Хорошо! - заверила девушка, вновь уткнувшись в записи, незаметно бросая на мужчину сочувствующий взгляд.

Михаил поставил букет тюльпанов на стул, осторожно прислоняя к обитой материей спинке.

- Она у меня крепкая! - тихо шептал он. - Справиться! - И тяжело вздохнул. - Она выдержит... Иначе быть не может!

И вышел на улицу.

- Что нос повесил будущий папаша! - радостно встретил Геннадий нахмуренного товарища. - Или уже не рад, что жена рожает! Думаешь, с ребенком меньше любить будет! - он добродушно рассмеялся. - Ничего прорвемся, хватит киснуть, больно ты на щавель похож! Скулы у меня даже сводит от твоего вида! - И уже серьезно заинтересовался: - Ладно, рассказывай, что произошло?

- Угости сигареткой! - попросил Михаил. Он чиркнул спичкой, и глубоко затягиваясь, удрученно выдавил:

- Медсестра сказала, что не все благополучно у Ольги! Раньше времени жена начала рожать! - и выдыхая терпкий раздражающий горло густой дым, взволнованно добавил: - Беспокоюсь я за нее, она у меня чересчур сердешная, все близко к сердцу принимает! Начнет нервничать, и пиши пропало, и обязательно что-нибудь произойдет!

- Вот дела! - растерянно заметил Геннадий, недоуменно почесывая затылок. - Может все обойдется, рано ты беспокоишься!

- Я надеюсь! - горестно выдохнул Михаил. - Но на душе у меня что-то не спокойно! - он сдавил грудь. - Как-то давит изнутри в предчувствии беды, словно кошки скребутся!

- Ты не думай о плохом, а только о хорошем! - сочувственно посоветовал Геннадий. - Глядишь, и беда обойдет стороной! - И дружески толкая товарища в плечо, горячо заверил: - Нельзя раньше времени отчаиваться, всегда стоит надеяться на лучшее! Мы еще выпьем всей бригадой за здоровье твоего первенца! - И подбадривая, добавил: - Ольга сильная женщина и крепкого принесет тебе малыша! - и мягко улыбнулся. - Вот видишь, даже стихами заговорил! Это четверостишие станет нашим первым тостом! Не вешай нос, папаша, все будет просто замечательно! Поверь мне, первый раз ждать всегда трудно, в голову разные нехорошие мысли лезут! Со вторым будет легче! Родит, даже не заметишь!

- Это было бы хорошо! - неуверенно согласился Михаил, выбрасывая докуренный до фильтра окурок под колесо мотоцикла, и озабочено выдавил:

- Я пойду, узнаю, не освободился ли врач!

И он поспешно скрылся за дверью.

- Ирина, доктор еще не выходил? - с надеждой спросил он у сидящей за столом медсестры, воодушевленно разгадывающей кроссворд.

- Нет, пока! - Девушка мельком посмотрела в дальний коридор и радостно воскликнула: - Вон он идет!

Из операционной комнаты вышел высокий пожилой мужчина, устало вытирающий со лба крупные капли пота и, нервно взъерошивая ладонью жесткие седые волосы. На мужественном лице застыла глубокая боль.

Михаил бегом бросился к врачу.

- Извините, а не подскажете, как прошли роды?

Акушер окинул печальным взглядом собеседника.

- Вы муж! - он даже не спрашивал, а больше констатировал факт.

- Да! - чувствуя неладное машинально ответил Михаил, вытирая об брюки взмокшие ладони.

- Мужайтесь! - доктор посмотрел мужчине в глаза. - Ребенок родился мертвым!

- Боже мой! - ошарашено простонал Михаил, он испуганно спросил: - А Ольга? Как моя жена, с ней все в порядке?!

- Нам удалось ее спасти!

В глазах Михаила все потемнело.

- К ней можно? - его голос натянуто дрожал.

- Только ненадолго, ей требуется отдых! - И освободил мужчине проход.

Ольга страдальчески смотрела в потолок, некогда румяное лицо заливала смертельная бледность. Михаил осторожно присел на краешек кровати, женщина повернула голову и тоскливо посмотрела на него, опухшими от слез глазами и, разрыдавшись, быстро отвернулась.

- Не надо, милая! Все хорошо!

Он бережно взял хрупкую ладонь и нежно сжал. Ольга подняла залитое слезами лицо и сквозь удушливые всхлипывания, замогильным голосом выдавила:

- Он умер! Мой малыш умер! А мы так ждали его! Готовились! - Глаза ее лихорадочно блестели. - Мама связала красивые носочки, ползунки, распашонки! Кому их теперь носить! - и из груди у нее вновь вырвалось насадное рыданье.

- Милая, ну что ты! Они в будущем пригодятся, мы же до конца доведем наше родительское дело! - Михаил заботливо вытер жене слезы и выдал вымученную улыбку. - Не расстраивайся, у нас все впереди! Еще будут дети! Обязательно! Мальчик и девочка!.. - он пытался хранить внешнее спокойствие, но душу от горя выворачивало наизнанку. - Тебе тяжело! Очень тяжело, я понимаю, но на этом жизнь не заканчивается! Нужно жить дальше, и надеяться на будущее!

- Что будет! - сквозь судорожные рыдания выдавила женщина. - Как жить дальше!

- Как жили, так и будем жить!

- Нет, ты не понимаешь! - Ольга спрятала мокрое от слез лицо в ладони.

- Я все прекрасно понимаю! - мягко заверил Михаил. - Я знаю, как тебе тяжело! Не хочется даже жить от горя! Но не забывай, у тебя есть я, и моя отцовская боль, не слабее! Поверь мне, все будет хорошо! - дрожащим от волнения голосом подбодрил он. - Все будет хорошо! У нас все будет хорошо! - он сделал ударение именно на слово "у нас".

Доктор тихо напомнил:

- Вам пора.

Михаил склонился и, поцеловал жену в губы и, предано смотря ей в заплаканные глаза, страстно признался:

- Я люблю тебя, милая! Сильно люблю! Ты уж давай быстрее выздоравливай! Я не могу без тебя! - и с надеждой заверил: - А дети! А дети у нас обязательно будут! Много детей! Все красивые и здоровые как ты!

Ее открытый кроткий взгляд жег ему сердце, проникая в самую душу детской наивностью.

Уже в дверях он опомнился:

- Я завтра приеду после обеда! Что тебе привести из фруктов?

- Яблоки! - и Ольга впервые робко улыбнулась.

- Вот так то лучше! - у Михаила отлегло от сердца. - Какая ты у меня умница, перестала плакать! А я тебе самые спелые яблоки с рынка привезу - красные, как небесный закат! Я сейчас!

Он выбежал из палаты и быстро вернулся с букетом цветов.

- Это тебе! - он поставил тюльпаны в стоящую на тумбочке вазочку и налил в нее воды.

- Как пахнут! - Ольга зачарованно набрала полную грудь воздуха, насыщенного душистым цветочным ароматом и горячо поблагодарила: - Спасибо, любимый! - Боль отступила. Она слегка расслабилась, скованно откидываясь на жесткую подушку, зная наперед, что прольет еще много горьких слез о потерянном малыше. И сегодня ночью навряд ли уснет.

- Выздоровляй! - на прощание ласково пожелал Михаил, бросая на жену полный любви и обожания взгляд, и бесшумно вышел, осторожно прикрывая за собой дверь.

Он потерянно дождался врача, нервно вышагивая по коридору.

- Как она? - обеспокоено поинтересовался он, с надеждой смотря в глаза пожилому акушеру.

Тот тепло по-отцовски заверил:

- С ней будет все в порядке! Со временем боль пройдет, она забудет обо всем и ей захочется вновь испытать материнство! А сейчас я сделал ей укол успокоительного! Она уснула и проспит до утра!

Михаил нерешительно переминался с ноги на ногу и, набравшись смелости, задал терзающий душу вопрос:

- А она сможет иметь детей?

Врач прекрасно понимал беспокойство отца и по-отечески ласково улыбнулся.

- По этому поводу даже не волнуйтесь молодой человек, жена у вас молодая и выносливая и, несомненно, способна иметь детей! Ей просто необходим отдых не менее года, а также ваша забота и искренняя любовь, а по истечению восстановительного срока, счастье лишь в ваших руках молодой человек!

- Спасибо, доктор! - горячо поблагодарил он мужчину, словно блуждая где-то далеко. И облегченно выдохнул, по детски радуясь, что еще остался ничтожный шанс начать все сначала. Уходя, он обернулся и растеряно спросил:

- А кто это был? Как это случилось?

- Мальчик! - сочувственно ответил пожилой акушер, нервно пряча изрешеченные венами руки в карманы белого халата. - Он запутался в пуповине. И задохнулся.

- Маль-чи-к! - рассеянно прошептал Михаил. - "Как он и мечтал, первым ребенком непременно иметь мальчика!" Мечта сбылась, но не так как он планировал. Он не помнил, как покинул больницу, как что-то отвечал не попадая Геннадию, как добрался до дома. Пришел в себя лишь от дружеского похлопывания по плечу. Он затуманенным пространственным взглядом окинул товарища.

- Ты сегодня обязательно напейся и тебе станет легче! - сочувственно пожелал Геннадий.

Михаил так и сделал. Отрешенно достал из холодильника, приготовленную к обмыванию первенца бутылку водки, выданную по талону в связи с праздником. Налил полный стакан и залпом выпил. Он даже не почувствовал отвратительного вкуса спирта, который раньше не мог употреблять без содрогания, на глазах навернулись горькие слезы. Боль. Пронизывающая боль сдавила сердце, накатываясь сметающей волной на душу и больше не в силах сдерживаться, он поддался чувствам и тихо по-мужски разрыдался, пряча лицо в мозолистые ладони. А потом долго и тоскливо смотрел на детскую деревянную кроватку, которую на протяжении длительных зимних вечеров, самозабвенно мастерил собственными руками, старательно подбирая каждую дощечку, вкладывая всю душу. Ведь он страстно желал, чтобы у его ребенка, все было самое лучшее. Нечто оригинальное, выделяющееся из однообразной магазинной массы. Блуждающий взгляд рассеянно остановился на детских, по игрушечному маленьких одежках, аккуратно разложенных на лакированном столе, которые с любовью сшила мать, детально готовя все, что необходимо на первое время малышу. Но их совместные старания оказались напрасными, в жизнь жестоко вмешалась судьба, отнимая намеченное счастье. Разрушая мечты. И теперь эти маленькие детские вещи, пропитанные слезами, бережно уберутся в комод до лучших времен, если эти времена когда-нибудь еще настанут.

- Почему? - он в сердцах ударил кулаком по столу. - Боже, почему ты не уберешь моего малыша? Почему? - и беззвучно разрыдался, судорожно шепча: - За что на нашу долю выпало такое наказание? За что скажи мне, Господи? - И тоскливо заключил. - Лучше бы ты забрал мою жизнь!

Он повторно дрожащей рукой налил полный стакан спирта, пролив на скатерть несколько капель, и вновь не закусывая, залпом выпил. Громко стукнул дном, ставя пустой стакан на стол, поморщился, лихорадочно передергивая плечами, и с сжигающей душу тоской окунулся в созерцание прошлого.

Еще вчера они с женой беззаботно мечтали, как будут лелеять малыша, заботиться, играть с ним. Шутливо не соглашались, спорили, перебирая имена первенца, будет это мальчик или девочка. А вечерами, затаив дыхание, обнявшись, смотрели на ходящий ходуном большой живот жены, в котором вполне развившийся малыш, где-то внутри безмятежно забавлялся, игриво выставляя напоказ то маленькую ручку, то кукольную ножку. Но все это, осталось за чертой несбывшихся надежд. Всего за один короткий день далеко в прошлом. А сегодня их холодно встречала страшная действительность, по воле капризной судьбы они неожиданно остались одни. Одни в бушующем океане жестокого бытия. Одни без сладостной надежды на капризную старость, скрашенную любимыми внуками. Дети. Маленькое отражение тебя, через которое ты возвращаешься назад в детство. Еще один шаг в жизни, после которого слово семья принимает объемный смысл, как и положено, быть. Значение отцовства и родительская ответственность. Мечта сбылась, но вмешался рок, превращая радость в пытку. Он так хотел мальчика. Мальца, который, взрослея, стал бы называть его папой. Сына, которого он бы научил всему, что умел сам. На сознание накатилась сонная немощность, сказала трехдневная нервотрепка и физическая усталость. Он больше не мог сопротивляться сну, закрыл глаза и обессилено опустил голову на покоящиеся на столе ладони. Да, на короткий срок он заглушил боль, но что его ожидает завтра. Ведь завтра настанет новый день, а

значит, былая боль вернется вновь. Последнее, что он помнил перед тем, как полностью отключиться, было то, что они с женой сошлись в одном: если родится сын назвать его в честь деда, по материнской линии, легендарного командира разведгруппы замученного до смерти гестаповцами.

ГЛАВА 8

Время казалось, тянется бесконечно, по мере того как медленно заживала рана. Медведица желала немедленного действия, но даже она прекрасно понимала, что телесная слабость, вызванная потерей крови и серьезным ранением, помешают ей достойно противостоять хитрому и жестокому врагу.

Но дело сдвинулось с мертвой точки и пошло на поправку. Уже через неделю, после ежедневного приема грязевых ванн, она заметила, что перестала от малейшего прикосновения чувствовать пронизывающую боль в лапе. По истечении второй недели она перестала хромать, а вылизанная рана покрылась нежной розовой прослойкой новой кожи. Медведица оживилась, инстинктивно чувствуя ближайшее выздоровление, но чего-то не хватало. На протяжении двух с половиной недель она питалась лишь травой и кореньями, осторожно выкапывая их из земли. Она сильно исхудала, шерсть покрылась корочкой засохшей грязи, и вся извалялась, по бокам заметно выступали крупные ребра. Но по мере исцеления пришел аппетит, нужно было восстанавливать потерянные силы. И она вышла на охоту, притаившись в густом кустарнике, возле кабаньей тропы на водопой.

Внезапно она уловила волнующий запах долгожданной добычи. И через мгновение на лесную поляну царственно ступая, вышел матерый секач, не спеша пожевывающий крупные листья черемши, которые он срывал, не замедляя хода. Он был не просто большой, а огромный по сравнению со своими сородичами. У медведицы даже промелькнуло сомнение, и она решила, было отступить и дожидаться менее опасной добычи, но голод взял свое. И она решилась. Медведица напряженно замерла, под блеклой шкурой буграми заходили стальные мышцы, она приготовилась к стремительному броску. Но неожиданно ветер, слабыми порывами приглаживающий ее шерсть на спине, изменил направление. Она растерянно присела, стараясь слиться с густой высокой травой, надеясь травяным запахом перебить свой. Ветер сыграл с ней злую шутку: внезапного нападения не получилось, секач обнаружил ее укрытие. Маленькие пороссячи глазки налились кровью, шерсть на загривке встала дыбом, он низко опустил тупоносое рыло, агрессивно задирая вверх два остроконечных клыка, и с проворностью сжатой пружины, первым напал на притаившегося противника. Медведица ожидала трусливого бегства, даже гордого отступления, но никак, не такой решительной лобовой атаки и за свою самонадеянность едва не поплатилась жизнью. Она слегка замешкалась, не уверено вставая на дыбы, передними лапами пытаясь отмахнуться от приближающегося со скоростью тарана опасного противника. Схватка с матерым кабаном могла закончиться для нее плачевно и возможно смертельно. Старый секач не уступал ей ни в чем, даже

габаритами. Крупный, жилистый, с молниеносной реакцией, в нем сразу ощущалась необузданная сила и неукротимая мощь. Яростно взвизгивая, он в мгновение ока оказался возле медведицы, острыми копытами словно плугом, оставляя после себя на земле широкую взрыхленную борозду. От прямого столкновения ее спасла непредвиденная случайность. Кабан не рассчитав расстояние, задел растущее на пути молодое дерево, которое от сильного удара не сломалось, а с натянутым треском отпружинило, резко откидывая массивное тело в сторону, невольно отклоняя с намеченного пути. И пронесшийся вихрем зверь, лишь вскользь поранил медведицу, оставляя на ее бедре не глубокую, но все же обильно кровоточащую рану. На его окровавленном клыке победоносно развивался выдранный клочок бурой шерсти. Кабан удовлетворенно захрюкал, угрожающе заходя на новый вираж. Медведица в ответ испустила предостерегающий грозный рев. Секач не мешкая, вновь ринулся в атаку. Но на сей раз, медведица была готова к схватке и ожидала нападения. Она ловко увернулась от мчащегося мимо секача, молниеносно развернулась и проворно вскочила на горбатую спину. Крепко обхватив лапами толстую шею, она вонзила когти в широкую мускулистую грудь, прокусывая зубами жесткий щетинистый загривок, стараясь всем весом придавить взбитую тушу к земле и добраться клыками до вены. Секач пронзительно завизжал и мгновенно остановился, глубоко зарываясь в грунт острыми копытами но, не устояв под навалившейся тяжестью, обессилено упал на колени. Испуская яростный визг, напрягая все силы, поспешно вскочил и волчком закружился, пытаясь сбросить со спины опасного наездника. Но эта попытка не увенчалась успехом, медведица держалась крепко. Тогда он стремительно упал на передние ноги и проворно перекатился на спину, резко ударяя по раскрытой пасти медведицы острыми копытами. Из расщелинного носа обильно закапала кровь, но медведица не обращая внимания на пронизывающую боль, мертвой хваткой вцепилась в незащищенное горло противника, острыми клыками раздирая упругую плоть и, уверенно подбываясь к яремной артерии. Кабан сдавленно захрипел, беспомощно пытаясь отбиться от насевшего сверху врага, но все усилия оказались напрасными. Медведица не ослабляла хватку. Внезапно перед глазами кабана опустилась непроглядная пелена, он сдавленно взвизгнул, захлебываясь хлынувшей из горла кровью и судорожно забился в предсмертной агонии, после чего неподвижно затих, конвульсивно вытягивая ноги.

Впервые со времени смерти медвежонка она утолила голод мясом. Вдоволь насытившись, так что живот заметно округлился, довольно урча и усердно облизываясь, она заботливо привалила землей остатки недоеденной туши, припрятывая от других хищников, желающих полакомится легкой добычей за чужой счет. И умиротворенно зевая, лениво направилась к горному ручью. Опустив окровавленную морду и шумно лакая, она с наслаждением напилась. Она была сыта. Но что-то не давало покоя, мучительно теребя сердце. Томящая боль душила ее. Но это была боль иная, не от огнестрельной раны, которая уже затянулась и зажила, не от раны нанесенной кабаном, а исходящая из глубины самого сердца, пронзительная и испепеляющая. Словно там поселился червь, который изнутри грыз грудь, доводя до бешенства от безысходности. От этой боли невозможно было спрятаться, даже если, отчаянно накрывая голову лапами, она настойчиво преследовала ее и днем и ночью, не давая расслабиться даже во сне. Она отчаянно взревела, яростным взглядом окидывая зеленый горизонт, за которым находились ненавистные людишки, виновные в ее страданиях. Глаза ее лихорадочно заблестели, медведица величественно поднялась во весь свой

грозный рост и, яростно размахивая передними лапами, испустила оглушительный душераздирающий рев, который громоподобными раскатами разнесся по глуши и замер где-то вдалеке, возвращаясь слабым угасающим эхом. Время пришло, она сполна отдохнула и набралась сил. Теперь она готова действовать, и принимает брошенный ей человеком вызов, принимает в любом его проявления. Да, она прекрасно понимала, что схватка будет беспощадной, и не на жизнь, а на смерть. Возможно, это будет ее последний бой, и она никогда больше не увидит солнца, неба, не встретит весну, не проводит осень, не поучаствует в хорошей охоте. Не будет ничего, кроме равнодушного кромешного мрака лениво обволакивающего изрешеченное пулями холодное тело, ее мертвое тело. Но иначе она поступить уже не могла. Медведица взбодрилась, обретая смысл жизни. Ее здесь больше ничто не удерживало, рана зажила, а значит, настала пора уходить.

Она окинула поляну долгим прощальным взглядом и, не спеша, направилась по робко стелющейся в густой траве едва заметной тропинке, извивающейся серой змейкой среди мрачных болот. Но возвращение оказалась болезненнее, чем она предполагала. Знакомые места навевали грустные воспоминания, она словно возвращалась в прошлое, в то жестокое прошлое, в котором все напоминает о пережитой судорожной боли. На глазах медведицы навернулись слезы, внезапно пришло удушающее ощущение, что за следующим поворотом, она столкнется с началом разыгравшейся трагедии и вновь воочию увидит смерть медвежонка. Горькие воспоминания растревожили душу, пронизывая сдавливая сердце, на тело навалилась свинцовая тяжесть, в глазах потемнело. Она шла вперед и ничего не видела, заново переживая прошлое. И только безграничная тоска и душившая ярость наполняли смыслом ее существование, не давая забыться в отчаянии. Вперед и только вперед, назад возврата нет, месть будет беспощадной.

ГЛАВА 9

Настал вечер.

Уставшее солнце, словно засыпая, безмятежно окунулось в прозрачные воды величественно раскинувшегося среди скалистых гор живописнейшего озера, окрашивая небосвод ярко розовым пожаром. С востока подул “култук”, взрывая безмятежную гладь легкой судорожной рябью, внезапно налетел и так же скоротечно приостыл, словно напоминая всему живому, о своем непоколебимом могуществе. Высоко в сумрачном небе, застеленном оранжевым покрывалом, тоскливо затянула унылую песню красногрудка, неподвижно паря в густых потоках еще теплого воздуха. Тревожно застрекотали сверчки, приветствуя приближающуюся ночную прохладу. На юге в глубинах бездонных небес зажглась первая звезда, напоминающая собой одинокий фонарь, слабым лучиком света пронизывающий пространство. Умиротворенную тишину поселка нарушал надрывающийся лай собак. Прогоняя предвечернюю темноту, в окнах деревянных домов, несущих на себе печать времени, залился блеклый свет, выхватывая небогатую без лишней роскоши, неприхотливую обстановку деревенского быта. С натянутым пронзительным скрипом открылась входная дверь и, на крыльцо

низко наклоняясь, чтобы не задеть головой проем дверей, вышел человек, восторженно окидывая взглядом живописный закат.

- Красота, какая! - восхищенно воскликнул Виктор, созерцая, ярко-оранжевое солнце, наполовину скрывшееся за горизонтом. Солнце купалось в изумрудной воде, оставляя на безмятежной глади переливающуюся сказочную дорожку, словно указывающую путь в свою несметную сокровищницу.- Необыкновенно красивый закат! - заметил он, с надеждой всматриваясь в далекий горизонт. Насколько хватало взгляда, небо оставалось ясным и чистым. Тучи отсутствовали, и даже облака были незаметны, значит, завтра ожидалась прекрасная погода. Это было просто замечательно. Молодой человек радостно потер ладони, мечтательно витая на облаках любви. На сегодня у них с Мариной было запланировано культурно-развлекательное мероприятие, а на завтра отдых на природе. Где они в укромном уголке, дальше от любопытных глаз, проведут целый день, наедине друг с другом, наслаждаясь так редко выпадающей близостью. Но для всех это будет выглядеть, как невинный поход на рыбалку. Окрыленный от предвкушения свидания, он мечтательно вздохнул, ощущая, как сердце радостно забилось в груди. "Это любовь!" убеждено заключил он, горячо желая каждую минуту находиться рядом с любимой девушкой. Его притягивало к ней, как магнитом и он не в силах был сопротивляться этому всепоглощающему притяжению. Среди долгой недели лишь на выходные, им улыбнулась удача, совместить время отдыха. С понедельника он был слишком занят, на три дня уезжая с отцов в Таежный на заготовку черемши, а когда освободился, то оказалось что Марина не в состоянии освободиться, срочно готовя годовой отчет. Но сегодня и завтра, целых два дня они будут вместе.

К заранее обусловленному месту они подошли одновременно. Виктор бережно взял хрупкую ладонь девушки и нежно сжал.

- Я скучал без тебя! - с любовью прошептал он, возбужденно пряча лицо в густых локонах роскошной вуалью ниспадающих на хрупкие плечи, и с наслаждением вдыхая знакомый пряный аромат.

- Я тоже без тебя не находила места! - Марина доверчиво прильнула к широкой могучей груди, радостно слушая, как звонко бьется мужское сердце. - Я постоянно думала о тебе! Где ты? Чем занимаешься? - она оторвала лицо и пристально посмотрела другу в глаза. - А вчера мне приснился сон, что мы с тобой ходили в клуб на вечерний сеанс и все время на протяжении фильма целовались на заднем ряду! Вот так-то! Теперь даже сны о тебе! То ли еще будет, скоро, наверное, без тебя разучусь дышать! И умру, если ты где-то задержишься на сутки! - и звонко рассмеялась.

- Тебе повезло, - он добродушно улыбнулся, - я вообще не сплю, постоянно мысленно находясь рядом с тобой! Как только ночь... Радужные мечты и бессонница до утра! Все терпение израсходовал за три дня, томясь в горьком одиночестве! - с грустью заметил Виктор, крепко прижимая девушку к груди. Он не находил слов, чтобы выразить свое обожание и только с жаром выдохнул: - Я люблю тебя! Безумно люблю, так как никогда еще никого не любил!

- Я тебя тоже люблю! - и Марина предано посмотрела в глаза мужчины. - Полюбила с первого взгляда, когда мы встретились в доме твоего отца! Помнишь, я принесла документы на подпись, а ты стоял в дверях и не пускал меня внутрь!

- Я хотел привлечь к себе внимание! - отшутился Виктор, ласково глядя девушку по волосам.

- Тебе это удалось сделать! - И безмятежный смех девушки зазвенел как весенняя капель.

- Главное не сам процесс, а конечный результат! - задумчиво заключил Виктор.
- А он меня вполне обнадеживает! - И подхватывая девушку на руки, стремительно закружился с ней, весело предлагая: - А не сходить ли нам на дискотеку, немного развеяться!

- Я согласна, с тобой хоть на край света! - смеясь, откликнулась Марина и игриво запрокинула голову назад. Предоставленные собственной судьбе роскошные волосы, проказливо оживились, взлетая вздымающим водопадом, и пряча от чужих глаз горящее от счастья лицо.

- Правда, нам так далеко заходить не придется, но все же радостно слышать столь приятный отклик! Тогда вперед, навстречу приключениям! - в Викторе проснулся мальчишеский азарт.

- Вперед! - восторженно поддержала Марина.

И они, взявшись за руки, направились в сторону клуба.

Внезапно из темного переулка раздался грубый с блатной интонацией голос:

- Воркуете голубки! Вьете уютное семейное гнездышко, птенчиков завести желаете! Не рановато ли? Пospешишь, людей насмешишь, как любил говорить мой покойный дедушка! Объезженная одним мужиком кобыла еще не лошадь! – Раздался дружный ехидный гогот. И со школьного двора, смоля папиросами, шатаясь из стороны в сторону, вальяжно выступили три мрачные фигуры и кольцом окружили пару. Виктор напряженно разглядел в мерцающем свете фонаря неразлучную троицу: Павла Мешкова, по прозвищу – “Мешок”, Николая Соболева – “Соболь” и Игоря Тушина – “Тушенка”. Всем известных на поселке отъявленных негодяев, которые дня не могли прожить, чтобы не нарушить уголовный кодекс. Они месяц назад только освободились из мест заключения, где провели каждый по году, и вновь принялись за старое. Видно зона особо не прибавила им ума и не поставила на путь исправления. И зажили они прежней жизнью. Отказываясь устраиваться на работу, и существуя за счет детей из неблагоприятных семей, нагло заставляя их воровать деньги у родителей, или отнимать в школе у ребят младших классов. Те из страха делали все, что они ни скажут и отдавали им выреченную мелочь, которую они тут же пропивали, а с утра вновь требовали на похмелье. И так изо дня в день.

"Горбатого лишь могила исправит!" - со злостью заключил Виктор, машинально принимая бойцовскую стойку, инстинктивно чувствуя, что дело без драки не обойдется. Он профессионально оценил хилые фигуры противников и пришел к убеждению, что легко справиться даже одновременно с тремя. Они были не соперники ему. Но его серьезно беспокоило, присутствие рядом Марины, которой негодяи, ради ущемленного самолюбия, могли нанести коварный удар, чтобы отомстить ему. То, что они пойдут на любую подлость, если не в состоянии справиться честно, он ни на грамм не сомневался. В этих людях напрочь отсутствовало понятие порядочности. Так что приходилось быть дважды внимательным, за себя и за Марину. В секции "самбо" его научили рассеивать зрение, и видеть несколько противников одновременно, молниеносно предугадывая действие нападающего. Тренировки не прошли даром, и он мог с гордостью утверждать, что при помощи доведенных до автоматизма приемов, не однажды выходил победителем из довольно серьезных стычек с превосходящим количеством противников. “Золотое правило” ближнего боя гласит: главное не растеряться и не дать себя запугать. А дальше дело техники: “глаза бояться, а руки

делают". Но было еще "серебряное правило", первый шаг к победе. Это выявить и вывести из строя лидера толпы, на ком держится руководящая роль. В данном случае задача облегчалась, он знал наверняка, кому первому нанесет удар. Не показывая страха, он сжал кулаки и стал ждать продолжения разыгранной клоунады, гадая, хватит ли у уголовников силы духа перейти к решительным действиям или вся их бравада так и останется словесной перепалкой и на этом прекратится. В голове автоматически созрел план защиты. Зная, что душа шайки "Соболь" хитрый и жестокий человек, у которого в кармане всегда имеется выкидной нож, которым он непременно воспользуется. Виктор переключил на него все свое внимание, а остальных "дружков" просто держал в поле зрения, не воспринимая всерьез. Пашка и Игорь, не представляли серьезной опасности, были они создания бесхребетные и безвольные, количественное приложение, которые лишь налетали как трусливые шакалы кучей, чтобы выслужиться перед главарем.

- Можно поинтересоваться, куда мы держим путь? - ехидно улыбнулся Николай, демонстративно приоткрыв рот и вытирая пальцами уголки губ. В рассеянном свете фонаря хищно блеснули позолоченные зубы. - Не иначе, как на клубный бал собрались?! - язвительно предположил он и, лихорадочно задержавшись, гнусаво добавил: - Чреслами подрывать! - И мрачно с затаенной злобой рассмеялся, скалясь вставными зубами.

- А не желаете составить нам компанию?! - угрюмо предложил Павел, нервно передергивая тощими плечами. - Выпьем, посидим, расслабимся! – и он мутными глазами уставился на девушку, похотливо причмокивая: - Вон, какая среди нас цаца записалась, просто закачаешься! - И дерзко послал воздушный поцелуй. - Смотри, не растворишься в моей любви, голубка!

В воздухе отчетливо ощущался удушливый запах перегара. Виктор с отвращением поморщился.

- Пошли, Витя. - Марина испуганно тянула друга за руку.

- Не так скоро, мы еще не договорили!

Вперед вышел Игорь и решительно перегородил путь. Глаза мужчины лихорадочно блеснули, на впалых щеках играл нездоровый румянец. Правую руку он держал в оттопыренном кармане куртки.

"Там нож!" - мелькнула догадка у Виктора.

Он отстранился и, заслоняя девушку, уверенно произнес:

- Ничего не бойся!

Марина испуганно всхлипнула, доверчиво спрятавшись за широкой спиной друга.

- Я и сам боюсь! - ехидно подковырнул Павел, вытаскивая из кармана бутылку спирта и делая большой глоток. - Не желаешь, подлечится, разогреть горло, разогнать кровь по венам! - он протянул бутылку Виктору.

- Завязал со спиртным. Не употребляю. - Отказался тот.

- Не хочешь как хочешь! - недовольно отозвался Павел, передавая бутылку Николаю. - Нам больше достанется!

Развязное, хамское поведение хулиганов стало выводить Виктора из равновесия, в душе разрастался гнев.

- Чего вы хотите?! - его голос задрожал от негодования. Он прекрасно понимал, что дело миром не закончится, и решил приблизить развязку.

Игорь выдавил ехидную ухмылку.

- Голову даю на отсечение, только не тебя родимый!

И они гнусаво захохотали, как им показалось над вполне удавшейся шуткой.

"Соболь" величественно выступил вперед и по блатному зажеликулировал пальцами, придавая лицу соответствующее выражение.

- Мы, братан, к тебе всей душой, а ты поворачиваешься к нам задом! Пить отказался, вон кулаки сжал, драться с нами намерился! Нехорошо, братан, так поступать с друзьями! - он вальяжно развел руками. - Нам нужно что? Всего лишь малость! Чтобы ты нам одолжил на время свою зазнобу. Попользовался сам, уступи другому! И все будут в полном порядке! Все счастливы и довольны! Забираем мы ее не навсегда, а как бы берем напрокат! То бишь на временные нужды! Ты себе не можешь преставать, как за год, отмотанный на зоне, душа истосковалась по женскому теплу и ласке! Но если тебе ее так жалко, мы возьмем ее на самое кратчайшее время и быстренько вернем назад в целостности и сохранности! Если ты не веришь, можешь постоять рядом и удостовериться, что с ней все в полном порядке! Вот наша небольшая просьба! Согласись, ничего запредельного или невыполнимого!

- Видишь ли, мы тоже мечтаем о романтике! - хриплым прокуреным голосом вставил Павел. - В такую звездную ночь самое оно повалятся с бабой на сеновале! Заодно на время сменит партнера, ей будет приятно и нам хорошо!

- Я так не думаю! - глухо возразил Виктор.

- А кто тебя спрашивать будет!- глаза "Соболя" налились кровью. - Если не уступишь по-хорошему, заберем силой, тогда пеняй на себя! - озлобленно прошипел он, пытаясь схватить девушку за свитер.

- Много на себя берешь! - Виктор решительно отстранил протянутую руку. - Уйди от греха!

- Значит, ты повелся на бабу, ради нее портишь отношение с нормальными мужиками! - в голосе "Соболя" послышались угрожающие нотки, он надменно выпятил нижнюю губу. - Да мы, таких крысенышей как ты - на зоне мыло с пола есть заставляли, и жить под шконками!

- Мне наплевать, чем ты занимался на зоне! - Виктор презрительно сплюнул. - Нашел чем хвастаться! - Он лихорадочно пытался держать всех в поле зрения. Но как его не учили в секции самбо владеть собой, прирожденная вспыльчивость взяла свое. - Знаю я, за что тебя посадили! А сказки об воровской романтике можешь не рассказывать, дети разве что тебя послушают! Да и то... Не боишься, когда они повзрослеют и разберутся в жизни, осознав твоё вранье, рога тебе отшибут! И поделом тебе будет! Нечего истории из пальца высасывать, что взяли тебя на крупной краже золота! - его губы презрительно скривились. - А гордится тем, что стащил у родной бабки обручальное кольцо, которое обменял у цыган на ящик водки, это больше напоминает обыкновенное свинство! Неблагодарный ты человек, если крадешь у близкого человека, который вырастил тебя, заменяя отца и мать!

- Да я тебя, падла... Порешу!

"Соболь" подобно распрямившейся пружине стремительно бросился к Виктору, вынимая руку из кармана и резко выбрасывая ее вперед. Виктор боковым зрением заметил мелькнувшее тонкое лезвие, заточка подумал он. Но нападение не было для него неожиданным, он ждал этой минуты. Продуманно сделав шаг назад, он развернулся, пропуская противника мимо себя, левой - резко ударил ребром ладони по запястью противника и выбил оружие, а правой сжатой в кулак, вложив всю силу, нанес нападавшему прямой сокрушительный удар в челюсть. "Соболь" как подкошенный рухнул на дорогу, где и остался, неподвижно лежать, неестественно распластав руки.

Марина истошно закричала, испуганно прижимаясь к другу.

- Есть еще желающие! - грозно спросил Виктор, обведя противников уничтожающим взглядом. Таковых больше не нашлось, уголовники с лютой ненавистью смотрели на него, но нападать не решались. - Так-то будет лучше! - уверенно заключил он. Поднял заточку и подальше закинул ее в глубь леса. - В следующий раз умнее будете! Вначале подумайте хорошо, прежде чем совершить опрометчивый поступок! Если вас больше это еще не значит, что вы сильнее! - уголки губ Виктора презрительно скривились. Глаза его метали молнии, душа горела от ненависти. - Количество – еще не признак качества. Так что тренируйтесь на ежах.

Виктор, решительно взяв девушку под руку и не оглядываясь, увлек ее в сторону клуба, даже не сомневаясь, что с падением главаря, инцидент будет полностью исчерпан.

- Весь вечер испорчен! - расстроено пожаловалась Марина, не в состоянии унять нервную дрожь.

- Почему же! - горячо возразил Виктор и, подбадривая, нежно сжал маленькую ладонь девушки. - Наоборот, совершили хороший поступок, хулиганы получили по заслугам! Давненько стоило проучить этих отмороzków, да руки никак не доходили! А сегодня как раз подвернулся благоприятный случай и, все стало на свои места!

- Боюсь я за тебя! - испуганно запричитала Марина, окидывая друга тревожным взглядом. - Ты и сам отлично знаешь, от них можно ожидать, любой гадости! Накинута втроем из-за угла, со спины и не отобьешься! Покалечат, а то и зарежут! Не люди они, а настоящие звери! - и она тяжело вздохнула. - Зря ты с ними повздорил! Чувствует мое сердце, затаили они против тебя злобу! Мстить станут!

- Нельзя давать им спуска, вконец облаглют! - возразил Виктор и лукаво посмотрел девушке в глаза. - Или ты думала я уступлю тебя! - он добродушно рассмеялся. - Зря надеялась! Изменщица!

От столь дерзкого намека, на щеках Марина заиграл стыдливый румянец, от крайнего возмущения брови взлетели вверх, и она с кулаками набросилась на друга, не сильно молотя по широкой груди.

- Я беспокоюсь за него, а он меня обвиняет в измене! Да я тебя за это...

Но она не успела договорить, Виктор наклонился и с пылом начал целовать ее в губы. Это был долгий страстный поцелуй, после которого они долго не могли отдышаться, упоенные счастьем.

- Не волнуйся! - он обнял девушку, и крепко прижал к груди. Марина податливо прильнула к нему. - Они еще те трусы! Задирают лишь тех, кто слабее, а кто может дать отпор, стараются обходить стороной! - убеждено заверил он. - Много слов и в основном пустых, но мало дела! Вот и вся их гнилая сущность!

Но в глубине души он так же ощущал смутную тревогу, но больше переживая не за себя, а за Марину, осознавая ее беспомощность. Он-то ладно как-нибудь отобьется, а она... Как и чем может противостоять хрупкая девушка трем бугаям, если они вздумают ее изнасиловать. И он твердо решил поведать об инциденте участковому милиционеру и попросить совета, как приструнить распоясавшихся хулиганов, до того как они натворят бед. Виктор надеялся, что предчувствие обманывает его. Воодушевленный маленькой победой он не заметил, что в спину ему впились две пары горящих лютой ненавистью глаз.

- Смеется тот, кто смеется последним! - злобно сквозь сжатые зубы прошипел "Тушенка", хмурым взглядом провожая уходящего врага, который посмел в присутствии женщины так унижить, ставя под сомнение их авторитет. И

демонстративно с презрением сплюнул себе под ноги. - Широка дорога, но узенький мосток! Мы еще поквитаемся с тобой, папенькин сыночек! - хриплый голос дрожал от ярости. - Ты еще потанцуешь у нас, вместе со своей незабвенной кралей! Сначала мы твоей курочке перышки пощиплем! Хороший из нее получится куриный бульон! Это будет на первое! А затем... - Он не договорил и нервно сжал кулаки, с такой силой, что хрустнули суставы и побелели фаланги пальцев. Жесткие тонкие губы вытянулись и стали еще меньше и, он размахивая кулаком, одержимо пригрозил: - Будешь на коленях умолять о пощаде, ноги целовать! Только напрасно! Отольются на кошке мышины слезы!- и, не оборачиваясь, обратился к Павлу: - Давай, берись за руки, отнесем братана домой, пока никто не увидел, как он мешком на земле валяется!

Приподняв под руки бесчувственного товарища, они осторожно поволокли его, стараясь как можно быстрее покинуть освещенное место и скрыться в темной подворотне, подальше от любопытных глаз и язвительных насмешек.

В голове Игоря зародился коварный план.

- И на нашей улице будет праздник! Я знаю, чем отплатить тебе! - он выдавил мстительную ухмылку. - Вы мечтаете поймать зверя! Мы поможем вам!- уголовник закатился в ядовитом хохоте, судорожно содрогаясь всем хилым телом. - Не видать вам медведицы как собственных ушей! Завтра мы лишим вас всех приманок, которые расставили вокруг поселка, а там ищите ветра в поле! Вам с лихвой представится возможность побегать за животной по всей тайге! - и со злостью добавил: - Больше жертв, больше взысканий отцу! А там не далеко до увольнения!- и мечтательно просипел: - А если повезет, возможно, и посадят за халатное отношение к работе!

- Папочка у него видная и авторитетная фигура во внутренних органах! Тронь лишь пальцем любимого сыночка, как мгновенно натравит прорву знакомых дядечек в погонах и прощай свобода вновь! Пришьют хулиганку и отправят лет так на пяток, тайгу валить! Но мы будем действовать хитрее и тогда, не за кого ему будет прятаться! Кто он без защиты всемогущего папочки?! - угрюмо поддержал товарища Павел. - Тьфу!- он презрительно сплюнул. - Жалкий сорняк, стелющийся под ногами! Ноль без палочки! Вот тогда-то мы сполна рассчитаемся за нанесенное оскорбление! Черт, как я устал, сил моих больше нет! – пожаловался Николая, едва справляясь с отдышкой. - Вот вымахал! И чем его в детстве кормили, кирпичами что ли?! - и парень надсадно загоготал, веселясь, как ему показалось над вполне удавшейся шуткой!

- Последний поворот! Так что осталось самую малость покорячиться, метров сто и мы на финише! – в ответ натянуто прохрипел Игорь, крепко держа подмышки закадычного друга.

- Эти последние сто метров для меня, равносильны километру! Давай перекур! – нутужно заключил Павел. Они положили тело друга на землю и достали по сигарете. Ноги от усталости подкашивались, руки так дрожали, что Павлу с трудом удалось зажечь последнюю спичку после десятка сломанных. И он со злостью вышвырнул в кусты пустой коробок.

- Блаженство! – протянул он, выдыхая кольцами дым. Но сигарета быстро истлела и, им пришлось продолжить путь. Минувя продовольственный магазин, они свернули в темный заросший крапивой проулок, и по узенькой асфальтированной дорожке, подошли к ветхому забору, некогда окрашенному в ядовито-зеленый цвет.

- Вот мы уже и дома! - облегченно выдохнул Игорь, приоткрывая едва держащуюся на проволоке калитку. Но не успел он распахнуть ее настежь, как дверь сорвалась со сломанных петель и с громким хлопком упала на выложенную щебенкой землю, выбивая обильное облако удушающей пыли.

-Вот зараза! - испуганно выругался Павел, нервно передергивая плечами. - Напугала до смерти! Говорил я "Соболю" давно ее нужно было приделать, все отмахивался: - "Успеем! Успеем!" - и, передразнивая, добавил: - Вот и успели! Теперь делай! - Он попытался навесить калитку на место, но петля отвалилась, и она вновь упала. Отреагировав на движение, он успел поймать, и глухо ругаясь, просто прислонил ее к сгнившему забору, лениво отмахиваясь рукой: - Завтра сделаем! - Прекрасно зная, что "завтра" растянется на неопределенное время. На такое неопределенное, что бабушка Николая не выдержит, ежедневной гонки чужих собак из огорода и попросит починить соседей, которые непременно выполнят просьбу, демонстративно выражая работой свое презрение к ее внуку. Но Павлу было наплевать на мнение соседей, пусть позубоскалят, поважничают, покосятся, если им это нравится, у Николая от этого не убудет. Главное дверь сделают надежно, будет держаться на совесть. Они прошествовали вдоль огорода, засаженного картошкой и, огибая крытый шифером дровяник, забитый еще не колотыми березовыми чурками, свернули к дряхлому сараю, с разваленным фундаментом и заваливающейся набок стеной. Напрягая остатки сил, они, держа как можно выше бесчувственного друга и, стараясь не ударить об крутые высокие ступени провисающую поясницу, поднялись наверх. Кряхтя от тяжести, аккуратно минули, стоящий наперекосяк дверной проем, в котором отсутствовало какое-либо напоминание о двери, вошли во времянку, на ходу щелкнув выключателем. Запыленная лампочка, зажглась тусклым мрачным светом, призрачно освещая убожество захлавленной комнаты. Весь деревянный пол, вдоль оклеенных газетами стен, был уставлен пустыми водочными бутылками, большинство из которых были забиты до горлышка бычками дешевых папирос. Разваленная кирпичная печь с разобранным дымоходом, вместо которого зияла огромная дыра, почернела от копоти. Видны были не догоревшие поленья. Над ними срываема с золы гудящим из мнимой трубы сквозняком, густо витала сажа, непроницаемой серой порошей ровно оседая на пол. Под ногами противно скрипели вздутые от сырости и разрастающейся моховидной плесени влажные доски. Сквозь крупные щели в прогнивших бревенчатых стенах, просматривалось звездное небо, осветленное блеклым сиянием убывающего месяца. В воздухе стоял удушливый кисло-табачный смрад. Но вошедшие даже не обратили внимания на тошнотворный запах. Их грязная одежда пахла не лучше, насквозь пропитанная потом, табачным дымом и алкогольным перегаром. Они были убеждены, что часто моются и пользуются душистыми лосьонами лишь слабаки и папины сыночки, желающие блеснуть правильными манерами и закадрить себе подружку. Настоящий мужик должен пахнуть именно как они, спиртом и дымом.

- Осторожно, засада! - предостерег Павел идущего спиной вперед товарища, который, не видя перед собой дороги, едва не наскочил на опрокинутый табурет.

- Спасибушки, за шухер! - поблагодарил Игорь, завернув голову и осторожно обходя стороной, квадратное препятствие. - Вот навернулся бы, костей не собрал! Пришлось бы тебе Паха быть медбратом и возиться с двумя телами! - и язвительно рассмеялся. Похоже, идиотический смех стал входить в его привычку.

- Вот и конечная остановка! Лежанка! Слава Богу, прибыли без происшествий! Ладненько! - облегченно выдохнул Павел, правой рукой придерживая друга, а левой вытаскивая из-под одеяла подушку.

Они прямо в одежде уложили Николая на железную, с провисающей до пола сеткой кровать, в которой тот сложился как в гамаке. А сами сели за старый обшарпанный стол и с новым воодушевлением продолжили прерванную пьянку, в пьяном угаре строя самые нелепые планы мести.

ГЛАВА 10

День выдался сырым и пасмурным.

По хмурому небу лениво плыли тяжелые свинцовые облака, яростно выбрасывая из своих клубящихся глубин рассеянные ослепляющие молнии. Короткое затишье, после раздавались оглушительные раскаты грома. Наэлектризованный воздух был насквозь пропитанный влагой, радостно готовясь к встрече первой весенней грозы. Начал накрапывать мелкий дождь. Но ливень так и не разразился. С Байкала подул, победоносно разгоняя дождевые тучи, холодный пронизывающий ветер. И сквозь стремительно катящуюся серую массу, внезапно проступили проблески чистого неба, а затем робко выглянуло солнце. Изрешеченный трещинами асфальт и земля, с разлившимися лужами тут же запарили. Наполненный весной воздух зазвенел.

Возле поселкового продовольственного магазина встретились две старушки. Зябко кутаясь в поношенные шерстяные кофты, в уставших глазах, которых давно уже погас интерес к жизни. Они с тоской смотрели через грязное стекло на выставленные на витрине продукты, которые после провозглашенной пресловутой “перестройки”, стали для пенсионеров недостижимыми. Они еще не знали, что все эти продукты как через месяц, исчезнут полностью. И тяжело вздыхая, с грустью переглянулись.

- Вот так-то цены выросли, самая пора в могилу ложиться! И на что же пенсионерам жить? Хлеб и то два рубля стоит, а о колбасе и вообще забыть можно! И за что воевали? – одна из старушек досадливо махнула рукой. - Давненько, мы с тобой не виделись Марья Степановна! - Варвара Прокофьевна задумалась, пытаясь вспомнить их последнюю встречу. Но память словно заволокло туманом, стиравшим события и даты. И она, отбросив бесполезные попытки, примерно предположила:- Нечай, уже полгода прошло! Вроде живем в одном поселке, а видимся реже, чем люди в городе!

Мария Степановна зябко поправив на поникших плечах серую шаль, утвердительно кивнула головой.

- Поболее будет! С прошлого лета. Дай Бог памяти, последний раз виделись на похоронах бабки Никифоровны! Год уже прошел, как она с миром покойся!

- Да-а-а! - тяжело вздохнула Варвара Прокофьевна, и изрешеченное морщинами лицо стало печальным. - Славная была женщина. Когда хоронили, дождь шел. Хороший знак! Сами небеса льют слезы, что ушел из мира добрый человек! Пусть земля ей будет пухом! – и она перекрестилась. - Рано или поздно все будем там!

- От этого никуда не денешься! От смерти не спрячешься! - согласилась Марья Степановна, нервно теребя пустую хозяйственную сумку. - Года берут свое, не успеешь оглянуться, как смерть постучится в двери!

- Недолго осталось ждать! - подтвердила Варвара Прокофьевна, рассеянным взглядом окидывая постаревшую подругу у которой, как и у нее самой, волосы напоминали цветом выпавший снег. - Как никак за седьмой десяток перевалило!

- Время бежит - не угнаться! А помниться, как словно вчера вышла замуж! - и она безрадостно рассмеялась.

- Старость не радость! - согласилась Варвара Прокофьевна, пожимая плечами. - Болячки так и сыплются! Вчера вечером все косточки ломило к непогоде! Ой, как намучилась, глаз за ночь не сомкнула! Думала, помру к утру! А потом вроде все обошлось, выпила снотворного и уснула!

- А я дайче решила сходить на колодец! Стала поднимать ведро, спину так скрутило, до вечера разогнуться не могла! Да и глаза шибко плохо видят! Если долго приглядываюсь, они слезиться начинают! Врач говорит: оперировать необходимо, иначе скоро вообще видеть перестану даже в очках! - голос старушки дрожал от безысходности. - Это нужно в город ехать, а где деньги на дорогу взять?! Еще в один конец худо-бедно собираю, но на обратный путь... - она обреченно махнула рукой. - Здесь на питание не хватает, куда еще в город мотаться! Ем один хлеб с картошкой, лишь на праздники покупаю молоко и масло, а о сладком и вообще думать забыла! Пенсии хватает, заплатить за свет да квартплату внести! Куда уж мне в город, - и она тяжело вздохнула, - да и не молодая я! Зачем мне хорошее зрение, не за кем уже приглядывать?! А в общих очертаниях и так вижу! И ладно! Протянуть бы до смерти, чуточку видя, было бы хорошо! А то кому я нужна слепая?! - ее голос дрожал от горечи. - Никому! Пока сама копошусь – живу, перестану и все, никто и не вспомнит, не позаботиться!

- А дочь? - сочувственно поинтересовалась Варвара Прокофьевна, вытирая уголками платка катившиеся по щекам слезы.

- Как вышла в городе десять лет назад замуж, так ни одной весточки не прислала! Даже не знаю, жива она или нет!

- В старости мы никому не нужны! Когда двигались и помогали, были необходимы, а тепереча как тяжкая ноша лежим на плечах детей! Мои тоже разлетелись кто куда, сын подался в город, дочь вышла замуж и уехала с мужем в Красноярск. Одна лишь отрада, когда с внуками летом приезжают отдохнуть, подышать свежим воздухом, сходить за грибами, по ягоду. На словах только мама, а так в течение года, ни приветов ни ответов. Одна-одинешенька осталась после смерти Степана! - она горько разрыдалась. - Тоже никому ненужная! Одна в поле соломинка!

- Да и у меня Михаил сильно хворает, месяц уже как не поднимается с кровати. Медсестра что делает ему уколы, говорит, долго не протянет. С каждым днем он угасает. Измотался он бедненький, а вместе с ним и я! Плохо ему я вижу по глазам, тоска в них. Аж слезы наворачиваются от жалости! Ухаживаю за ним, а что еще остается делать! Помощи-то от государства никакой! А у самой-то тоже сил не осталось, руки и ноги отнимаются, голова идет кругом! А делать-то нужно, да и хозяйство на мне! Как никак огород кормит, а запустишь и все, пиши, пропало с нынешними ценами! Несладко! Вот и бегаешь как заводная, из дома на огород, из огорода в дом! Его тоже одного надолго не оставишь и так мается, а поговоришь и легче ему, да и самой становиться! Вот только уйдет он, с кем я то останусь?! Столько лет прожили душа в душу, ни единого бранного слова не слышала!

Пятьдесят лет уже вместе, свыклись - обтерлись! Стали уже одним целым! Чувствую, не выдержит мое сердце - следом уйду я за ним! - и горестно заключила. - Да так будет лучше, намаялась я уже, не осталось больше сил дальше тянуть лямку! Да и не для кого уже!

- Да, с каждым днем все хуже и хуже становится. Молодежи работать негде. Железная дорога, да леспромхоз еще держаться, остальные государственные заводы и предприятия уже закрылись. - Подтвердила Варвара Прокофьевна, горестно вздыхая, чувствуя давящую тяжесть прошедших лет. - И куда мы катимся? За что воевали?. За что гнули спины в колхозах, зарабатывая трудовни?. Ведь не для того же, чтобы в старости милостыню просить и с голода умирать. - и рассерженно запричитала: - Пенсию опять не выдали. Пятый месяц пошел, как задерживают. На все у них одна отговорка - нечем платить. У государства денег нет. Раньше были, а сейчас – нет. Разгильдяйство одно. Я вчера целый день в сберкассе простояла и все напрасно. Один ответ – зайдите завтра, а завтра - послезавтра. А нам как жить. - Ее голос возмущенно дрожал. - Ладно, раньше приторговывала ночью водкой, хоть концы с концами сводила. Мужики после ночной смены возвращались поздно, магазин был уже закрыт, и они покупали у меня. Скучно бедно, а на жизнь хватало. И никто не жаловался. Но вот пришел, как его там... - она слегка задумалась. – Миша Горбачев, будь его неладная. И жизнь пошла наперекосяк. Все закрыли и растащили. Да и сухой закон, наверное, выдумал от безделья. Им же нечем в Москве заняться кроме как нелепые законы выводить, да над народом потешаться. У них все там, в правительстве бесплатно, почему бы и не жить. А у нас водка по талонам, сахар по талонам, соль и то по талонам. Вся жизнь по талонам. Отстоишь очередь, целый день, и то может не хватить, все закончится. Но за то, как красиво говорил, что скоро будем шибко жить хорошо. - И убеждено заключила: - Но я ему не особо верила, внешность его не внушает доверия. Больно уж его родимое пятно напоминает птичью кляксу. - И старушки беззлобно рассмеялись.

- Нам тоже пенсии не дают. - устало заметила Марья Степановна. – Все завтраками кормят. - она дрожащей рукой достала из потертого кошелька, смятую бумажку. – Вот последний талон остался на хлеб, берегла, как могла, оттягивала время, но до конца месяца не хватило. Денег нет, а Михаила кормить нужно. На одной картошке далеко не протянешь, хорошо была бы с маслом, а то на одной воде сварена. Да и мало ее осталось, хватило бы посадить, а то зимой совсем голодать будем. - и с тоской прошептала: - А Горбачев помнится мне, прямо из телевизора клялся, божился, что по талоном жизнь станет лучше, исчезнет дефицит, полки в магазинах будут ломиться от дешевого товара. А вышло вон оно, как... Жить просто стало не вмоготу. Подорожала водка, а за ней следом и остальные продукты. Ух, безбожник. - Она пригрозила вдаль кулаком и рассерженно добавила: - Сволочи они. Как хотят, так и измываются над народом. Не найдется на них управы.

- Сталина не хватает! Он бы быстро порядок навел!- убеждено подтвердила Варвара Прокофьевна. - Ходили бы по струночке!

- Сейчас бы все правительство собрать и отправить к нам в деревню, пожить месяцок! - мстительно предложила пожилая женщина. - Посадить их на пустую картошку и воду. А по праздникам выдавать талоны на остальные продукты, чтобы они до вечера простояли в магазине в очереди и ни с чем возвращались домой. Вот тогда бы запели по-иному. Мгновенно вся спесь слетела бы с лоснящихся морд, а то отъелись, в телевизоре даже не помещаются. Толстобрюхи. Ремни на

животах и те не сходятся. Все только себе тянут. Им даже невдомек, как жизнь тяжела у обычного труженика.

- Они ни за какие коврижки не поменяются с нами местами. Государственное довольствие - бесплатное. В правительстве слишком сытно кормят, они не дураки, чтобы добровольно садиться на голодный паек. У них все есть – черная икра, осетрина, колбаса. Главное свое брюхо набить, а до народа им нет никакого дела. Помрет, да не жалко. Я вот что думаю, - на глазах женщины навернулись слезы, - перестройка это сплошное обдирание народа. Я раньше как считала: водка подорожает, может мой пить перестанет. - И сама себе возразила. - В общем, он и так не часто пил, лишь по выходным. Но все же деньги то уходили на нее проклятую. Вот и сэкономила. - И она с грустью спросила: - Ты, наверное, знаешь, от чего Степан умер?

Марья Степановна утвердительно кивнула головой, вспоминая нелепую трагичную смерть мужа подруги.

- Дура, я, что прятала от него талоны на водку.- Тоскливо запричитала Варвара Прокофьевна, слабо всхлипывая. - Может быть, и сейчас живым остался бы. Он же мужик. Хороший был мужик, работающий. А какой мужик не пьет? Разве лишь язвенник или лентяй, у которого и деньги не водятся. До сих пор не могу простить себе собственную глупость. - И с тоской добавила: - И не могу забыть тот злополучный вечер. Словно вчера это было. - Глаза женщины затуманились. – Вот и отметили они с друзьями в лесу, чей-то день рождения бормотухой. - Она задохнулась от слез и сквозь судорожное рыдание выдавила: - И до дома он так и не дошел. Упал перед калиткой на спину, вырвало его и захлебнулся он собственной... -Женщина недоговорила и горько разрыдалась, горестно повторяя: - Когда я спохватилась, уже поздно было. Остыл он уже. Я во всем виновата. Только я. Милый мой Степушка...

- Не надо милая. - Марья Степановна покровительственно обняла подругу. - Успокойся. Незачем себя обвинять. Все мы под Богом ходим.- Ее голос звучал заботливо. – У каждого своя смерть. Знать бы, где упадешь, соломку подложила бы. Видно так было угодно Богу. Он страдал и нам велел. Через страдания мы становимся ближе к нему. Может быть, Степан уже на небесах, тебя дожидается. Кто знает кому легче, ему - там или тебе здесь. - И убеждено заключила: - Но не ты виновата в трагичной смерти мужа. - Глаза женщины наполнились гневом. - А беспутное правительство, которое толкнуло нас в нищету. - И с ненавистью выдохнула: - Чтоб нелегкая их побрала. Не было печали, да черти накачали. В преисподнюю послать их со своим сухим законом. Довели же народ до крайности. Что наши мужики стали употреблять: сивуху, одеколоны, стеклоочистители и другую разную гадость. - Женщина презрительно скривила бескровные губы: - А что уж говорить о здоровье. Гадость и есть гадость. Один за другим уходят горемычные, а конца и края не видно. Сколько новых могил за год выросло, не счесть, и все мужики. С зарплаты пропивают столько, как раньше за месяц не пили. Вот она и вся забота о народе. Водка стоит втридорога. Но разве мужики от этого меньше пить стали?. А теперь еще пьют и от безнадежности, большинство же народа поувольняли с прежних рабочих мест. - И печально заключила: - Денег нет. А бормотуха - дешевая. - И мрачно пришла к решению: - Лучше вернуть все назад, когда она стояла дешевле и была свободная в продаже. Пусть пьют, лишь бы не травились.

- Да. - С тяжелым вздохом согласилась Варвара Прокофьевна, слегка успокаиваясь. - Я и сама надеялась, что вот мой бросит пить, и заживем

припеваючи. Деньги станем на смерть откладывать, внукам помогать. А как оно вышло. Словно взбесился старик, с каждой пенсии домой все меньше и меньше денег стал приносить. Соберутся с друзьями, скинут гроши и за брагой. Как одержимый стал жадный до выпивки, что ни день, то в зюю. Лыком не вяжет, а все ему мало.- Она вновь тяжело вздохнула, вспоминая непробудное пьянство мужа и ежедневные скандалы. – Как ни уговаривала, ни ругалась, а ему все бы хны. Вечером клянется, днем напивается. И что? Все его друзья теперь на кладбище.

- Ох, уж это пьянка. - Качая головой, пожаловалась Мария Степановна. – Сколько хороших людей сгубила, никого до добра не довела. Вон, Тимофей Егоров, отличный был тракторист, статный, сильный, девчонки за ним табуном бегали. А тепереча спился, ходит тоньше маковой соломинки, на ветру качается. А виной всему, она родимая. Как капля в рот попадает, так на месяц уходит в запой, остановиться не может. Горе одно Маринушке намаялась она с ним.

- И никуда не денешься. Разве бросишь. - Согласилась Варвара Прокофьевна. – Плохой, хороший, а как-никак законный муж. Без малого прожили десять лет.

- Хоть не дебоширит, приходит домой, и сразу спать ложиться. - Подтвердила Марья Степановна. – Не чета, Михаилу покойному.

- Это Силантьев, который? - полюбопытствовала женщина.

- Он самый. - Угрюмо подтвердила Марья Степановна. - Царство ему Небесное.

- И женщины поспешно перекрестились.- Хоть и нельзя говорить о покойниках плохо, только нельзя и хорошего сказать. Сволочной был человек, мелочный, злопамятный, почем зря руки распускал. Как напивался, не давал проходу ни жене, ни детям, отлупит и еще измывается. Детей накажет и расставит по углам до утра, а жену горемычную избьет так, что она неделями после побоев в кровати отлеживалась!

- Вот нашел Бог и на него управу! - согласилась Варвара Прокофьевна. - Жил как собака и так же помер! Захоронили лишь то, что звери не растащили! - и с грустью добавила: - Жалко только медвежонка! Даже ребеночка звериного не пожалели, изверги!

- Что с душегубов, взять! - заметила Марья Степановна, оглядываясь через плечо и узнавая по походке приближающегося человека.

Широкими шагами к ним направлялся охотовед.

- Здравствуйте, Варвара Прокофьевна и Марья Степановна! - весело поприветствовал Петр, останавливаясь напротив старушек. - Как здоровье? - сердечно поинтересовался он.

- Да, пока, Бог миловал! - шутя, отозвалась Марья Степановна. - Смертушка, все мимо нашего дома хаживает!

- Рановато вам еще помышлять о смерти! - шутливо возразил охотовед. - Вам еще жить да жить, и внуков уму разуму учить!

- Да где эти внуки! На глаза не показываются! - печально возразила Варвара Прокофьевна, на глазах которой, вновь навернулись слезы. - Дети выросли, и разлетелись кто куда, а о стариках и забыли!

- Ничего, скоро одумаются! - подбодрил Петр. - Всегда так! Когда все в порядке мы порой забываем о родителях, а когда приходит нужда, вот тогда вприпрыжку бежим к ним за помощью!

- А как твои домочадцы? - поинтересовалась Марья Степановна.

- Все живы и здоровы! - весело отозвался мужчина, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. - Самый младший этой осенью пойдет в школу! Старший учиться в

институте, приезжает лишь на каникулы! А Екатерина по-прежнему сидит дома, следит за хозяйством! Мы же корову и поросят завели! Закрутился я с работой, ничего не успеваю по дому сделать, вот она одна и управляется!

- Живность в доме необходима! - согласилась Марья Степановна. - Все свое будет; молоко, сыр, сметана, мясо, творог! Нынче все дорого, без лишней копейки в магазин не сходишь! Да, и домашнее полезнее будет магазинного! - и, подавляя тяжелый вздох, радужно заметила: - Большой привет, от нас Екатерине передавай! Пусть не забывает и как-нибудь в гости приходит, попроведывать бабок!

- Очень рады будем видеть! - подтвердила Варвара Прокофьевна. - А то забыла о нас, даже не наведывается!

Лицо мужчины стало серьезным.

- Да не забыла, частенько вас вспоминает! - твердо заверил он. - Вот только домашние хлопоты, много времени занимают, свободного и не остается! Скотину нужно накормить, убрать за ней в хлеве, выгнать на пастбище погулять, потом обратно пригнать ее домой, накормить. Глядишь, а уже вечер на дворе. День-то пролетел. Не успела глазом моргнуть, как спать пора ложиться! И так каждый Божий день! Если я раньше с работы возвращаюсь, то помогаю ей, а если задерживаюсь в тайге, вся забота о хозяйстве ложиться на ее плечи! Да и младший требует к себе внимания, не успеешь углядеть, что-нибудь натворит, сорванец! За ним глаз, да глаз нужен! - и уже улыбаясь, пообещал: - Но я непременно, передам ей, чтобы по возможности зашла к вам в гости! - и мельком бросая озабоченный взгляд на ручные часы, машинально произнес вслух: - Час дня уже! Вот время летит!

Марья Степановна заметив, что мужчина торопиться, всплеснула руками и быстро запричитала:

- Ой, заболтали мы тебя, пустыми разговорами отвлекаем от дел, а ты, наверное, на работу опаздываешь!

- Да, что вы! - поспешно ответил Петр. - Сегодня у нас выходной! Я к Михаилу иду, переговорить с ним хочу, чтобы он возглавил охотничью бригаду!

- Медведица, покоя не дает! - понимающе заметила женщина.

- Она самая! - тяжело вздыхая, признался охотовед. На его высоком лбу пролегли глубокие складки, он нахмурился. - За две недели, троих уже задавила! Куда бы ни шло, отомстила браконьерам, и успокоилась! Ее даже можно было понять и пожалеть! Так нет, принялась и за невинных людей! Ненависть затуманила ее рассудок! Теперь вряд ли остановиться, пока не отстреляем! - и тихо закончил: - Вот только отыскать ее в тайге, пока не натворила новых бед, задача не из легких!

- Человеческое зло - неисчерпаемое! - согласилась Варвара Прокофьевна. - Чем же им медвежонок не угодил?! Малец же еще?!

- Загубили ради наживы! - глухо ответил охотовед, в его напряженном голосе послышалась открытая ненависть. - Мяском разжиться решили!

- Вот и поживились на славу! - с горечью заключила Марья Степановна. - Забываем мы порой Божественную заповедь: - "Не убий"! Ладно бы голодовали, а то Михаил и рыбачил и коз бил?! Мало что ли показалось?!

- Это иной случай! - возразил Петр, убежденно считая проповедь церковников нечем иным, как прямым промыванием мозгов. - В данном случае виноват человеческий эгоистический фактор! Медведь трофей знатный, да и товар хороший!

Женщина покровительственно улынулась.

- От добра - добра не ищут! Чужую смерть нельзя считать добром! Вот и получили то за чем и стремились! - она осуждающе махнула рукой. - В этом и заключается все наше нынешнее жите-бытие, урвать и продать! А жили бы, следуя библейским заветам, жизнь бы изменилась в лучшую сторону!

- Может быть! – как-то отстраненно ответил Петр. Придерживаясь истины, что подлую натуру человека, навряд ли возможно исправить какими-то неосязаемыми высшими Божественными законами, которым в нашем жестоком мире - грош цена!

Он вновь посмотрел на часы и вежливо извинился:

- Вы уж не сердчайте, что я не могу подольше задержаться с вами! Времени мало! А до вечера необходимо предупредить всех охотников! Завтра уже облава!

- Это ты нас прости! - виновато улыбаясь, ответила Варвара Прокофьевна. - Это нам делать нечего, с утра до вечера лясы точим! А ты человек занятой, у тебя минутки свободной нет! Ладно, не будем тебя задерживать!- и сочувственно пожелала: - Ольге, передавай от нас доброго здоровья, тяжело ей горемычной, при первой же беременности потерять малыша! - и участливо попросила: - Вы уж не оставляйте их одних! Ой, как необходима им сейчас, поддержка товарищей!

- Не оставим! - клятвенно заверил Петр и, попрощавшись, быстрым шагом скрылся за углом магазина.

Старушки проводили охотоведа теплыми взглядами и восторженно зашептались:

- Хороший парень, всегда такой вежливый обходительный!

- Добрый он человек, отзывчивый! - подтвердила Варвара Прокофьевна. – Никогда мимо не пройдет, всегда поможет! Я на днях стирку затеяла, увидел меня, забрал коромысло и сам натащил мне из речки целую бочку воды! Хотела поставить ему пузырек, так отказался, говорит, не пью! - и мечтательно добавила: - Не человек, а золото! Вот бы по больше, таких людей и мир бы посветлел!

Внезапно старушки одновременно обернулись, услышав грязную матерную ругань.

- Я вам покажу, подонки!- с лютой ненавистью поскрежетал зубами Николай Соболев и смачно сплюнул себе под ноги. - Будет вам сезон охоты, скоты! Поймаете лишь мышь в мышеловку, и то навряд ли!

Рядом с ним предано семенили два его закадычных дружка Пашка Мешков и Игорь Тушин, которые на его проклятия радостно кивали головами. На озлобленных опухших лицах явственно проглядывали следы недавней бурной пьянки.

Неразлучная троица направлялась в сторону леса.

- Святая Богородица, опять что-нибудь удумали, окаянные! - осуждающе закачала головой Варвара Прокофьевна. – Никакого сладу с ними нет! Все им неймется! Постоянно озорничают и пакостят людям! И как земля таких носит?!

И словно уловив непочтенное отношение направленное в свой адрес, Николай неожиданно обернулся и, гипнотизируя, уставился на старушек. Те испуганно съежились под немигающим налитым кровью стеклянным взглядом. Обнаружив, какое шокирующее впечатление произвел на подруг родной бабки, что с детства доставали его своими назойливыми нравоучениями. Он, кривляясь, выдавил глумливое приветствие:

- Здорово, бабуси! Рад вас видеть еще в добром здравии! - глаза его превратились в две маленькие щелочки, сверкая мрачным огнем. И не дожидаясь ответа, как ни в чем не бывало, пошел дальше, что-то втолковывая

приятелям. Потом донесся дружный издевательский хохот и дружки, поддевая друг друга плечами, завернули на проселочную дорогу, углубляясь в лес.

Старушки облегченно вздохнули, по мере удаления хулиганов, для которых насмехаться над людьми, было порядком вещей. Где нет совести, там не разбираются, кто находится перед ними.

- Вот змеюка, проклятая, так зыкнул бесстыжими глазищами, душа в пятки ушла! У-у, ирод окаянный, когда-нибудь вырвут твои ядовитые клыки!- яростно потрясая кулаком, пригрозила Марья Степановна, скрывшемуся среди деревьев Николаю. – Точно не человек прямо, а демон в человеческом обличье!

- Зря, его Александровна, взяла на воспитание после смерти родителей! Сдала бы в детдом, может быть, и толк вышел! Там быстро научили бы трудиться, вкалывая до седьмого пота! А так по бабушкиной милости вырос настоящим тунеядцем! Залез на ее плечи и еще ножки свесил, сидит и подгоняет!

- Пороть его в детстве стоило, как сидорову козу, а она его пальцем не трогала, думала со временем образумиться! - решительно заявила Марья Степановна.

- Вот и образумился, ни во что ее не ставит! Трудиться не желает! Учиться не хочет! Одно на уме: водку пить, да девок табунами водить! - добродушное лицо Варвары Прокопьевны, вспыхнуло гневом. Но через мгновение, она успокоилась, понимая бессмысленность новых попыток воспитания. И обреченно пожаловалась: - Сейчас уже поздно, что-то предпринимать! В детстве ума не прибавилось, а у взрослого и подавно не будет!

Марья Степановна в ответ лишь устало махнула рукой и посмотрела через стекло на живое столпотворение, разыскивая фигуру человека за которым заняла очередь. Высокого молодого мужчину в нелепой красной кепке, которая служила хорошим маяком, она неожиданно обнаружила стоящим возле кассы. Старушка забавно всплеснула руками и на одном дыхании, встревожено запричитала:

- Вот ведь старая карга, чуть очередь не прозевала! - и со всей старческой резвостью, на которую была способна, ринулась к приоткрытой двери, бросая на ходу: - До вечера, дорогуша, жду у себя! - И поспешно скрылась в магазине, только ее и видели.

- До вечера! - рассеянно в ответ бросила Варвара Прокофьевна, с трудом подавив тяжкий вздох. И неторопливо направилась по неотложному делу, надеясь до пенсии занять деньги у кумы. Уже отойдя на значительное расстояние от магазина, она неожиданно начала мысленно сравнивать людей, сортируя их на хороших и плохих. Так как знала большинство односельчан с детства, это ей не составило большого труда. Она знала их родителей, учителей, друзей и никак не могла понять, почему одни вырастали – хулиганами, а другие становились хорошими людьми. Хотя воспитание у всех было одинаковым. Вроде ходили в один садик, учились в одной школе, работали на одном заводе! Ан нет, взрослея они неожиданно становились другими, озорничали и баловались. Но, перебирая в памяти, она пришла к замечательному выводу: хороших людей все же больше, и это откровенно обрадовало.

Но она не смогла предположить, что судьба тех односельчан, с кем она сегодня встретилась, так неожиданно переплетется в трагический клубок, из которого, увы, уже не всем суждено будет выпутаться. Но все те, кто останутся в живых, самым радикальным образом изменят свое мнение о черном и белом!

Глава 11

Теплый весенний ветер, прилагая недюжинные усилия, разогнал клубящиеся гроззовые облака. Небо очистилось. И сразу сквозь дымчатую пелену проступил неяркий солнечный диск. Но по мере того как дымка рассеивалась, солнечные лучи набирали силу, заботливо согревая наполненную влагой землю. Ветер веселился, стелясь над самой землей. От судорожно прорезанных рябью луж в небо устремились водяные испарения. Воздух, перенасыщенный от влаги, стал удушливым и в то же время свежим и бодрящим.

Петр навалился на калитку, дотянулся до крючка и открыл дверь. Жалобно застонали несмазанные петли. Он осуждающе покачал головой, но прекрасно понял нерачительного хозяина. Михаилу сейчас далеко не до ведения хозяйства, он никогда не был бездельником, просто сложившаяся ситуация заставляла опускать руки.

Невольно Петр обернулся и с подозрением посмотрел на три фигуры, направляющиеся по вырубленной просеке в глубь леса. Даже со спины он узнал людей, которые равнодушно проследовали мимо предупреждающей вывески, не обращая на нее ни малейшего внимания. Головы даже не повернули. Так поступали люди безрассудные или преследующие какую-то лишь понятную им цель. И цель эта не очень хорошая. Опытным взглядом таежника он успел заметить, что под курткой одного из них, а вернее у Николая Соболева, припрятан обрез. Подол его синей куртки был неестественно оттопырен. Он хотел окликнуть беспечных визитеров и предупредить о грозившей опасности, но потом передумал. Зная наперед, что объяснять им о безопасности нахождения в лесу станет лишь пустой тратой времени. И они все равно сделают по-своему.

Войдя во двор, он направился к старому дому, построенному еще прадедом Михаила, и отрешенно махнув рукой, угрюмо прошептал:

- Поступайте, как знаете! Лишь глупцы не прислушиваются к голосу разума!

Заслышав его шаги, из конуры настороженно вылезла рыжая западносибирская лайка. Но, узнав вошедшего человека, энергично завиляла хвостом и, подбежав, уткнулась влажным носом в протянутую ладонь, требуя ласки.

- Как поживаешь, Тайга?! - На его голос собака отозвалась радостным заливым лаем и возбужденно запрыгала рядом, пытаясь передними лапами упереться в грудь и лизнуть лицо. - Ну, баловница, все тебе целоваться! - ласково пошутил Петр. Он наклонился и, глядя лайку по загривку, почесал за ушами. От умиления собака припала к земле и перекатилась на спину, подставляя живот. - Как-нибудь в следующий раз! Я тороплюсь, у нас с твоим хозяином серьезный разговор намечается! Так что извини меня бесененок, времени в обрез!- озабоченно изрек Петр. Разговаривая с собакой, он верил, что животные прекрасно понимают человеческий язык, вот только не могут сами ответить. И словно подтверждая его мысли, лайка перестала играть и скрылась в будке.

- А еще говорят животные глупые! Они намного умнее нас!

Мужчина требовательно постучал в добротную кедровую дверь и, не дожидаясь разрешения, вошел в избу. В лицо дохнул приятный запах свежее испеченных блинов, перемешанный с душистым ароматом смолянистых дров, только что затопленной деревенской печи.

- Здорово, хозяева! - вежливо приветствовал он понуро сидящих за столом друзей, и уже хотел добавить: " Что нос повесили?! Иль жизнь не в радость!". - Но вовремя спохватился, вспомнив о неутешном горе, свалившемся на хрупкие плечи молодой семьи, быстро сообразив, что шутки в данной ситуации

неуместны. Они лишь растревожат души друзей, напоминая о безвозвратной потере. Нелегко избавиться от глубокой сердечной раны. Необходимо время. Лишь время лечит раны и умиряет боль, но даже после мнимого выздоровления на сердце остаются глубокие рубцы, которые постоянно будут напоминать о себе.

- Здравствуй, Петр! - Михаил тяжело поднялся из-за стола и пошел навстречу другу, они сжали ладони в крепком мужском рукопожатии. Только сейчас Петр обратил внимание, что, Михаил одет в потертую ветровую куртку и обут в сапоги.

- Вы куда-то собрались? - поинтересовался Петр, с любопытством осматривая небогатое убранство небольшой избы. Везде царило запустение, похоже, несколько дней в комнате не прибирались. Немытая посуда, сваленная в тазик, грязный пол и еще ему показалось, что в доме было тяжело дышать. Не только атмосфера безнадежности давила напряжением, но и воздух комнаты был пронизан печалью и горечью. Глаза заслезились, он поймал направленный в одну точку взгляд женщины и повернул голову. В дальнем углу комнаты, стояла разобранная маленькая детская кроватка, словно прискорбное напоминание о несостоявшемся счастье.

- Да-а-а, уж, дела! - тягостно протянул Петр, с трудом отрывая взгляд от искусно вырезанной из кедра детской колыбели, в изготовление которой друг вложил всю свою душу. - Судьба порой беспощадна к нам! Жизнь - жестока! И порой уже кажется все, нет больше сил, жить, ничего не осталось! И не для кого нести свет! Но мы должны помнить, потеряв огонь в сердце, потушим свет в душе! А этого нельзя допустить! Нельзя убить в себе надежду!

Михаил понуро опустил голову, внимательно разглядывая пол под ногами, словно обнаружил на нем нечто интересное. И шепотом ответил:

- Да огонь потух, осталась лишь искра! Маленькая такая искорка, которая все же оставляет слабую надежду на возрождение! - он стоял возле друга и неуверенно переминался с ноги на ногу. - Мне едва удалось уговорить Ольгу выйти из дома и прогуляться по лесу, подышать свежим воздухом, сходить на медвежью поляну! Я повторю путь первого свидания, может быть, это отвлечет ее от грустных мыслей! А то засиделась она уже дома! Никуда не выходит, никого не желает видеть, лишь плачет! Изводит себя! А так недалеко и до болезни! - и взволнованно добавил:- Переживаю я за нее, боюсь, сведет она себя в могилу! С каждым днем угасает, приведение уже напоминает! Вся высохла, кожа да кости остались! Просыпаюсь ночью, а она плачет, утром снова плачет! Я даже забыл, когда видел ее в последний раз улыбающейся! И ничего не интересно, телевизор даже не смотрит, свои любимые сериалы!

- Ты береги ее! - так же шепотом ответил Петр, незаметно бросая по-отцовски заботливый взгляд на неподвижно сидящую, словно гранитное изваяние Ольгу, и уже вслух добавил:

- Прогуляться по лесу это - хорошо! Нужное дело! - и тут же угрюмо заметил, окунаясь в тревожную задумчивость: - Вот только опасно стало находиться в лесу, а тем более не советую ходить на медвежью поляну! Медведица возвращается назад, ее вчера случайно видели с вертолета, прямоком направляется к нам! Не сегодня, так завтра будет здесь! И кто ее знает, с какой стороны она решит зайти и устроить охоту?!

В глазах Михаила на мгновение промелькнул живой интерес.

- А как узнали что именно она?! Мало ли по тайге медведей бродит!

- Она же хромает! - удивленно напомнил Петр, понимая, что мысли друга, витают где-то далеко, и он напрочь позабыл о прошедшей неделе назад медвежьей облаве.

- Совсем вылетело из головы, что ее ранили браконьеры! Мы же преследовали ее, когда это случилось с Ольгой! – потерянно заметил Михаил, рассеянно взъерошивая волосы пятерней. - Замотался я совсем!- и не найдя слов, только отрешенно махнул рукой.

Петр почувствовал себя неловко в сложившейся ситуации, он растерялся и не знал с чего начать разговор, приведший его к другу.

Михаил, заметив, что Петр чем-то озабочен, спросил:

- Тебя что-то беспокоит?! Ты хочешь мне что-то сказать?

- Да! – неуверенно начал охотовед. - Я вот пришел, по какому делу! - он вновь замолчал, мысленно подбирая слова, чтобы как более мягко объяснить другу необходимость его участия в предстоящей облаве. Но ничто не шло на ум и, он прямо ответил: - В общем, я пришел за тобой! С сегодняшнего дня мы организуем круглосуточное дежурство возле вывешенных приманок, и твоя помощь крайне необходима! Мы назначили тебя во главе четвертой группы!

- Оля, одевайся! - нежно, но с нажимом обратился Михаил к жене. И жалостливо посмотрел на застывшую супругу, которая больше напоминала механическую куклу, начинающую действовать лишь по приказу. - А мы пока выйдем с Петром на улицу и немного потолкуем! Я жду тебя! Не задерживайся!

- Хорошо! Я сейчас! – Женщина начала заторможено одевать через голову свитер, нелепо вытянув руки.

Мужчины вышли во двор.

Тайга вначале принялась приветствовать хозяина но, инстинктивно почувствовав его безрадостное настроение, как-то сникла и, опустив хвост, понуро скрылась в конуре. Где легла, свернувшись калачиком, и повернувшись спиной к людям, словно понимая всю серьезность ситуации, старалась им не мешать.

- Знаешь, Петр... - мужчина попытался прикурить сигарету, но никак не мог справиться с дрожащими руками, спички то и дело ломались, и он их машинально выбрасывал через забор. Наконец ему удалось унять нервную дрожь и расслабиться. Спичка вспыхнула ярким пламенем, он поднес огонь к сигарете, которая затлела как уголек, и глубоко затянулся. Задержал дыхание, наслаждаясь терпким ароматом и словно набравшись смелости, нервозно признался: - Я не хочу участвовать в облаве! - в его умных печальных глазах застыла невыносимая мука. - Причинить ей боль, для меня равносильно, втоптать в грязь память о моем малыше! Ты думаешь, я это сделаю?! - слова Михаилу давались с трудом, словно в горле стоял горький ком: - Пойми меня, правильно, Петр! Сейчас я живу сердцем, и оно мне подсказывает, не совершай зла, которого не желаешь испытать сам! Я не хочу привести к гибели любящую мать, которая действовала по зову своего сердца! Разбитого сердца! Сердца, из которого жестоко вырвали жизнь! Но это еще не все! Скажу больше, наши судьбы незримо переплелись, сроднившись в своем общем горе! Ты даже себе представить не можешь, какую боль ей пришлось испытать, когда ее так бессердечно лишили материнства! Мне ли это не знать! Поверь, я с лихвой испытал на себе этот уничтожающий порыв отчаяния! Когда белый свет тебе становится - немил! Нет, ты его просто не замечаешь, ты видишь лишь глухую ночь! Жизнь протекает в однотонно-сером цвете, словно на тебя набросили непроницаемый плащ тени! Тени прошлого! Радости растворяются в поглощающей волне горечи! Так и хочется завывать от тоски, которая

испепеляет тебя изнутри, разрывая от боли сердце, и протыкая иглами израненную душу! Ежедневная пытка, которую невозможно больше терпеть! И ты начинаешь медленно сходить с ума от безнадежности! Теряется смысл жизни! Ты стоишь перед черным туннелем, в конце которого нет света, а всепоглощающая тьма все приближается, настигает тебя и погружает тебя в свою пучину. Круговорот смерти. Ты стоишь, вроде держишь в руках чашу мира, но оказывается, она разбита. Ее уже не склеить. Не склеить – никогда. В твоих руках только осколки, и кровь. Это ты порезался о разбитое стекло. И спрашивается, ради чего дальше жить? – по щеке мужчины потекли слезы, отражаясь отблесками непередаваемого словами горя. – Но только ей намного тяжелее. Намного тяжелее, чем было нам. Я даже не ведаю границы, где закачиваться эта боль. Нам относительно легче, – он не смог сдержать стона, – не то, что мы не страдаем. Нет, наше горе неутешительное и глубокое, здесь нет места равнодушию. А то, что стало истинной причиной трагедии. Нашего с Ольгой ребенка забрала судьба. Роковую роль сыграл неблагоприятный фактор наследственности. Все женщины по материнской линии Ольги, рожали первенца мертвым. Но в этом не было ничьей вины. А медвежонка застрелили люди. Хладнокровно, жестоко взяли и убили. Просто ради блажи – мяса, трофея, шкуры. Ничтожная отговорка, которой нет оправдания. Извини меня, – он хмуро усмехнулся, – и как подсажи, она должна вести себя с нами? Радоваться?! Встречать людей с распростертыми объятиями? Может быть, предложить себя в виде мяса?! – и горестно заключил: – Что душой кривить, на ее месте я поступил бы так же. Если моего ребенка... Кто-нибудь... – он не договорил, но и так было ясно, о чем он подумал.

– Но она нападает на неповинных людей. – Не уверено возразил Петр. Хоть он и не курил, но все же попросил у друга сигарету.

– Я все прекрасно понимаю. – Голос Михаила взволнованно дрожал. – Она озлобилась и думает только о мести. Но кто бы ее ни желал? Ты знаешь мое мнение. Я бы не простил. Даже и ты навряд ли оставил безнаказанными негодяев, которые отняли жизнь у твоего ребенка. И она такая. – Его наполненные горечью слова как нож вонзались в душу своей неоспоримой правотой. – Она же мать. Мать с большой буквы, которая не отступила. – И презрительно скривил губы. – Она не бросила малыша на произвол судьбы, спасаясь трусливым бегством, от страха перед человеком. Нет, она, не раздумывая, встала на защиту своего малыша, рискуя жизнью. У нее не было сомнения, умрет она, или ее серьезно ранят. Она не думала о себе, она думала лишь о безопасности медвежонка. И за это я уважаю ее. Даже больше, я склоняю голову перед ней. Она намного человечнее большинства наших женщин, которые оставляют своих детей в роддоме. Оставляют как вещь и уходят, чтобы никогда больше не возвратится. Даже звери так не поступают, они заботятся о своих детях до полного совершеннолетия. И не мне ее осуждать, она поступила так, как должна поступить каждая настоящая мать. – Его глаза наполнились слезами. – Я много думал об этом и пришел к выводу, не смогу я поднять на нее руку. Совесть не позволит. Причинить боль существу, которое не на словах знает цену любви. Это сперхгнусности. А Бог за такое не прощает. – Он с мольбой посмотрел в глаза другу. – Я прошу тебя, не заставляй меня идти вразрез со своей совестью. – И обреченно выдохнул: – Иначе я возненавижу себя. Возненавижу до конца своей жизни. – И тихо добавил: – А вы действуйте, как посчитаете нужным, отстреливайте, загоняйте. Но я сделал свой выбор. Я не смогу нажать на курок. – Он с силой прижал ладонь к сердцу. – Мне душу выворачивает наизнанку, когда я вижу последствия охоты браконьеров. Десятки истерзанных

туш находим. А наказание редко кто несет за такое зверство. Убивают же ради корысти, берут шкуру, да вырезают самые лакомые куски мяса. Деликатесы, видишь ли, им подавай. А остальное же они бросают за ненадобностью. И живой некогда зверь – становится бесформенной грудой мяса. Ему бы жить да жить, а нет, в нем кто-то увидел живой товар. Где справедливость?! Почему-то мы открываем сезон охоты на животных, и никаких моральных неудобств или угрызения совести, при этом не испытываем. А если убивает животное – это уже чрезвычайная ситуация. Необходимы карательные меры. А может животным так же предоставлять лицензию на отстрел людей. Все было бы справедливо. Вот мы ведем контроль численности популяции. А весной и осенью таким легким махом руки даем право на законное убийство. Киллерский контракт, который мы считаем правовым. Видишь ли, лоси размножились, на целых три десятка их стало больше. Немедленно их нужно вернуть в норму. Наша отговорка, что необходимо удержать популяцию в рамках. Хотя понятие нормы и рамки, это тоже чисто наше человеческое понимание. Выведенный человеком стандарт. Но если что-то не так, мы наведем порядок. Все легко и просто: ружье в руки, раз и убили. А людей же миллиарды – почему же мы себя не контролируем? Людей на земле больше всех животных взятых вместе. Вот же расплодились, земля аж надрывается от натуги держать на себе такой груз. Скоро, наверное, рухнет тартарам от неподъемного веса. Может, чтобы этого не случилось, предоставим каждому медведю по охотнику, каждой акуле – по водолазу?! Наконец-то восстановим равновесие?. Ты как считаешь? – он вопросительно посмотрел на друга. - Мое несчастье открыло мне глаза, я перестал смотреть на мир как хозяин земли. Все мы живые существа равноправные жители планеты. Будет это человек, зверь или насекомое. Я понял, что не имею права, распоряжаться чужими жизнями. Кто я такой чтобы выступать мировым судьей и устанавливать свои порядки? На свое усмотрение, определяя, вот это зверь хороший, так как он не причиняет нам беспокойства, то пусть живет. А вот этот – очень плохой, значит, от него нужно немедленно избавиться, чтобы обезопасить свое царственное пребывание. - Глаза Михаила лихорадочно заблестели. Он нервно сжал кулаки. - Медведь – шатун. Ого. Это очень плохо. Тигр - людоед, еще хуже. Волки, нападающие на овец, эти приносят лишь материальный ущерб. Все хищники – это зло, они могут убить человека. И не хищники – тоже. Кабан, лось, изюбр – опасны, во время гона они не контролируют себя. Тогда какая может быть польза от диких животных – никакой, один лишь вред. Польза лишь в мясе. Но сами они внушают страх. Дикий животный страх, от которого подкашиваются ноги. Но можно все изменить. И мы начинаем действовать, берем ружья и вперед. Выстрел направо и нет медведя. Выстрел налево и тигр замертво падает на землю, сраженный разрывной пулей человеческой справедливости. Но кровавая агония не останавливает нас. Мы еще более изощряемся в своей безнаказанности, вид крови затуманивает нам разум, освобождая не самые лучшие инстинкты. И где раньше находился внутри человек, все почернело, изнутри вырывается зло. Личина сброшена и миру во всем неприглядном свете предстал зверь. Ты теперь превратился в машину убийств и любителя садистских развлечений. Только вид смерти доставляет тебе удовольствие. И на звериных тропах появляются хитроумные капканы, которые не убивают мгновенно, а лишь калечат зверье, чтобы ты, наслаждаясь, смог нанести самолично последний смертельный удар. В этом ли заключена наша мнимая справедливость - рубить головы любому, кто негоден нам?! - Михаил на мгновение перевел дыхание. Внутри у него все клокотало. - Почему мы не

оставляем им право выбора?. Жить своей полноценной лесной жизнью, не боясь за судьбу своих детей, не остерегаясь, что завтра можно погибнуть от коварного выстрела в спину или покалечиться, попав в капкан. - И с грустью заключил: - Мы сами озверели. И по себе судим других. Стоит животному, спасая свою жизнь, оказать сопротивление, как мы истерично кричим: "Караул. Спасите. Объявился людоед." И немедленно следует демонстрация силы, нацеленная стереть в порошок опасное животное. Все идет в ход – ружья, пистолеты, прицелы, приборы ночного видения, разрывные пули, ножи. Хоть гранатометами не пользуемся и то счастье. А это ничтожный шанс на удачу, что кто-то все же из охотников промахнется. Хотя какой это шанс?. У нас столько разновидностей орудия убийств, что их когти и клыки не идут ни в какое сравнение.– он удрученно махнул рукой. – Их судьба заранее предрешена. Имеешь клыки и когти, а значит, вынесен вердикт - истребить. Уничтожить любыми способами. Вот только мы не обращаем внимания на то, что животное не виновато. Мы словно становимся слепыми к очевидному факту, что бросаем на плаху невинного. Ведь первым напал человек, и зверю невольно пришлось защищаться. - В глазах Михаила было столько страдания, что Петр невольно вздрогнул. - А ведь люди порой намного опаснее самых злобных хищников... Опаснее и страшней. Звери убивают по необходимости, человек же, наоборот, ради развлечения. Мы боимся и беснуемся. Но во всем мы стараемся доказать справедливость. Свою – справедливость. Мы отделились от природы и живем теперь по закону – слабосилия. Пряча немоющее тело под защиту оружия. Чтобы списывать свои пороки мы даже поставили на стражу уголовный закон. Страх. Кругом один лишь страх, внутри и снаружи. Мы уподобились страху. И разучились логически мыслить. - Он поднял указательный палец. - Мы осуждаем убийц, приговаривая к пожизненному заключению. Но все же мы оставляем им жизнь. Не задумываясь, что убийца - человек, убивает себе подобных людей. А это стократ страшнее, чем когда нападает загнанный в угол хищник. Со зверем все просто. Вот он перед тобой - враг, и ты знаешь, что от него ожидать. А с людьми дело обстоит иначе. Скажи мне, как среди общей массы лицемерных масок, обнаружить твоего тайного недруга, который, приветливо улыбаясь тебе, сам же прячет за спиной нож?! – Он презрительно скривился. - Вот и вся человеческая натура, подлая, ничтожная, завистливая. Мы все сделаем для того, чтобы окружающим было плохо, а тебе одному хорошо. - внезапно его голос наполнился пренебрежением: - Но если мы такие гуманные, как себя считаем, почему же наши законы не распространяются на животных?. Ты не знаешь?. - мужчина вновь пристально посмотрел в глаза другу. Петр отрицательно мотнул головой. - Я тебе скажу. Причина проста. Мы считаем их низшими существами, которые рождены для наших забав. Рабы в звериных шкурах. Охота. Облавы. Загоны. Цирки. Зверинцы. Зоопарки. Это все наши извращенные развлечения. Мы даже придумали заказники и заповедники. Ты думаешь для того, чтобы оградить зверей от людей?! Нет, чтобы выжившие там особи, остались для потехи избранных. Пойми, зверь в клетке, не вписывается в понимание свободы, это просто нелепо и больно. Если они не умеют писать, читать, членораздельно говорить, это еще не значит, что они толстокожие и не чувствуют боль. Они такие же, как мы. - мужчина наполненными тоской глазами смотрел вдаль. - Они живые. Так же дышат, любят, ненавидят, живут и умирают. Вот только они не могут выразить нам свои чувства. Рассказать о боли. Они не могут вымолить у нас пощады. Мы просто разговариваем на разных языках, у них язык – выживания, а у нас смердящий язык – истребления. Ты сам знаешь, как плачет раненый олень, из глаз его текут

настоящие слезы, он ищет у нас сострадания, а мы лишь бездушно наблюдаем за его смертью, радуясь удачному выстрелу. Животные как маленькие дети, все чувствуют, но не могут сказать, невинные и чистые, и в отличие от людей неспособные на подлость. Мне стыдно, что я слишком поздно понял что охота - это развлечение для одних, другим же приносит только смерть.

Они долго простояли в тишине, обдумывая сказанное, но мысли каждого были о своем.

- Я тебя понимаю. - Тихо произнес Петр на душе, которого стало тяжело от слов друга. Он словно почувствовал себя виноватым в неприятностях товарища. Со многим он соглашался, но было и очевидное – медведица смертельно опасна. А значит, было необходимо действовать и не допустить очередных невинных жертв. - Нельзя идти против совести. Ты и медведица. У вас много общего. Я не отрицаю. Вы потеряли детей, но у меня они есть, и я очень переживаю за их безопасность. Пока медведица жива, риск их лишиться - велик. А я не хочу допустить их гибели. Извини, пусть я и не желаю ей смерти, но иначе поступить не могу. - Он тяжело вздохнул: - Не переживай я все объясню Семену Петровичу, он мужик справедливый, поймет. А ты пока отдыхай, набирайся сил. - И шутливо пригрозил пальцем. - Смотри, чтобы на работу вышел в приподнятом настроении.- И, подбадривая, добавил: - Жизнь еще не остановилась, у вас все впереди.

- Я иногда думаю иначе. - Но уже более бодро заверил: - Но я постараюсь выкарабкаться.

- Ты очень постарайся. Ты нам нужен. - И это были не просто слова. Петр дружески похлопал друга по плечу.

Из дома вышла Ольга, безвольно прикрывая за собой дверь. Оделась она не по сезону, в тонкую поношенную ветровую куртку, из-под которой выглядывала летняя блузка и в потрепанные серые брюки, вещи явно знали лучшие времена. Хотя раньше она не допускала никакой небрежности в одежде, даже если собиралась на прогулку в лес. Она напоминала жителя подземелья, чья землистая кожа никогда не знала загара. Дневной свет обнажил ее болезненную бледность, которая была, не так заметна в полумраке дома. Под впалыми глазами, набухшими от слез, проступали синие мешки. И тусклый потерянный взгляд, словно обращенный внутрь себя. Даже поджатые губы выражали глубокую боль, которую ей приходится терпеть.

Петр укоризненно покачал головой.

-Ну и довели вы себя, голубчики! Один другого краше! Так легко и в могилу себя свести! Вы хоть подумали немного о своих родителях?! Каково им видеть вас такими?! - он осуждающе развел руками. - А о будущих детях?! Ведь жизнь не остановилась, пусть она не всегда гладкая, но не стоит сдаваться и хоронить себя заживо!

- Мне все равно! - замогильным голосом ответила Ольга и горько разрыдалась, уткнувшись лицом в плечо мужа. Михаил, потупив взгляд, растерянно гладил ее по волосам, тихо приговаривая:

- Ну, что ты... Перестань родная! Все будет хорошо!

Петр прекрасно понимал, что друзьям необходима хорошая встряска и, подбадривая горячо заверил:

- Мы еще погуляем на свадьбе вашего первенца, только попробуйте не пригласить!

Женщина подняла залитое слезами лицо и робко улыбнулась. Второй раз после смерти ребенка.

- Вот так-то будет лучше! - повеселев, заметил Петр. - Ну, не смею вас больше задерживать! До свидания! - и шутливо добавил: - Повыше нос, нечего тоску нагонять и сырость разводить!

И быстрыми шагами направился в сторону лесничества, поднялся на пригорок и на прощание помахал рукой стоящим в обнимку друзьям.

ГЛАВА 12

Через пять минут быстрой ходьбы Петр добрался до конторы, где в полном составе его поджидала первая бригада охотников.

- Отказался?! - несдержанно поинтересовался Семен Петрович, еще не успевшего переступить порог охотоведа.

- Да! - рассеянно ответил Петр, кивая головой.

- Я в этом даже не сомневался! - задумчиво заметил лесничий, устало, опускаясь на стул. - Ему сейчас тяжело! Так тяжело, что врагу не пожелаешь! Ольга угасает день ото дня, выплакала себя, приведение уже напоминает! Да и сам он весь извелся, места не находит! Обвиняет себя, наверное, за ту отлучку, когда необходимо было быть рядом! Вот и последствия! Замкнулся в себе, из дома не выходит! А когда в редких случаях появляется на людях, не замечая никого, пролетает мимо мрачнее тучи, спешит на кладбище и до позднего вечера прибирается на могилке! Цветы сажает, землю подкапывает, оградку мастерит! И думы тяжелые думает! И каждая дума, все горче и горче! - лесничий встал и нервно прошелся по кабинету. - Происшедшее с медведицей напоминает ему судьбу собственного ребенка! Я, конечно, предполагал, что он не согласится, но маленькая надежда теплилась! - он посмотрел на Петра на его озабоченное лицо и, поняв, какой непростой у того был разговор. - Вот старый дурак, зря я тебя, Петр, к нему послал, лишь человека побеспокоил! Вновь потревожил душевную рану! - и угрюмо запричитал: - Совсем старый выжил из ума, очевидного не замечаю! Ему бы отвлечься, забыться, а я своим предложением, как ножом по сердцу!

- Он хоть и молодой, но охотник - опытный! - возразил дед Макар, смоля самокрутку. - На него можно полностью положиться, будучи уверенным, что в трудную минуту он тебя не подведет! Поэтому ты и позвал его! Чем больше опытных людей, тем вернее дело! Нельзя винить себя, ты беспокоишься об общем деле! Мы виноваты лишь в том, что не учли его душевного состояния и напомнили о пережитой боли! Но нельзя отрицать, в этом человеке мы бесспорно нуждаемся! Он мастер своего дела, опытный зверолов! А это самое главное! Но если невозможно, придется рассчитывать на собственные силы! - и угрюмо добавил: - Без участия Михаила, задача усложняется, но я думаю, мы справимся!

- Нам бы побольше таких порядочных и честных работников. Сообща мы точно отчистили бы тайгу от браконьеров! От этой кровожадной нечисти! Браконьеры зарабатывают деньги! А деньги - это хорошие взятки! Вот и получается, что и в лесном хозяйстве уже завелись нечистые на руку дельцы, которые выдают лицензии за определенную плату! Государство не финансирует, так они устраивают распродажу своих владений! - Семен Петрович обвинял и в тоже время защищал некоторых знакомых из министерства. Но сам так не поступал, совесть не позволяла. Хотя ему и неоднократно предлагали взятки. И тяжело вздохнул: -

Ладно, постараемся укомплектовать четвертую бригаду людьми из соседних сел! А во главе поставим тебя, Петр, у тебя опыт тоже не малый имеется, да и людей знаешь!

Петр в знак согласия кивнул головой.

- Пора собираться! - заметил старший лесничий, открывая железный сейф и доставая завернутую в мешок многозарядную одноствольную винтовку. Он размотал ткань и взял ружье в руки. Открыл патронник и направив ствол на свет, прищуривая левый глаз, посмотрел в мерцающее отверстие, заботливо проверяя наличие порохового налета. Он остался довольный результатом. Ствол сверкал. А как же иначе, ведь недавно он его тщательно вычистил. Это он делал после каждой охоты, сказывалась многолетняя привычка. Он знал, не понаслышке, что пороховой осадок не однажды приводил к серьезным последствиям, когда пороховые газы, не находя выхода, разрывали ствол. Иногда люди погибали и примеров тому больше, чем предостаточно. Хотя кому-то и везло, и он оставался в живых. Но рисковать не стоило. - Оружие любит заботливый уход, с ним нужно обращаться как с любимой женщиной: бережно и нежно! - он погладил рукой лакированный приклад. - И тогда оно станет верной боевой подругой и никогда не подведет в ответственный момент! - и уже более серьезным тоном добавил: - Пора приниматься за дело, хватит ласы точить! Пойдем мужики, сегодня дорога дальняя, придется разделить на две группы и обойти окрестности вдоль и поперек! Встречаемся на медвежьей поляне, ровно в час!

"Елки моталки, но Михаил с Ольгой в те же края направляются! Вот понесла их нелегкая! Надо же именно сегодня было медведице двинуться в путь!" - тихо выругался Петр, надеясь, что сегодня ничего не произойдет. Медведица еще в пути, и вряд ли она на одном дыхании одолеет несколько десятков километров. А завтра он Петра предупредит об опасности и запретит ему любое появление в лесу. Он никому ничего не сказал, оставляя друзьям, немного времени отдохнуть от унылых мыслей на лоне природы. Но если бы он знал, к чему приведет его сентиментальность, то сломя голову бросился бы предупреждать друга о грозящей беде. Кто мог предположить, что его трогательная забота о душевном благополучии молодых, закончится для них кровавой трагедией. Медведица преодолела путь даже еще быстрее. Она даже не шла, она бежала к месту смерти своего малыша. Но Петр, как и все охотники, повесив на плечо ружье, подпоясавшись патронташем, где были патроны, начиненные разрывными пулями. Отбросил тревожные мысли и сконцентрировался на деле, разрабатывая план предстоящей операции.

Беспечно смеясь, охотники направились в сторону леса, разделившись на две группы. Из исходной точки они разошлись в противоположные стороны, растягиваясь в длинную цепь, и выдерживая дистанцию, но в то же время, стараясь не терять из поля зрения ближайшего товарища. Охота началась, но еще никто из ее участников не догадывался, что это охота станет началом трагедии.

Петр, обходя стороной заваленный ветром старый кедр, сломанные ветви которого напоминали атакующего ерша, внезапно наткнулся на отчетливый медвежий след. Он как зачарованный остановился, не веря своим глазам, медленно поднимая руку, и предупреждая товарищей об обнаруженной опасности. Предупреждение пошло по цепочке, голоса смолкли, и все напряженно посмотрели в его сторону. Мужчина наклонился, настороженно оглядываясь по сторонам, и пальцами коснулся вдавленной земли. След еще хранил остатки тепла тела. Значит, медведица приблизительно полчаса назад

прошла здесь, направляясь в сторону горной реки. Он снял с плеча ружье, старательно взвел курок и уже более внимательно осмотрелся вокруг, готовый к любым неожиданностям.

- Она недавно здесь была! - громко оповестил он всех. К нему бесшумно приблизился дед Макар, так же как и он крепко сжимающий в руках ружье. Он опытным взглядом бывшего таежника пристально окинул следы и уверенно заключил:

- След свежий и торопливый! Смотри, какое большое расстояние между шагами! И везде он равномерный, вот почему она так скоро появилась у нас! Она не шла, а бежала!

Петр только после слов опытного охотника обратил внимание, что зверь не брел, а несясь крупными прыжками, словно преследуя добычу. Известие о появлении медведицы все же стало для него полной неожиданностью. Свалилось как снег на голову. Петр не ожидал от медведицы такой прыти. Он ошеломленно крутил головой с подозрением всматриваясь в каждый куст, словно желая разглядеть за ним притаившегося зверя. Тело напряглось, он каждой клеточкой организма ощущал накачивающийся адреналин и в то же время, расплывающуюся ватную слабость. Ему хотелось бежать, куда глаза глядят и одновременно упасть и лежать, не делая ничего.

Внезапно его осенило.

- Приманка!

- На Лазоревке!

Они поняли друг друга с полуслова.

- Нужно торопиться, а то может уйти! - Петр требовательно махнул рукой, призывая товарищей следовать за ним. И бросился бежать, слегка забирая вправо. Он знал самый короткий путь. Взобраться на сопку было нелегко, но зато с горы, ноги, словно сами, понесли его в нужном направлении. Без особого труда, он развил приличную скорость, и обратил внимание, что в шаге достигает длины прыжка хищника. Из этого вытекал вывод, что они способны догнать медведицу и перехватить ее у реки. Это было им на руку, не придется терять время в поисках. Требовалось только одно: вовремя уклоняться от веток и перепрыгивать, через лежащие коряги, которых на земле было превеликое множество, чтобы не лишиться глаз и не заработать себе вывих. Он уверенно ориентировался на местности, зная каждую тропинку с детства, заранее миную труднопроходимые участки.

Неожиданно раздался оружейный выстрел, за ним последовал второй. Можно сказать, что они раздались одновременно, с интервалом в секунду. Возмущенно закаркал потревоженный ворон, срываясь с близкой лиственницы, выражая крайнее недовольство, что его вынуждают покинуть облюбованное место. Хотя и непонятно было, что он там нашел интересного. Но все же это был плохой знак. Ворон каркает к не добру. Сердце тревожно сжалось. Следом эхо принесло отголоски разъяренного медвежьего рева. Натянутый рык, резкий и оглушительный, означающий боль или атаку. После чего установилась гробовая тишина. Петр прибавил шаг. Он даже не бежал, а словно парил над землей, перелетая с пригорка на пригорок. Он благодарил Бога, что бежит по склону горы вниз, а не наоборот, это было намного легче. Иначе бы легкие не справились и, он уже через минуту задохнулся бы, не выдерживая сумасшедшей гонки. За спиной доносилось разгоряченное дыхание не отстающих от него товарищей. До поляны оставались последние метры, которые охотники преодолели за считанные

секунды. Но все же они не успели. И то, что они увидели, привело в трепет даже закаленные сердца бывалых таежников, повидавших немало на своем веку.

Петр словно с разбега налетел на невидимую стену. Он как вкопанный парализованно застыл на месте, испуганно хватая ртом воздух, и пытаясь восстановить дыхание. Поляна влюбленных, как ее именовали в поселке, сегодня преобразилась в поляну смерти.

- О Боже! – ошеломленно выдавил он, нервно вытирая рукавом мокрое от пота лицо и, испуганно вскидывая ружье готовый поразить любую движущую мишень. Он даже не заметил, как снял его с предохранителя и взвел курки. Ствол хищно ходил из стороны в сторону, разыскивая цель.

Охотники, как по команде ошетились ружьями, лихорадочно озираясь по сторонам.

- Боже мой! – зубы отбивали барабанную дробь, повторяя дрожь тела. Как одержимый Петр повторял одно и то же. – Боже мой! Боже мой!

На середине поляны возле массивного обломка скалы лежали два изуродованных до неузнаваемости человеческих тела, напоминающие собой сломанные механические куклы. Людей словно искупали в крови и неестественно выкрутили суставы. Вместо лица свисающие лоскуты кожи, с кровавыми провалами глазниц и вытекшими белками. Белеющие черепа с синими прожилками вен и скомканные тряпки волос, лежащие отдельно от головы. Здесь словно орудовала банда охотников за скальпами. Но индейцы здесь были ни при чем. Это опознавательный знак медведя. Его особый стиль. Последствия знакомства с медвежьей лапой сравнимо со столкновением с разогнавшимся локомотивом. Никакого шанса остаться в живых. Кривые мощные когти размером с крупную мужскую ладонь, способны крошить камень. А человеческая плоть не столь крепка. Первый удар он всегда наносит по голове, и поэтому такие ужасные раны. Один человек лежал на спине второй, на боку повернув голову в сторону Петра. Рот его был широко открыт, запечатлев предсмертный вопль, губы распороты и окровавлены. Нос разъехался на две половины, обнажая кость. Лишь по одежде и то не сразу Петру с трудом удалось опознать местных жителей. Двое мертвых были из неразлучной троицы замеченной им час назад, беспечно проследовавшей мимо предупреждающей вывески. И вот результат, они были мертвы. Но почему-то он не чувствовал ни раскаяния ни сожаления по поводу их гибели. Ужас вселяло лишь само осознание смерти. Никто от нее не застрахован. На их месте мог оказаться кто угодно, даже он. И от этой мысли его вновь передернуло.

- Дураки! Какие же вы дураки! – он не мог понять причину человеческой глупости. Что заставляет человека идти вразрез логики - разума. Глупая бравада. А смысл? Ну и что они кому доказали? Ничего. - Вам бы жить... А вы...

И вот еще чего он никак не мог понять: куда подевался третий бедолага из их компании. Он растерянно осмотрелся, разыскивая его глазами, и детально изучая место трагедии. Петр определил, что стрелял именно тот - третий, так как рядом с телами не было ружья. Можно было предположить, что парень остался в живых и убежал. Хотя в этом он сомневался. Медведица не оставила бы ему ни шанса, людей как и боли она не боялась. Значит, она не могла уйти, не завершив своего убийственного дела, конечно, если он сам ее не убил. Но он ее не убил. Медвежьей туши рядом так же не наблюдалось.

Внезапно из-под земли раздался надсадный стон, заставивший Петра от неожиданности вздрогнуть. Звук шел из вырытой ловушки. Накрытые ветки сверху

были разворошены. Не обнаружив прямой угрозы, он осторожно приблизился к краю ямы и с опаской заглянул в темной ход.

Охотники внимательно наблюдали за товарищем, готовые немедленно прийти на помощь и, в тоже время надежно прикрывая тыл.

- Матерь Божья! – только и смог он выдать. Петр почувствовал, как внутри все похолодело, и по телу разлилась ледяная волна предательской немощи. Кожа покрылась мурашками, а волосы на голове неприятно зашевелились и встали дыбом. Это было слишком, за один день он уже испытал два потрясения. Мужчина растерянно застыл, не зная, что предпринять.

На самом дне ловчей ямы извивался человек, нанизанный на вкопанный кол. Он приподнимался, хватаясь руками за торчащее из живота копье, но ладони безнадежно соскальзывали вниз по пропитавшемуся кровью дереву. На бледном как полотно лице запечатлелась нестерпимая мука, глаза были страдальчески прикрыты. Николай сдавленно хрипел, снова и снова делая безуспешные попытки высвободиться из смертельного плена. Да это был именно Николай, потерянный третий из компании. Не спасся, – подумал Петр. Он наконец-то избавился от стопора, осознав, что если и дальше он станет бездействовать, то Николай просто умрет от потери крови. Подчиняясь импульсу, он поспешно спрыгнул в яму, придерживаясь края ловушки тем самым, избегая торчащих кольев. И ловко приземлился на ноги. Прежняя неприязнь была забыта, он желал лишь одного, чем-нибудь помочь и облегчить страдания раненного. Он незамедлительно воспользовался своим опытом оказания первой медицинской помощи. Бережно приподнял голову раненного, чтобы тот не захлебывался кровью и уложил к себе на колени. Заботливо разжимая скрюченные пальцы, судорожно вцепившиеся в кол, тихо уговаривал:

- Успокойся! Мы уже здесь! Мы тебе поможем! Тебе нельзя напрягаться!

Николай не открывая глаз, глухо застонал, но пальцы разжал.

- Вот и молодец! – похвалил охотовед, стараясь не делать резких движений, он аккуратно опустил безвольные руки Николая на землю.

- Мужики! – громко позвал он. – Нужны бинты!

- Что случилось? – над ямой появилось озабоченное лицо деда Макара, по мере осознания увиденного, глаза его удивленно округлялись. – Елки – моталки, ничего себе дела! – Сколько он повидал на своем веку, но с такой незавидной участью человека, встречался впервые. Это чем-то напоминало сцены из средневековья, когда людей пытая, бросали на колья. Или в битве насаживали на колья. Эффект один – ужасный. – Держись, дружок! – он проворно стянул с себя рубашку и сбросил ее в яму, точно в протянутые руки сидящего на корточках мужчины. Петр поспешно разорвал ее пополам и тщательно скомкал, сделав подобие тампонов.

Николай приоткрыл глаза и затуманенным взглядом, полным мольбы и боли уставился на оховеда. Сквозь кровавую пелену он узнал его. Напрягая последние силы, схватил его за руку и, кашля кровью, натянуто прохрипел:

- Помоги мне! Это все она...

- Не волнуйся, мы вытащим тебя! Еще на свадьбе твоей погуляем! – пообещал Петр, несильно но, плотно прижимая тряпкой рану, пытаясь остановить кровотечение. – Постарайся не разговаривать! – требовательно попросил он, бережно приподнимая тело, которое как зажатая каретка медленно заскользила вверх. – Сейчас будет чуточку больно! – участливо предостерег он. Напрягая все силы, плавно снял человека с возвышающего кола и, стараясь не производить

резких движений, аккуратно опустил на землю. Быстро заткнул сквозную рану с двух сторон приготовленными тряпками. - Ну вот, жить будешь! - радушно приободрил Петр раненого, с горечью понимая, что жить тому осталось считанные минуты. В поселке еще можно было спасти с такой раной, вовремя доставив в больницу, где врачи прооперировали бы его. И то пятьдесят на пятьдесят. Никакой гарантии выздоровления, но вот инвалидность точно была обеспечена. А в лесу вообще никаких шансов. Если даже они соорудят носилки, и станут меняться на ходу, все равно не донесут его. Самое большее, чем он мог сейчас помочь лишь облегчить страдания, оттягивая неизбежный конец и находиться рядом, чтобы Николай не остался наедине со смертью. Жуткое дело в горьком одиночестве встретить вечность, которая так пугает своей неизвестностью и ледяными прикосновениями. Как легкое дуновение ветра в голове промелькнула народная пословица, в компании и смерть не страшна. С этим высказыванием он был полностью согласен. Ничто так не успокаивает и придает уверенности, как плечо боевого товарища или присутствие рядом даже незнакомого человека, который держит твою ладонь в своей руке. Их сочувствие, как и теплота, согревает душу, когда все тело пробрал мороз.

- Мы еще покажем, кто веселее играет на баяне! – шептал Петр, отрывая рукава своей рубашки. Те тампоны уже набухли от крови, и она стала просачиваться. Он запихнул их глубже, а сверху прижал новыми тряпками. Николай застонал.

- Потерпи друг, иначе нельзя! Кровью истечешь!

- Спасибо! – с трудом произнес Николай, едва шевеля посиневшими губами. Он умирал, с каждым мгновением угасая, как уголек, оказавшийся под проливным дождем. И негде было его укрыть от непогоды, и нечем было растопить, чтобы вдохнуть жизнь. Он потерял много крови, которую в полевых условиях не возможно было восполнить. Это только в сказках героев спасали живой и мертвой водой, в жизни все было печальнее и трагичнее. Внезапно он открыл глаза и с благодарностью посмотрел в по-отцовски сочувствующие глаза охотоведа. И дрожащим от бессилия голосом тихо произнес:

- Спасибо тебе за все! Спасибо что не оставил меня, как собаку подышать одного! Хотя я и есть собака! Шелудивый пес, гнилой и трусливый! Никому не давал житья, наскакивая, как гадюка из-за угла! Укусил и обратно в кусты! - мужчина печально улыбнулся. – За свое коварство и поплатился! Той же монетой!

Петр заметил, что кровь перестала бежать и к мужчине, словно вернулись силы. У него даже появилась надежда, что Николай все же выкарабкается из смертельных тисков. Слабая надежда, но она оставалась. Он просто терялся в догадках, как осуществить всю спасательную операцию. Конечно, он знал, что и как делать дальше, но вот как это организовать. Трудностей было предостаточно. Как Николая вытащить из ямы, доставить до поселка и отправить в больницу. Но одно он знал наверняка, пока его тревожить нельзя. Рана еще не схватилась, а значит, вновь может открыться кровотечение. Придется ждать. Хотя в данном случае, ожидание смерти подобно. Но иного выхода не существовало.

- Я не Бог, чтобы тебя осуждать! Каждому человеку уготовлена своя судьба! – сочувственно возразил Петр. Он понимал, на смертном орде умирающий всегда пытается излить душу собеседнику, ища прощения. Человек менялся, словно готовясь к переходу в иной мир, избавлялся от налипшей земной грязи. - Главное, ты это осознал сам! Лучше поздно, чем никогда! Теперь тебе есть на что ровняться! Вот выздоровеешь, начнешь жизнь заново! Устроишься на работу, заведешь

семью, нарожаете детей! И на дурость времени не останется!- Петр пытался разговаривать с мужчиной, чтобы держать его в сознании.

- Да, теперь я понимаю, какой скотиной я был!- Николай перевел дух, собираясь с силами, и вновь заговорил: - Я никогда не верил в человеческую преданность, доброту, дружбу, считая, что это всего лишь пустой набор слов, придуманный простаками, который ни к чему не обязывает! Обычная формальность! Это как оправдательный девиз для слабаков! Я полагал, что все те, кто со мной общаются, непременно от меня, что-то хотят получить взамен! И никакой бескорыстной дружбы! - он вновь с грустью улыбнулся. - С волками жить, по-волчьи выть! Просто, наверное, на моем пути не встречались хорошие люди! Все мое окружение это бывшие уголовники со своим воровским понятием о чести! А на самом деле обычная гниль! Единственное желание, которых сожрать более слабого! Им мог оказаться даже ты, стоило тебе оступиться или проявить мягкость! Даже так называемые братаны готовы вцепиться тебе в горло, стоит тебе дать слабину! Ты постоянно должен быть начеку, напряженный и вечно оглядывающийся, чтобы не получить нож в спину! И невольно ты становишься зверем - хитрым, мстительным, кровожадным, выведя единственный принцип, что твоя жизнь - волчья тропа, по которой нужно идти, оскалив зубы! Придерживаясь негласного закона: или ты - их или они - тебя! Разве это жизнь, когда ты ни кому не доверяешь, порой даже себе! - он тяжело закашлял, спазматически содрогаясь всем телом. Когда успокоился, продолжил дальше. Петру показалась, что даже голос его окреп. - Да и кому доверять, если твой "близкий" так называемый "семейник", в любую минуту может предать, мечтая занять твое место! Убеждено считая, что друг - другом, а свое благополучие превыше всего! Вот отсюда и получается, что человек человеку - волк! Страшная и пустая жизнь, из которой нет выхода! Но ты мне открыл глаза и за это я тебе благодарен! Я понял: все, что раньше видел черным, на самом деле - белое! Кто я тебе - никто, шваль, которая измотала все нервы! Но ты остался и помогаешь мне! Ведь ни одна близкая мне скотина, не стала нянчиться со мной! Просто оставили умирать в одиночестве, и ушли!- Николай тяжело вздохнул, он чувствовал на себе ледяное дыхание смерти. Он умирал и знал об этом. Но как нестранно он не боялся смерти. А может быть, он уже давно умер. Или в нем все умерло, чувства, желания, цели. Нет ничего и тебя вроде нет. Одна пустая оболочка. Сквозь сдавленный стон, стиснув от боли губы, он сдержанно попросил: - Дай мне твою руку! - и крепко сжал протянутую ладонь, словно в ней заключалось его спасение. - Не оставляй меня одного! Дождись...- он не договорил. - Прошу тебя побудь со мной до конца, рядом с тобой я буду чувствовать себя спокойнее! Мне будет не так одиноко... - и сквозь сжатые зубы, впервые не испугавшись, что подумают о нем, поправил себя. - Не так страшно!

На глазах Петра навернулись слезы, он незаметно смахнул их рукой, невольно осознавая, что видит перед собой совсем другого человека, о котором раньше не мог подумать иначе, как об отъявленном негодяе. Но вот он сбросил маску, и неприязнь пропала, словно ее и не было. Испарилась как туман, не оставляя следа. За маской находилось вполне обычное человеческое лицо, в меру добродушное в меру мужественное, но никак не звериный оскал, как представлялось в прошлом. Что же люди делают, как калечат к себе отношение, вызывая лишь ненависть. Глупо и безрассудно подменять и удерживать состояние, следуя негативному имиджу подстраиваясь под циничное общество в котором приходится вращаться. Где-то в глубине души ненавидя его и презирая себя. И все это отговорки что ты

по-другому поступить не мог. Просто ты выбрал самый легкий путь оправдывающий тебя. Ведь тюрьма не сама к тебе пришла, ты сел в нее. И нечего сваливать скатившуюся в пропасть жизнь на свою несчастную судьбу. Свою судьбу мы строим сами. Вот только ты ее не строил, а разрушал. Петр заботливо вытер со лба раненного крупные капли пота, заливающие лицо и строго предостерег:

- Тебе нельзя долго разговаривать, ты теряешь силы! Потерпи немного, еще успеешь наговориться! Сейчас ты отдохнешь, и мы тебя в мгновение ока доставим до больницы! - он поднял голову и громко крикнул: - Дядя Макар соорудите носилки!

- Уже готово! - откликнулся тот откуда-то из глубины поляны, где раздавался треск веток.

- А как другие? - с болью поинтересовался Петр, чувствуя, как напряглась у него в руке ладонь Николая.

- Они мертвы!- сухо ответил Тимофей, племянник деда Макара, заглядывая в яму. Он словно констатировал факт, в его голосе не звучало ни особой радости, но и не слышалось переживаний. Понятно было, что эти люди уже всех достали в поселке и никто особо не переживал по поводу их гибели.- У Павла сломан позвоночник! А на Игоре вообще не осталось живого места, словно по нему проехал каток!

Рука Николая обмякла, он выдавил вымученную улыбку.

- Жили как собаки и подохнем как псы! - он захрипел. — Ну что можно пожелать, собакам - собачья смерть! - с каждым произнесенным словом из уголка тонких губ вытекала алая капелька крови, и медленно стекала по упрямому подбородку, оставляя после себя на белесой коже яркий багровый след. - Я в жизни добра-то, никому не сделал, только издевался и причинял боль! Всем! Без разбора! Даже родным, которые любили меня, растили и заботились обо мне! И чем я им отплатил - подлостью и предательством! - глаза Николая наполнились слезами, но впервые он не стыдился и не скрывал их, чувствуя, что рядом находится человек, который не станет презирать и насмехаться над его слабостью. - Я даже свою родную бабушку обокрал, которая меня после смерти родителей, поставила на ноги, заменяя мне отца и мать! Мне бы ее на руках носить! Черт побери! — он глухо выругался. - А я как последняя тварь, стащил у нее обручальное кольцо! Самую дорогую для нее вещь - память о покойном муже! Ладно бы для дела, а то просто пропил! Нашел себе оправдание — для дела, да я об этом даже помышлять не должен был! И какое мне может быть прощение! - напрягая всю волю, он заглянул в глаза Петру. И тот не выдержав пристального наполненного смертельной тоской обреченного взгляда, отвел глаза. - Меня иначе назвать нельзя, как полное ничтожество! Неблагодарная тварь! - он забился в надрывном бронхиальном кашле, содрогаясь всем телом, и чувствуя, как немеют ноги, а на тело накатывается волна жуткого холода. - И с чем я остался?! Кому я нужен?! Кто вспомнит обо мне?! Родная бабушка и то отказалась от меня! - он обессилено замолчал. - Прославил я ее на весь поселок! Она со стыда чуть не сгорела, когда узнала, что к краже причастен родной внук! Я смотрел, как она плакала в зале суда, умоляла отпустить меня, не сажать, и не чувствовал раскаяния! Принимая все как должное, даже не сожалея о содеянном преступлении! Даже обозлился на нее за то, что она заявила в милицию о пропаже кольца! Подонок! Какой же я подонок!

Его речь больше всего удивила и взяла за душу Тимофея. Она просто шокировала его. Внутри парня, словно что-то переломилось, растаяло и сердце

тоскливо сжалось. Он как-то странно посмотрел на Николая, пристально и одновременно оценивающе. И в его взгляде не осталось ни следа равнодушия.

- Нужно сделать полозки! Опустим жерди в яму и по ним вытащим Николая! Я быстро! – и он скрылся.

- Тебе нельзя волноваться! - вкладывая в слова всю теплоту, предостерег Петр. - Ты выкарабкаешься! Должен выкарабкаться! Ради бабушки, которой требуется твоя поддержка! Ради нее, одной, ты обязан выжить!

Николай виновато улыбнулся.

- Уже поздно, я умираю!

- Нет! – как-то не уверено возразил Петр и положил ладонь на пылающий от жара лоб раненого. - Не стоит раньше времени опускать руки! Не все так плохо, как кажется! У нас есть шанс!

-Нет, Петр, ни одного шанса! - он вновь с силой сжал ладонь собеседника.

- Я только прошу тебя об одной услуге! Заклинаю тебя, выполни! - он с мольбой посмотрел в глаза мужчине. - Извинись за меня пред моей бабушкой! Скажи ей, что я глубоко раскаиваюсь, за то, что причинил ей боль! Если ты дашь слово, что выполнишь мою просьбу, мне и умирать будет спокойнее!

- Я сделаю это! - клятвенно заверил Петр и Николай почувствовал, что это было не пустое обещание.

- Спасибо тебе друг! - и Николай с благодарностью пожал руку человеку, которого раньше эгоистично считал обычным деревенским простаком, чье единственное предназначение в жизни - пахать на коммунистический строй.

Все охотники собрались возле ямы и внимательно слушали, печальный голос умирающего, который звучал как скорбный набат, наполненный криком израненной души. Откровенное признание растопило лед былой вражды, избавляя от многолетней жгучей ненависти.

Тело Николая сотрясала крупная дрожь, он закрыл глаза и с трудом произнес:

- Я даже умираю по собственной глупости! - он приоткрыл веки и, зажмурился от яркого слепящего солнца, застывшего в зените. Которое словно прощаясь, трепетно одаривало теплом умирающего человека, заботливо окутывая лучезарной паутиной холодеющее тело. - Я здесь-то и оказался потому, что хотел напасть на вас! Вот же ирония судьбы! Не рой яму ближнему, если сам не желаешь в нее угодить!- он горько улыбнулся.- Не внял я доброму совету, и поступил как обычно по-свински! Неразумно! И результат не заставил себя ждать! Я как обычно сел в лужу! Хотя свинье там и самое место! - ледяной холод добрался до рук, которые он почти перестал ощущать. И чувствуя, что конец близок, заговорил быстрее, стараясь высказаться до того, как навечно замолчит. - Мы решили все ваши приманки уничтожить, чтобы медведица не попала в расставленные ловушки, что заставило бы вас побегать за ней по всей тайге! А это протянуло бы время и предоставило ей возможность развернуться на полную катушку! Больше жертв - больше шума! Росло бы недовольство населения а, следовательно, и начальства! А значит, прибыла бы комиссия из центра, и главного лесничего уволили бы с работы за некомпетентность! А может быть, даже завели уголовное дело! Но вышла промашка! Медведица подловила нас! Только мы разворошили яму, выбросили ветки и вытащили тройку колов, как она неожиданно напала на нас со спины! Я находился в яме, и Павел за руку вытащил меня оттуда! Когда выбрался, Игорек еще искал камень, чтобы не руками а, ударяя им расшатать колья! Вы их глубоко закопали! Он находился дальше всех! - он судорожно всхлипнул, вновь переживая весь пережитый ужас. – Обрез был у

меня! Я отряхивал колени, когда услышал крик! Пока обернулся, она уже снесла Игорька, подмяла под себя Павлика и находилась возле меня! Но я успел выстрелить! Нажал на оба курка почти одновременно! И в обоих случаях попал в цель! Мне даже показалось, что я ее тяжело ранил! Она пронеслась мимо, а меня отдачей отшвырнуло назад, и я угодил прямо в яму! А дальше помню с трудом!- он судорожно сглотнул горький ком, вставший поперек горла.

Петр с радостью обнаружил, что глубокая рана пострадавшего полностью перестала кровоточить. Он облегченно вздохнул, уверенный, что кризис наконец-то миновал. Но ему очень не понравился тусклый опустошенный взгляд Николая. Его глаза были безразличными и отрешенными, потерявшими свой жизненный блеск и напоминали мутное затемненное стекло. словно он смирился с судьбой и приготовился умирать.

- Чем же вам не угодил Петр Семенович? - недоуменно переспросил дед Макар. - Почему именно он?

На устах Николая промелькнула виноватая улыбка.

- Мы вчера повздорили с Виктором и через отца, хотели отомстить ему! Наказать... - последние слова Николай произнес на едином духу. словно в жестокой ломке прогнулся в дугу, с силой сжав челюсти до скрежета в зубах. По сведенному судорогой телу прошла крупная дрожь, он испустил сдавленный стон. Конвульсивно вытянулся, словно прибавил в росте и безжизненно затих. Напряженное лицо разгладилось, уголки губ поднялись вверх. Умиротворенный взгляд, неподвижно впился в безбрежный синий небосвод. В расширенных зрачках наполненных тленной вечностью, застыл сковывающий холод, чем-то напоминающий неприступную ледяную крепость. И даже солнце не способно было растопить эту вечную мерзлоту. Но как нестранно он не переставал улыбаться, словно радуясь расставанию с жестоким миром. Это была предсмертная эйфория. Наконец-то он освободился, от боли, от страданий, от угрызения совести. Очистился от налипшей грязи своей никчемной жизни. И смерть снисходительно отнеслась к покаявшемуся человеку, с легкостью освобождая его от тяжелого земного груза.

Установилась гнетущая давящая тишина, которую не нарушал даже слабый шелест листвы. словно даже ветер задержал дыхание, отдавая дань уважения раскаявшемуся в своих поступках человеку.

Петр нервозно схватил запястье Николая, дрожащими пальцами нащупывая вену. Но сколько он ни давил, с затаенным дыханием пытаясь уловить слабый пульс, встречал лишь безмолвную пустоту, которая на него действовала подобно накатывающей оглушающей волне. Перед глазами все поплыло, он не мог осознать, осмыслить смерть вдруг ставшего близким ему человека.

- Надо что-то сделать! Он не может умереть! Не должен! - в панике бессвязно бормотал Петр то, прикладывая ухо к груди человека то, поднимая голову и безумным взглядом осматриваясь вокруг. Оказалось что чужая смерть, не такая уж и легкая ноша. Равнодушно наблюдать за агонией умирающего, и ничего не предпринимать, способны лишь бессердечные люди. А он далеко не относился к их числу. И наконец-то приняв решение, поспешно начал делать Николаю прямой массаж сердца, нервозно выкрикивая: - Давай дыши! Ну же! Постарайся! Ты можешь!

- Петр, прекрати! - в яму прыгнул Николай Мордаленов и, крепко обняв, насильно оттащил товарища от мертвого тела.

- Я должен ему помочь! - кричал Петр, порываясь вырваться.

- Ты ему уже ничем не поможешь! - успокаивающим тоном возразил Николай Викторович, не ослабляя хватку. - Ни ты, ни я! Никто! Даже врачи!

Петр обмяк и схватился руками за голову.

- Как же так! – одержимо повторял он, сидя на земле и раскачиваясь из стороны в сторону.

- Он на пути в иной мир, - поддержал дед Макар, заглядывая в яму, - где уже не распространяется земная власть! Наверное, душа уже на аудиенции, - старик ткнул пальцем в небо, - у Бога! В чистилище! И теперь никакая сила не вернет его из царства мертвых! Мирской путь для него окончен! – и с грустью добавил: - Может сегодняшняя трагедия, очистила его, предоставляя место в Раю! Кто знает?! Жизнь штука серьезная, а особенно смерть! Кем он был! Шалопай и хулиган! А теперь у всех людей кто здесь находится изменилось к нему отношение! Вот и получается, что Бог не делает, все к лучшему! Жизнь обгадила, а смерть украсила!

Петр перестал сопротивляться, и Николай отпустил его. Отошел на шаг и смерил друга оценивающим взглядом, желая убедиться, что тот полностью успокоился. Мужчина медленно поднялся, словно сгибаясь под тяжким грузом и понуро выпрямился. И едва сдерживая рыдание, тоскливо выдал:

- Я знал тебя только с отрицательной стороны! И ничего хорошего она не несла! Одна грязь и мрак! - он не в состоянии был подобрать слова. - А сегодня неожиданно открылось, что твой внутренний мир не такой уж и черный! В нем, оказалось, были светлые пятна! Даже наличие совести! - Он задержал дыхание, чтобы сдержать слезы. - Почему ты забился в свою конуру и тявкал из нее, доставляя людям лишь одни неприятности?! Не пришел не поговорил?! Мы же не звери! Не прогнали бы, выслушали! Мы бы все поняли и помогли тебе! Вытащили из этого болота! Людям нужно верить! Без веры и жить-то не вмоготу! Внутреннюю пустоту не заполнить одиночеством! Может быть, это спасло тебе жизнь! И сейчас бы ты здесь не лежал! – он наклонился и закрыл Николаю глаза. - Пусть земля тебе будет пухом! – И рывком, подняв тело, он взволнованно попросил рядом стоящего подобно безмолвной статуе товарища: - Помоги мне!

Тот кивнул головой и взялся за ноги.

- Подождите! Салазками сейчас вытащим! - Дед Макар опустил вниз жерди обвязанные веревками, и мужчины уложили на импровизированные носилки погибшего. Одновременно подняв свою сторону на высоту вытянутых рук. Петр окликнул:

- Давай, ребята, вытаскиваем!

- Друженько взяли! Раз! Два! - командовал дед Макар.

Охотники приняли носилки и положили их на землю. Настала очередь Петра и Николая выбраться из ямы, их вытащили за руки. Они с радостью покинули мрачную западню, спертый воздух которой душил, вызывая неприятные позывы желудка, так как был насквозь пропитан сладковатым запахом крови.

Петр подошел к телу.

- Бесславная жизнь и нелепая смерть! - тихо сказал охотовед, потирая покрасневшие ладони. - Сколько зла ты причинил односельчанам, родным, близким, а внутри-то оказался совсем не плохим парнем! И чтобы узнать об этом, нужно было обязательно умереть! Поступок достойный глупца! Хотя и мужественного! Чтобы увидеть свет не обязательно погружаться во тьму! Это мое мнение!

Люди плотным кольцом окружили погибшего односельчанина, понуро склонив головы. И пусть для многих он в прошлом и был неприятным человеком,

но сегодня все изменилось. Сложившееся годами мнение рассыпалось как стекло и стало противоположным. Ни на одном лице не было видно злорадного ликования по поводу справедливого возмездия негодяю. А лишь искреннее сердечное сожаление, что вышло именно так, а не иначе.

Неожиданно на поляну выбежал со своей группой Семен Петрович.

-Что здесь происходит?! Неприятности?! - удивленно поинтересовался старший лесничий, нервно сжимая в руке ружье. - Я слышал выстрелы... - но, заметив окровавленные тела, растерянно перешел на шаг, не сводя ошеломленного взгляда с трех лежащих на земле людей. – Кто это?!

Стоящие полукругом охотники, застигнутые врасплох внезапным появлением товарищей, испуганно вздрогнули. Нервозно защелкали взведенные курки и отливающие вороненой синевой стволы, угрожая, устремились в сторону появившихся людей, готовые выплюнуть смертоносный ливень раскаленного свинца. И лишь чудо спасло от роковых выстрелов.

Петр первым вышел из сковывающего оцепенения навеянного опасностью.

- Ничего не скажешь, профессионалы! Чуть не устроили Куликовскую битву! – хрипло произнес Петр, стараясь пошутить. Но шутка вышла кривая, никто не рассмеялся.

Нацеленные ружья медленно опустились. По поляне, пронесся вздох облегчения.

Семен Петрович вытирая со лба крупные капли пота, приблизился к стоящим полукругом товарищам и с горечью выговорил:

- Ну и дела! Едва друг друга не постреляли!

Он укоризненным взглядом обвел стоящих перед ним охотников, которые виновато глаза. И уже примирительно добавил:

- Вижу, сдали нервы! С кем не бывает!

- С нами не должно быть! Мы же не дилетанты! Нельзя поддаваться страху! - извиняющимся тоном возразил дед Макар.- Но столько за день увиденной крови даже меня ввело в шок!

- Мы даже не слышали, как вы подошли! - оправдывался Николай Мордаленов. У него до сих пор перед глазами стоял, призрачный образ умирающего. А в ушах звучал его безликий глухой голос.

- Все обошлось и, Слава Богу! - вяло заключил Виталий Прошин, на которого было направленно ружье Николая Мордаленова. Он только сейчас в полной мере осознал, что находился на волоске от смерти, и если бы товарищи были менее выдержанные, раздались бы роковые выстрелы, повлекшие за собой новые жертвы. Воображение красочно нарисовало последствия возможной трагедии, от которой перехватило дух. Кровь отхлынула от лица мужчины, он побледнел, становясь бледнее мела, и обессилено облокотился о ствол рядом стоящей березы, с трудом подавив вырывающийся из глубоко вздымающейся груди стон. Охотник затравленно смотрел на три истерзанных мертвых тела, и невольно представляя себя на их месте, зябко поежился. Но минутная слабость быстро прошла, он решительно тряхнул головой, прогоняя навязчивое наваждение и, задумчиво посмотрел на старшего лесничего. Растерянно понимая по раскрывающемуся рту мужчины, что тот о чем-то говорит, и слова его доносятся, словно преодолевая густую пелену тумана.

- Как это произошло?

Семен Петрович тяжело опустился на колени и обреченно накрыл лица погибших оторванными лоскутами от окровавленной одежды.

- Когда мы прибежали на выстрелы, то в живых застали лишь Николая! - ответил Петр, вновь как наяву переживая происшедшее. - Он рассказал, что они втроем решили помешать нам, поймать медведицу, намеренно разрушая ловушки! Когда они разворотили яму, на них неожиданно напала медведица! Двоих сразу подмяла под себя, а Николай успел выстрелить из обоих стволов! Но отдачей его отбросило назад, и он угодил прямо на кол! - голос мужчины становился все глуше. - В яме я его и обнаружил, пронзенным насквозь! Помочь мы ему уже ничем не могли, он так и умер у меня на руках! - Петр тяжело вздохнул, отрешенно рассматривая залитые человеческой кровью ладони. Ему до сих пор не верилось, что случившееся произошло в реальности, а не в каком-либо кошмарном бреду.

- Значит, она ранена!- задумчиво прокомментировал Семен Петрович.

- Николай говорил, что попал в нее! - подтвердил дед Макар. - Возможно с обоих стволов!

- Хоть убей, я одного не могу понять! Какого черта им потребовалось, чтобы медведица не попалась?! Им что от этого легче бы стало?! Или настроение поднялось?! Или по причине вредности они это делали?! Не пойму я чего-то! - В голове Семена Петровича не укладывалось, он не мог понять, что движет иногда людьми, заставляя их совершать несуразные, по-настоящему идиотские поступки. Любая логика здесь отсутствовала. Ведь понятно даже дураку, что медведицу они ловили не только для себя, но и для безопасности всех. - И чего они добились своей нелепой выходкой?! Смерти! - и с досадой ударил себя по ноге. - Вот глупцы!

Петр, опустив голову, молчал. Он не хотел унижать мертвого Николая в глазах новоприбывших товарищей, считая, что за все свое безрассудство тот расплатился сполна. И тихо ответил:

- Кто знает, что двигало их поступками! Может быть злоба на людей?! Может быть неуверенность в себе?! Возможно, хотели привлечь к себе внимание?!

- Это им удалось! - рассерженно заверил пожилой лесничий, нервно передергивая плечами и бросая взгляд на распростертое тело. И невольно прислушался к внутреннему голосу шедшему, словно от сердца. "К чему теперь слова. Плохо они поступили или хорошо, ничего уже нельзя изменить. Мертвых невозможно воскресить, чтобы отругать или наказать. Бог им судья. Нужно позаботиться о живых, чтобы их не постигла та же участь!"

- Добрый совет!- подавленно согласился мужчина, беззвучно шевеля одними губами. И вслух произнес:

- О мертвых плохо не говорят! Каждому человеку уготована своя судьба! И от нее не убежишь! Значит это их наказание за прошлое, причиненное зло! А нам нужно думать о живых!

Семен Петрович оживился, хотелось немедленно что-то делать. Он внимательно осмотрелся вокруг, пытаясь воссоздать картину разыгравшейся недавно трагедии, вдруг он быстрым шагом направился в сторону поломанного кустарника, наклонился и в примятой траве обнаружил алые бусинки крови непрерывной цепочкой тянущиеся в сторону леса. И с охотничьим азартом возбужденно воскликнул:

- Она серьезно ранена! Ее кровь повсюду! Следовательно, далеко не уйдет!

Он поднялся, и внимательным взглядом окинул залитый солнечными лучами пологий склон горы и, сердце его учащенно забились. На широкой просеке он заметил медленно бредущую маленькую черную точку.

- Вон она! - Он ткнул указательным пальцем в сторону вершины.

Охотники подняли головы и с живым интересом проследили за направлением.

- Видит Бог, она идет на медвежью поляну! - с жаром заметил дед Макар. - Там мы ее и возьмем! - он воодушевленно потер ладони, в надежде, что все это безумие скоро закончится. - Теперь она голубушка, никуда от нас, не денется!

И словно в подтверждение слов человека, медведица скрылась в чаще леса.

- Да там же... - выдохнул Петр, окидывая ошеломленным взглядом товарищей. - Миша с женой!

-Что?!- ошеломленно воскликнул Семен Петрович, ощущая, как нервно задержался глаз. - Какие еще Миша с Ольгой?! Что они там делают?! Они что читать не умеют, что в лесу находиться опасно?! Или мы предупреждение вывесили для зверей?!

- Мишка Светлов с женой! Они пошли прогуляться на медвежью поляну! - дрожащим от волнения голосом залепетал Петр. - Они, наверное, уже там! - и испуганно запричитал: - Что же будет?! Что делать?! Она же убьет их!

- Что же ты молчал, дурья твоя башка! - в сердцах выругался пожилой лесничий, от отчаянья нервно сжимая в руке ружье.

- Я не думал...- по-детски оправдывался охотовед, вытирая о брюки, взмокшие от напряжения ладони.

- Не думал он! А стоило бы! На что тебе голова на плечах?! Чтобы в зеркало смотреться?! - голос мужчины гремел от возмущения. - Ты же прекрасно знал, что в лесу медведь подранок орудует, и позволил им пойти в тайгу?! И куда на медвежью поляну, где расставлены приманки! - его взгляд напоминал раскаленный огонь. - Ни много - ни мало, ты проявил вселенскую тупость! Даже вселенской ее назвать трудно, глупости твоей просто нет пределов! - голос Семена Петровича хрипел от ярости. - А вернее ты друзей бросил на произвол судьбы, на верную гибель! Своей безалаберностью! - мужчина беспомощно опустил руки. Внезапно он осознал, что ситуация с медведицей уже давно вышла из-под контроля.

- Им было плохо... Да и поляна для них как отдушина! Ты же знаешь, на пользу пошла бы эта прогулка! Святое место и детородное! Обычай! - Петр уже проклинал себя за то, что позволил другу идти в лес. - Они хотели побыть наедине! Может быть у них, что-нибудь и получилось с новым ребенком!

- А сейчас ты думаешь, им станет легче?! И они, по-твоему, находятся там одни?! - Семен Петрович яростно жестикулировал руками. - Или других мест нет, где можно уединиться, не подвергая себя опасности! Например, на Байкале! Там столько места, что годами можно на берегу не встретить ни одного человека! Чем не участок для душевной беседы! Тем более вода не меньше леса успокаивает нервы! А Поляну не обычай, а суеверие! Глупость!

Семен Петрович в негодовании махнул рукой. Хотя сам по молодости туда же бегал, на поляну, детей закладывая, до сих пор нарадоваться не может. И повелительно скомандовал:

- Все за мной! Нужно поспеть на поляну раньше медведицы!

И охотники бегом устремились в глубь тайги через бурелом, наперерез идущей к поляне медведице.

Глава 13

Едва приметная лесная тропинка извивалась ужом, лавируя между высокими могучими исполинами кедрами и стройными березами. И словно боясь оказаться в плену преграждающих путь как паучьи лапы торчащих из земли корней, стремительно отпрянула к песочному руслу высохшего ручья, проворно скатываясь в густые заросли папоротника. Но и там она не остановилась, и смело побежала вперед, бросая дерзкий вызов могущественной живородящей природе, уверенная в своей безнаказанности. Зная, что до тех пор, пока ею пользуются люди, она будет жива.

И вот еще двое из человеческого племени вступили на нее, облегчая свой путь. Но не было радости в их тяжелой поступи. А думы, терзающие русые головы казались мрачней грозовой тучи.

Михаил нежно привлек жену к груди и, подстраиваясь под ее шаг, восхищенно воскликнул:

- Как хорошо!

Кристально-чистый воздух пьянил своей свежестью и прохладой, напоминая спасительный глоток воды в истерзанном солнцем знойной пустыне. Лесной дух – смеялся. Бодрил. Старался вырвать из скованного состояния людей. Развеять их мысли. Высвободить из железных тисков насущных дел бременные тела. И люди не устояли перед очарованием природы, поддавались ее живительной силе. Душа наполнялась ликованием и звонко пела, но тяжкий камень невосполнимой утраты лежащий на сердце грузом, давил, не давая полностью расслабиться и ощутить в полной мере радость жизни.

Женщина тяжело вздохнула и бросила на мужа кроткий взгляд. В ее печальных глазах Михаил прочитал немой укор. Он виновато потупил взор, словно тем, что вытянул жену на прогулку, совершил нечто неприличное. Но твердо заключил:

- Так нельзя жить дальше! - Михаил нервно сжал кулаки, и лицо его наполнилось решимостью. - Олечка, миленькая моя, родненькая! Прошу поверь! Мне тяжело, как и тебе! Я же не железный истукан, и мое сердце не каменное! Оно болит! Разрывается на части! - он нервно положил ладонь на грудь на область сердца. На мужественном лице отразилась невыносимая мука. - Он мой сын, как и твой, и мне не безразлично, что случилось в роддоме! Я всей душой переживаю гибель нашего ребенка! Мне просто не передать эту боль словами! Она как червяк грызет меня изнутри! Разъедает! Я знаю, как ты хотела ребенка! Мы хотели! Оба! Мы готовились, покупая детские вещи, игрушки! Подбирали дату, чтобы рождение совпало с весной! А как радовались твоей беременности! Я помню все! – он, не видя, смотрел себе под ноги, на секунду заглянув в счастливое прошлое. Маленькая секунда – растопила лед души. Но через мгновение, как на стекло набегают ледяные узоры инея, человек вернулся в горькую действительность. Михаил нахмурился. - Но нельзя отчаиваться и жить прошлым, обвиняя себя! Боль не утихнет от горя, она не пройдет, если постоянно теревить рану! Не стоит раньше времени опускать руки, заживо похоронив себя! - голос мужчины печально дрожал. - Мне больно на тебя смотреть! Ты день ото дня медленно угасаешь! Держись на одном святом духе! Перестала есть! Мало спишь! У тебя слезы не успевают высыхать на глазах, а ты снова плачешь! Так не может продолжаться! Здоровье не каменное, оно изнашивается! И наступит время, когда ты сляжешь!

- Ну и пусть! - горько воскликнула женщина. - Мне уже все равно!

- А что же делать мне! - с горечью спросил Михаил, за подбородок нежно приподнимая лицо жены, заставляя ее смотреть ему в глаза. - Ты подумай, что будет со мной, если я одновременно потеряю двух столь дорогих мне людей?! Думаешь, я выживу?! - его глаза наполнились безграничной тоской. И Ольга увидела в сером омуте зрачков - обреченность! Он не выдержит одиночества и, безутешно страдая, уйдет вслед за ней.

Она ничего не сказала, но блуждающий взгляд ее, наполнился состраданием и Михаил впервые за прошедшее время, обнаружил слабую искорку затеплившейся жизни.

- Вот и хорошо! - ласково произнес мужчина, нежно прижимая жену к груди. - Не думай больше о смерти! Ты должна быть сильной, ради нашего будущего ребенка!

- Я не могу! - сквозь судорожные всхлипывания выдохнула Ольга и, уткнувшись лицом в рубашку мужа, горько разрыдалась. - Я до сих пор вижу перед глазами личико нашего мальчика! - Ее хрупкие плечи судорожно вздрагивали. - Такое маленькое... сморщенное! Но красивое! И он не дышал! - в голосе женщины послышались истеричные нотки. Михаил слушал молча, не перебивая. Предоставлял жене возможность выговориться, излить душу о наболевшем. Он осознавал что, выплескивая наружу переживания и боль, ей станет намного легче. - Он лежал такой крошечный... Беспомощный! Врач похлопал его по попке, а он молчал! - Она подняла залитое слезами лицо. - Он даже не шелохнулся! Не пошевелился! Его маленькие ручки и ножки безжизненно висели! Ах, какие у него были маленькие ладошки... А пальчики! Такие толстенькие и коротенькие! - из груди женщины вырвался сдавленный стон. - У меня в душе все перевернулось от нехорошего предчувствия! - ее отрешенный взгляд был обращен в никуда. Она вновь перенеслась в прошлое, глубоко переживая страшные минуты. - Я смотрела на нашего мальчика... И как ни ждала, так и не услышала первого детского крика! Я знала, он должен быть, раздаться! Но его все не было и не было! Господи! И тут я почувствовала ужас! Он нарастал, растворяя даже физическую боль! От страшной догадки у меня все оборвалось внутри, палата поплыла перед глазами! Я была ни живая, ни мертвая! Короткое затмение... И дальше все происходило как во сне! Они его забрали и унесли! А я все ждала и ждала, надеясь на чудо! А потом пришел врач и, извиняясь, сообщил... - женщина горько разрыдалась, захлебываясь слезами. - Ваш ребенок родился мертвым! От этих слов я словно провалилась в глубокую яму! Падала и падала, а дна все не было и не было! А потом была темнота и забытие! А когда очнулась, то обнаружила рядом с собой тебя! - и сквозь глухой стон, подавленно запричитала: - Боже мой! Они даже не дали... Мне матери, поддержать на руках моего ребенка! Я даже не почувствовала его тяжести... Не обняла... Не приласкала! Не прижала к груди! Столько ожиданий... - она с тоской посмотрела на дрожащие руки и отчужденно выдавила: - И все напрасно! Врачи заверили меня, что сделали все возможное! Я надеялась! А сами... - ее грудь разрывалась от судорожных рыданий, - Обманули! Не сдержали своего обещания! И как теперь верить?! Кому?!

- Они старались! - тихо возразил Михаил, мягко проводя рукой по волосам жены. - Сильно старались! - и, вспомнил добрый, по-отцовски теплый взгляд пожилого акушера, который чужую боль воспринимал как свою. Убеждено добавил: - Я знаю! Они и сделали все всевозможное! И даже больше!

- Но, тем не менее, наш мальчик мертв! - вздрагивая всем телом, отчаянно возразила Ольга и гневно добавила: - А значит грош цена всем их обещаниям! Лучше молчали бы и не давали надежду! Не так тошно было бы на душе!

- Судьба жестока! Она всегда бьет ниже пояса! Особенно когда не ожидаешь неприятностей! Вроде все хорошо, нет причин волноваться, вот тут-то она, и наносит удар! Да такой силы, что земля вылетает из-под ног! – он печально склонил голову. - Но все же ты не права! Выпавшему на нашу долю несчастью, нет вины врачей! – дрогнувшим голосом возразил Михаил, крепко прижимая жену к груди и нервно перебирая ниспадающие густые локоны волос. И извиняющимся тоном признался: - Во всех несчастьях повинен лишь я! Я - один! На мне одном лежит вся ответственность за случившееся! Как ни прискорбно это осознавать! Я совершил роковую ошибку! Непоправимую ошибку стоившую нам жизни ребенка! О чем я думал?! Я обязан был находиться рядом с тобой, в такой критический момент, когда вероятность выкидыша была столь велика! Должен был поддержать, когда тебе больше всего требовалась забота и внимания! Так нет, я все сделал наоборот! Я как последний кретин, заставил тебя волноваться своей безрассудной выходкой! Ничего лучшего придумать не смог, как рвануть на опасную облаву! Самая глупая затея! Вот отсюда и катастрофические последствия! Ты занервничала, переживая за меня! – и сжав голову ладонями, отчаянно прошептал: - Что же я наделал?!

Ольга опустила скорбный взгляд. Ей нечего было возразить, именно отлучка мужа стала основной причиной, повлекшей за собой столь драматичные последствия. Но что она могла поделать с собой, сидя дома как на иголках. Она не находила себе места, терзаясь в мучительном ожидании возвращения мужа с чреватого смертельным риском задания. Вот нервная напряженность и отразилась на здоровье. А отсюда все беды и несчастья. Ведь сердцу не прикажешь, спрятать тревогу в равнодушии.

- Что теперь кого-то обвинять! Попрекать! Ругать! Уже ничего нельзя изменить! Прошлого не вернуть... Ошибки не исправить! - и она нежно прикасаясь, провела пальцами, по нахмуренному лбу мужа. Тот безмолвно стоял подобно каменной статуе и задумчиво смотрел вдаль, в глазах его блеснули слезы. – Но с тобой я согласна, мы можем не допустить ошибок в будущем!

Словно очнувшись от наваждения, проклиная себя за легкомыслие, безответственность, с которой оставил беременную жену одну дома, без надежной поддержки, что и привело к печальным событиям. Ища прощения, Михаил наполненным безграничной нежности взглядом посмотрел в покрасневшие глаза любимой и виноватым умоляющим голосом, на одном дыхании выдохнул:

- Прости меня, если сможешь! Прости! - мужчина нервно сжал кулаки, невольно вновь осознавая всю тяжесть своего опрометчивого поступка. На сердце нахлынула волна раскаяния. И он яростно выругал себя: - Я поступил, опрометчиво глупо, как последний идиот! Не задумываясь о последствиях, сломя голову умчался в лес, бросил тебя одну, в то время, когда тебе больше всего на свете, необходимо было мое присутствие рядом! - от глубокого отчаяния, он с такой яростью сдвигал челюсти, что болезненно занесли зубы. На высоких скулах заиграли желваки, брови сошлись на переносице. И он расстроено заключил: - Это меня Бог наказал, за мое бессердечие! За то, что я вместо сочувствия, желал смерти! И вот мои желания обернулись против меня самого! Бойся своих плохих мыслей, если ожидаешь счастья! Не заметишь, как произойдет замена реальности! И вот вместо смерти медведицы потерявшей медвежонка, я получил... - и словно горестным

стоном, из груди неосознанно вырвалось, мудрое высказывание деда, которое он любил повторять внукам:

- Да, умножиться возврат того, что припас за пазухой для ближнего своего! - И хитро прищуривая полуслепые глаза, пряча лукавую улыбку в густой седеющей бороде, назидательно любил добавлять: - И брошенный камень вернется двумя!

Михаил задумался над глубоким смыслом пророческих слов и убеждено добавил:

- Не внял я добрым советам деда и вот поплатился! Расплатился самой высокой ценой! Легко нанести рану, но трудно устранить причиненное зло! - по небритой щеке, потекли слезы. Он безмолвно разрыдался, не в состоянии больше сдерживать вырывающую из груди испепеляющую сердечную тоску. Мужчина вдруг внутренне слился с образом медведицы, словно наяву прочувствовав ее страдания и боль. И внезапно ощутил гнетущее чувство вины, за себя, за всех людей. И мысленно попросил у медведицы прощения. А когда вновь заговорил, его голос напоминал замогильный холод:

- Вот и я столкнулся с бедой! Теперь я знаю, что значит, лишиться родной кровинушки, которая для родителей на протяжении многих лет, была единственным смыслом жизни! Ведь какое счастье видеть наследника своего рода, в воспитание которого ты вкладываешь всю душу!

И где-то, за пределами человеческого понимания щемящая боль мужчины и медведицы слились воедино, накатываясь на сознание каждого с угрожающей силой всепожирающей горечи.

- Господи, ты заставил меня взглянуть на мир, глазами медведицы и теперь я понимаю каково приходится ей, остаться наедине со своей невосполнимой утратой! Теперь я понимаю и ту ярость, что она испытывает к людям! И что это ее неоспоримое право!

Мужчина тяжело вздохнул и как можно крепче прижал жену к груди.

Вслушиваясь в судорожный стук мужского сердца, Ольга робко подняла глаза и, успокаивая, ласково прошептала:

- Мы должны жить и попытаться начать все сначала! Я верю, что теперь у нас все получится! И не будет больше печали и тоски!

Михаил слегка отстранил жену от себя и с любопытством заглянул ей в глаза. Он не обнаружил в них той угасающей обреченности и судорожной тоски. Они наполнились жизнью и светились надеждой. В порыве обожания он страстно покрыв горячими поцелуями заплаканное лицо Ольги, радостно восклицая:

- Да, мы с тобой родная, столько еще малышей наделаем, что сам Бог позавидует! Выполним и перевыполним план пятилетку по рождаемости! Нам еще правительство грамоту подпишут, и медаль выдадут за заслуги перед отечеством! - и уже весело добавил: - Станешь ты у нас мать - героиня!

И они дружно рассмеялись, крепко прижимаясь, друг к другу. Ольга смахнула рукавом слезы и жизнерадостно изрекла:

- А ты отцом - героем! Будешь день и ночь, помогать мне, стирать пеленки, гладить! Готовить обеды, и убираться по дому!

- Водиться с малышами, просыпаться ночами, - мечтательно добавил Михаил, - играть с ними и гулять!

- Все вы так вначале говорите! - женщина игриво толкнула мужа в грудь. - А когда касается дела, быстро сматывается в кусты! Днями и ночами торчите на работе, лишь бы домой попозже возвращаться, чтобы отлынивать от родительских обязанностей!

Ее глаза лукаво заблестели.

- Да ни в коем случае! - клятвенно заверил мужчина. - Я тебе буду неустанно помогать днем и ночью! - он поднял руку и торжественно произнес: - Честное комсомольское, что не отступлюсь от своих слов! А если обману, пусть мой ребенок, выдернет мне, все волосы на бороде!

- Ловлю на слове! - и лукаво прищуриваясь, игриво добавила: - Будешь уклоняться от отцовских обязанностей, бородку твою, выщупаю сама! Мало не покажется!

Боль прошедших дней притупилась и Ольга внезапно почувствовала себя, словно заново рожденной, мир ей казался сотканным из радужных нитей, которые переливаясь вспыхивали лучезарными огнями надежды. Не зря говорят в народе, лес лечит. От восторга, она прикрыла ладошкой рот и радостно воскликнула:

- Жарки! Как их здесь много! - и оборачиваясь, спросила: - Правда, красиво?! Ее восхищенный взгляд говорил сам за себя.

- Необыкновенно красиво! - умиленно улыбаясь, согласился Михаил.

Ольга наслаждалась живописной красотой первозданной природы. Лесная поляна утопала в вызывающем желто-оранжевом море. Дикие цветы раскрывшимися бутонами жадно ловили рассеянные солнечные лучи, с трудом пробивающиеся сквозь густые кроны деревьев, ветвями подпиравшие само небо.

Мужчина с замиранием сердца наблюдал за женой, радуясь, что она наконец-то оттаяла и ожила, вновь проявляя интерес к жизни.

Ольга наклонилась и аккуратно сорвала крупный цветок, с восторгом вдыхая исходящий от бутона нежно-сладкий аромат.

- Как пахнет! - Она восхищенно прикрыла глаза.

- Смотри, бурундучок! - возбужденно крикнул Михаил, рукой указывая за спину жены. Ольга поспешно обернулась и краем глаза заметила мелькнувшее движение. словно маленькая полосатая молния, пересекла тропинку, стремительно взлетая на стоящее рядом дерево. Раздался пронзительный свист и бурундук, с любопытством выглядывая из-за толстой ветки, подозрительно уставился на двуногих пришельцев, забавно прищуривая черные бусинки глаз. Не обнаруживая прямой угрозы, он победоносно распушил хвост и, цепляясь острыми коготками за кору, взобрался на тонкую ветку повыше. Где неподвижно замер, с неподдельным интересом свысока разглядывая людей.

Супруги стояли и зачарованно наблюдали, стараясь не делать резких движений, чтобы не вспугнуть безобидного очаровательного зверька.

- Какой он смешной! - улыбаясь, прошептала Ольга, любясь, красивым зверьком, облаченным в оранжевую пушистую шубку, с четко-выведенными черными полосами вдоль тела, забавно умывающего тонкими безволосыми лапками заостренную любопытную мордочку.

Внезапно по тайге, как раскаты грома, прокатились два оглушительных оружейных выстрела и усиленные эхом растаяли вдали. Бурундук испуганно вздрогнул и поспешно скрылся в дупле, оставив людей в тревожном ожидании.

Радостная улыбка, мгновенно сползла с лица Михаила. В сердце вновь закралась печаль. На душе стало мутно и тошно. Он с тревогой обернулся в направление звука и беспокойно уставился в глубь тайги, словно сквозь заслоняющую стену непроходимого бурелома, пытаясь разглядеть разыгравшуюся где-то жестокую трагедию. Ему хотелось броситься на помощь медведице и спасти ее. Он смог бы остановить охотников и предотвратить несправедливое убийство.

Объяснить ее мотивы, уговорить применить снотворное и перевезти в самую глушь тайги, где нет совсем людей. Надо это было делать раньше, до роковых выстрелов. Разум безупречен в своей логике. Теперь уже поздно что-либо предпринимать, пули совершили свои черные дела. От бессилия он сжал кулаки.

- Вот и все! - печально выдохнул мужчина, чувствуя, как в горле застрял горький ком. - Они добрались до нее! Добрались...

Ольга с полуслова поняла мужа и безвольно опустила вновь потускневший взгляд.

- Мне жаль ее! - тихо произнесла она.

- Мне тоже! - На страдальческом лице Михаила отразилась боль.

Неожиданно Ольга задумчиво изрекла:

- Странно, но с ее смертью, я вдруг поняла, какая тонкая грань, проходит между жизнью и смертью! Мы словно все балансируем на острие ножа! Такая бесконечная веретеница канатоходцев-смертников! И двигаться нам суждено лишь вперед, обреченно и механически! За головами впереди стоящих людей ничего не видно! Куда бредем, зачем! И не взлететь и не упасть! Внизу ожидают острые осколки набитого стекла, а верху вбитые в доски гвозди! А позади очередь поджигает, не давая осмотреться и подумать, к чему ты стремишься! Ноги уже кровоточат, а выбора нет! Просто есть безумная цель, которая не имеет смысла! И никто не ведает когда и кто оступится первым и кому, какая уготовлена участь! И кто займет твоё место, чтобы через шаг уступить его другому несчастному!

- Что это на тебя нашло?! Заслушаться можно! - удивленно заметил Михаил, впервые услышав от жены столь философское изречение.

- Да вот видно горе, заставляет людей задуматься о смысле жизни! - печально улыбаясь, ответила Ольга.

- Понятно! - протянул Михаил и тоже хотя и кисло улыбнулся. - Жизнь штука сложная! Хотя, - он глубоко задумался, - небо или земля, конец один! Все будем там! Смерть никого не обделит вниманием! Всех доставит по назначению, только в разные казематы! Одних - с видом на огонь, других же с пейзажем на облака! И возможно быстрее, чем нам кажется! Но люди разные и некоторым рай может показаться пресным! Но это уже другая история! Обидно лишь то, что зачастую мы покидаем земной мир, раньше положенного срока! - и нервно добавил: - И в большинстве случаях по вине негодяев, для которых чужая жизнь разменная монета! - Михаилу до глубины души было стыдно за бессердечное человечество, которое так бездушно сеяло смерть в своем кровожадном стремлении к наживе.

- Не имея любви в сердце, не одаришь добром! - согласилась женщина. - Зло само по себе, несет лишь зло! Набольшее оно не способно! Жестокость - первая из его составляющих величин! Основа - основ! Жадность - лепить глину, создавая притягательную форму! А ненависть - завершает картину, раскрашивая модель в черно-красные тона! И вот перед тобой появляется в столь отталкивающем образе, как нестранно это звучит - человек! Вся его внутренняя сущность! Он переполнен негативной энергией, словно закрытый паровой котел! Но она требует выхода! Чернота захлебывает его, переполняет! Взрыв эмоций! И понеслось... Ну где ему созидать, если он все делает для разрушения! Он способен лишь убивать, насиловать и громить! Ко всему живому он испытывает ненависть, которая лишь растет с каждым годом!

Влюбленные брели по тропинке, крепко держась за руки, словно в соединении, пытались обрести силу, способную противостоять жестокой действительности. Елки, кедры, березы, рябины - деревья тянулись бесконечными одновидовыми

рядами и вперемешку, заставляя людей пробираться через игольчатый и хлесткий строй веток. Тропинка сбегала с пригорка, обогнула каменную гряду, и устремилась вниз по склону. Под ногами захрустели мелкие камни. Пригорок был высокий. Впереди обрисовались очертания открытой местности, залитой золотистым светом полуденного солнца.

Ольга машинально повязала алый платочек на склонившуюся над тропинкой ветвь кедра. Сколько платков, повязок и лент знал этот вековой дуб, только Богу известно. Прошли столетия, а он, как и прежде стоит сильный и нерушимый, непоколебимый в своей языческой Вере, сурово охраняя спокойствие влюбленных. Медвежья поляна считалась символом любви, ее почитали как Чрево Земли. На поляне в былые времена проходили обряды культа плодородия. Кануло в прошлое язычество, исчезли ведуны и жрецы, но обычай остался. И теперь в наше время молодожены и зрелые супруги, желающие иметь детей, как и прежде, шли на поляну, чтобы на святом месте зачать ребенка, вывешивая на кедре страсти “предостерегающий” знак, что место не свободно и требуется дожидаться своей очереди.

В прошлый раз они намеренно не пошли на поляну, надсмехаясь над суеверием односельчан, возможно, это и привело к трагедии. Кто знает? Может их, постигла кара разгневанных Богов? Или Боги просто отвернулись от них? И тут же в дом постучалось горе. Все влюбленные приходят на поляну, принять дары Природы. А вам ее щедрость, значит, не нужна. Тогда и получайте. Размышлял Михаил, наблюдая за действиями жены. Но одно он знал точно, в будущем не поступится обычаем, и Медвежья поляна станет местом зачатия его второго ребенка. Каким он не был ярым атеистом, но признавал удивительный факт, что после любви на языческом капище, ни у кого из знакомых, а это целый поселок, не родился мертвый младенец. А он не сделал этого, вот и плачевный результат.

Покинув тенистую прохладу леса, люди вышли на большую поляну, купающуюся в теплых воздушных потоках и солнечных лучах.

- Вот и пришли! - как-то безрадостно произнес мужчина, ощущая в душе смутное беспокойство. Они стремились оказаться в тайге, чтобы развеяться от мрачных мыслей, а вышло наоборот, после роковых выстрелов на него вновь навалилась свинцовая усталость. Да и слова жены не располагали к хорошему настроению, в них не было позитива. И как он и сам понимал, это была чистая правда. Все зло идет от человека. - Нельзя жить одной лишь ненавистью! - рассеянно заметил Михаил, присаживаясь на землю и за руку увлекая за собой жену. - Ненависть лишь разъедает душу и делает тебя несчастным! Любовь – вот истинная ценность жизни! Любовь не дает тебе увязнуть в тине проблем, и спасает от однотонной серости бытия! Она служит стимулятором, не допускающим растрептывания твоей души! Ведь когда любишь, то ты не сможешь причинить зла! - и мужчина с обожанием посмотрел на свою жену, которая трепетно прижималась к его плечу. - Я люблю и не стыжусь этого, в моем сердце нет места коварству, бессердечию, зависти, злобе! Оно поет от счастья, и я желаю лишь дарить людям добро! Хочу любить и быть любимым!

- И я люблю тебя, милый! - Ольга в порыве страсти обвила руками вокруг шеи мужа. И как кошечка потерлась кончиком носа о небритую щеку.

- Сильно?! Сильно?! – с наигранной суровостью поинтересовался мужчина.

- Больше жизни!- клятвенно заверила женщина, и жаждущие губы соединились в волнуящем поцелуе. Вначале легкий, он чем-то напоминал собой устремившееся в синеву белоснежное пушистое облако, ищущее слияния с безбрежными

просторами небесного океана, окрыленного чистотой глубоких чувств. Оно окутало влюбленных ласковым пушистым покрывалом и, подхватывая, направилось в неведомые края, устраивая головокружительную гонку. По мере того как страсть набирала силу, а влечение становилось невыносимым, облако, разрастаясь, превратилось в белоснежную перину океана, растроганно создав из чистоты помыслов и чувств влюбленных, поистине царское ложе любви. Оно ликовало, вбирая в себя бьющую ключом энергию счастья и восторга, и устремилась эйфорией невесомости, когда человеческие тела, пронизанные наслаждением, достигли кульминации. А когда супруги изнеможенно разомкнули жаркие объятия и обнаженные, весело смеясь, начали обмениваться разбросанной одеждой. Облако умилено попрощалось, и растекающейся дымкой торжественно растаяло в воздухе, чтобы не омрачать идиллию счастья даже тенью.

Супруги обессилено лежали на земле, мечтательными взглядами созерцая лазурную голубизну небосвода и радостно подставляя счастливые лица солнечным лучам, предусмотрительно подстелив под себя пуховую куртку. Хоть весна была в полном разгаре, но земля еще оставалась прохладной.

Михаил вдохновенно признался:

- Я буду любить тебя вечно! Всем сердцем! До самой смерти!

- И как в доброй сказке, - шутливо добавила Ольга, - мы будем жить долго и счастливо! И умрем в один день?!

- Обязательно! – смеясь, подтвердил Михаил. – Секунда в секунду!

Внезапно пронзительно заверещала сойка, встревоженная чьим-то появлением. В народе ее прозвали сигнализацией леса, она ни одного хищника не пропустит без оповещения окружающим об опасности. Послышалось тяжелое хлопанье крыльев и, птица недовольно сорвалась с места, с протестующим криком пролетая над головами людей. И тут же донесся треск, надломленный сухой ветки, а за ним шуршание сгибающихся ветвей кустарника и недовольное фырканье. словно кто-то большой напролом пробирался, сквозь заросли малины и волчьей ягоды.

Подозрительный шум стал медленно надвигаться на людей.

Михаил насторожился, чутко вслушиваясь в отзывающиеся опасностью звуки, пытаясь определить в какую сторону зверь направляется.

- Что там? - испуганным шепотом спросила Ольга, нервно вцепившись в руку мужчины.

- Не знаю! - так же тихо ответил Михаил, но в напряженном голосе мужа, женщина уловила явные нотки беспокойства.

- Медведь?! - взволнованный голос женщины дрожал от страха. – Тот самый?

- Не знаю! Может и не медведь! Лось или кабан! - не уверенно ответил Михаил, напряженно всматриваясь в непроницаемую чащу. Но в глубине души он уже знал ответ, лишь надеялся, что если это подранок, поляна не окажется на его пути, и тот, взяв правее или левее, пройдет стороной. Еще теплилась надежда, что зверь сам поостережется выйти на открытую местность. Побоится находиться как на ладони. Но кто бы это ни был, ему голыми руками с ним не справится. А то, что это крупное животное, он не сомневался. Он даже пожелал, чтобы этим зверем оказался секач. Тот агрессивен, но в меньшей степени, чем медведь. Но чуда не произошло. Кусты волчьей ягоды раздвинулись, и на поляну вывалился истекающий кровью огромный зверь.

Наткнувшись на людей, медведица застыла на месте и затравленным взглядом окинула врагов. Принимая угрожающую позу, она испустила глухой

предостерегающий рык и шумно принялась, пытаясь в воздухе уловить наполненный угрозой горьковатый металлический запах оружия. Но неожиданно для себя, лишь обнаружила, нечто иное, болезненно затрагивающее израненную душу. И растерянно замерла, рассматривая людей по-человечески озадаченным взглядом, не понимая, что предпринять. Люди не представляли опасности, у нее даже не появилось желания нападать. Она не чувствовала к ним ненависти. Раньше она во всех двуногих видела лишь заклятых врагов, но сейчас... Ее охватывало иное чувство. Где-то на подсознательном уровне ощущение некоего родства. Она ничего не понимала. Перед ней находились люди, но не было врагов. Она вновь принялась, и вновь уловила смешанный запах горя и печали. Эти страдания были человеческие, но сродные ее. Внезапно она почувствовала, наваливающуюся безмерную усталость и острое желание лечь, закрыть глаза и позабыть обо всем на свете. Но присутствие рядом людей помешало ей сделать это. Пусть и странных людей, но все же людей. В общих чертах она не замечала их, словно их и не было, но все же инстинктивно - не доверяла. И испустив тяжелый стон, едва перебирая ногами, она направилась к ним, желая лишь, просто обойти их стороной, не причиняя вреда.

Михаил иначе оценил ситуацию, решив, что зверь начал действовать. Невольно осознавая, что бежать уже слишком поздно, своим бегством, они лишь подтолкнули хищника к незамедлительному нападению. Да и куда бежать? Поблизости не росло ни единого дерева толще ладони, которые для удара медвежьей лапы все равно, что тростинка: сломает и не заметит. А понадеяться на скорость своих ног, мог лишь глупец: медведь развивает скорость намного превосходящую человеческую. Хотя этот и был ранен к тому же серьезно, но надежда спастись бегом, была ничтожна. Медведь зверь резвый и довольно выносливый.

Если бы Михаил так не переживал за безопасность жены, то обратил бы внимание, что животное настроено не агрессивно. Уши не прижаты, шерсть на загривке не стоит дыбом, да и шла медведица тяжело и медленно. Но страх потерять любимую заставил его сильно волноваться, и он напрочь забыл повадки хищников. Да и угадать трудно, что у того на уме, медведь зверь непредсказуемый, скрытный. На первый взгляд спокойный, на самом же деле ожидающий подходящего момента. Да и убить тот может просто ради любопытства. Тем более медведица, на счету которой была не одна загубленная человеческая жизнь, точно не обещала теплого приема. Хищник неумолимо приближался, залитый кровью, с капающей из пасти слюной он создавал угнетающее впечатление.

"Все так нелепо обернулось!" - тоскливо подумал Михаил, облизывая пересохшие губы и отчаянно сжимая кулаки. – "Какой я глупец, раньше надо было уходить! И чего я ждал?! Вот и Ольгу подверг опасности! Да и зачем я сюда поперся идиот! Почему не послушался Петра, советовал же пойти на Байкал!"

Михаил бесстрашно вышел вперед, укрывая за спиной жену. Сам он не боялся смерти, считая ее неизбежным жребием смертных. Но его вводила в ужас мысль, что Ольгу постигнет та же жестокая участь, конечно, если он что-нибудь не предпримет. И действовать необходимо сейчас в данную секунду, потому что через минуту будет слишком поздно, медведица подберется вплотную. И все... Любящее сердце сдавленно сжалось, наполняясь невыносимой болью. Ему конец в любом случае, а вот Ольга тоже погибнет, осознавать это было невыносимо. У него имелся ничтожный шанс, отвлечь внимание хищника на себя и тем попытаться спасти Ольгу. Пока зверь будет "занят" им, она скроется в лесу, который так близок и одновременно так далек. Единственное ее спасение,

заключается в том, чтобы раньше медведицы добежать до любой из сосен плотным кольцом обступающих поляну, и по веткам взобраться на дерево. Но до них было двадцать безмерно далеких шагов. Двадцать метров, ничтожно маленькое расстояние, но разъяренная медведица сможет, одолеть их в три раза быстрее, чем человек. Успеет ли Ольга? Справиться ли? Двадцать широких мужских шагов или тридцать маленьких женских. На это уйдет две, три, а то и целых пять секунд. Значит, он не может рассчитывать на удачу и надеяться на счастливый случай, ему нужно продержаться. Он обязан цепляться за жизнь, пока Ольга не скроется под сенью спасительных исполинов. Медведица запнулась и остановилась, тяжело качая головой. Она настороженно подняла уши и повела ими по сторонам. Потом обернулась в сторону леса, и Михаил разглядел ее профиль. Но как нестранно на людей она сейчас не смотрела. Вообще не обращала на них внимания. Он не понимал что происходит, ему показалось, что время остановилось. Она давно должна быть здесь, где стояли люди. И один из них уже обязан быть мертвым. То есть он. Но ничего не происходило, словно медведица, перед тем как убить, решила поиграть с человеком. И вновь поток мыслей. Короткая передышка, слегка продлевает жизнь перед приведением в исполнение приговора. Каждая отсроченная секунда превращается в час. Как говорить: перед смертью не надышишься. Они расстанутся навсегда и больше не увидятся. Конец истории. И детей у них никогда не будет, мечтам не суждено сбыться, и в сердце закрадывается червячок страха и ревности. Он точит изнутри, оскверняя чувства. Конечно, если жена останется в живых, у нее, возможно, еще будут дети, но от другого мужчины. Не от него. Создаст семью, и будет жить долго и счастливо. Но не с ним. Внутри все похолодело, он даже почувствовал, как вспотели ладони. Нет, он не помышлял о собственном спасении, бросив женщину на произвол судьбы. Даже не было в мыслях. Просто чужой мужик обнимет любимую. Это было слишком, чересчур неприятно. Эта мысль показалась ему отвратительной, но еще больше ему было омерзительно, что он вообще об этом думал. В нем одновременно боролись страх и любовь. Но любовь победила. Главное чтобы она была счастлива, а он... Только будет этому рад. Пусть с другим, но живая. И это самое главное. Он словно обрел себя, ожил. Внезапно судорожная скованность отпустила напряженное тело, по одеревеневшим мышцам прокатилась жаркая волна адреналина. Он взбодрился, ощущая в себе прилив новых сил, и приготовился стоять до конца. Страх отступил, затаившись где-то глубоко в душе, лишь коварно нашептывая, что произойдет, если ему все же, не удастся достаточно протянуть времени. Внутренне содрогаясь, так как хорошо знал неутешительную истину, что никто еще не выжил после крепких медвежьих объятий. Но у него не было другого выхода, он мог только надеяться, что не умрет слишком рано. С вызовом, смотря медведице прямо в глаза, не оборачиваясь, он тихо приказал:

- Оленька, давай незаметно, отступай к лесу! Только прошу, не делай резких движений! Иди, солнышко!

- А ты?- испуганно спросила женщина, лишь крепче вцепившись в руку мужа.

- Я попытаюсь задержать ее! - глухо ответил мужчина. Чем дольше Михаил всматривался в расслабленные движения зверя, тем больше удивлялся. Он не понимал поведение зверя, оно вообще не вписывалось ни в какие рамки. Медведица по-прежнему не нападала, он только сейчас заметил, что в ее тяжелой поступи не было ни малейшего намека на агрессию. Это было странно. Очень странно. И крайне необычно. Как ему показалось, хищник просто

игнорировал человеческое присутствие, словно они оставались для него невидимыми.

- Я не пойду одна! - решительно выдохнула женщина и нервно прикусила нижнюю губу.

- Ты сейчас добежишь до первого большого дерева, - упрямо велел Михаил, смахивая рукой капли горячего пота, заливающие глаза, - и быстро залезешь на него! А потом я присоединюсь к тебе! - последние слова он произнес неуверенным тоном. И Ольга поняла, что он обманывает ее, ему не суждено будет возвратиться. Ради ее спасения, он пожертвует своей жизнью.

- Нет, или мы уходим вместе, или я остаюсь! - мужчину поразила решительный отказ жены, он невольно обернулся и увидел твердый взгляд. - Или вместе или никто!

- Но ты же погибнешь! - на лице его отразилось мученическое страдание, сердце болезненно сжалось, стало трудно дышать.

- А ты? - женщина страдальчески улыбнулась. - Пойми, я не смогу без тебя жить! Извини, но я остаюсь с тобой! - и, бросая на мужа полный любви взгляд, печально добавила: - Если суждено умереть, умрем вместе! Кроме тебя, меня уже ничто не держит на этом свете!

Грудь сдавило, словно обручем, на глазах мужчины навернулись слезы. В нем одновременно вспыхнуло столько противоречивых чувств, что закружилась голова. Обожание, восхищение, любовь, безысходность, тоска и боль. Все перемешалось, наполняя душу счастьем и страданием. Он крепко сжал протянутую влажную ладонь Ольги и мужественно приготовился к смерти, лишь мысленно умоляя:

" Прошу тебя Боже, пожалуйста, сделай это как можно быстрее! - и полным невыносимой муки взглядом, никак не способный налюбоваться, пристально всматривался в бледное лицо жены, словно пытаясь запечатлеть каждую тонкую линию, каждую любимую черточку и в памяти унести с собой в скитание по загробной жизни. - Быстро и безболезненно! Только, чтобы она не страдала! Одним ударом! А со мной делай, что захочешь!"

Ольга без слов поняла, этот полный обожания и преданности взгляд, которым муж прощался с ней и, робко улыбнулась в ответ. В преддверии смерти улыбка далась ей с огромным трудом. Она боялась. Сильно боялась. Боялась всего. Раненной медведицы, боли, неизвестности, расставания, гибели. Но рядом с ним страх как-то съеживался, отступая на задний план. Рядом с ним страх принимал иную окраску. Она не думала о себе, всей душой переживая за единственного любимого мужчину. Ради него она, не задумываясь, пожертвовала бы своей жизнью. Она чувствовала, что Михаил думает так же. Значит им суждено умереть вместе, и это показалось даже счастьем. Как они и желали, к чему и стремились. Вот только это должно было произойти в глубокой старости, но никак не сейчас. Они же такие молодые. Ольга не желала его гибели, как и своей тоже. Вот только судьба распорядилась иначе. Неожиданно она вспомнила своего мертвого ребенка и, ощутила необыкновенную легкость, боль наслонилась на страх. Короткая схватка, из которой победителем вышло прошлое, раздавливая жажду жизни и погружая сознание в пучину безразличия. Она смирилась со своей участью, и будущее перестало существовать, растворяясь в пучине легкого безумия. Мальчик ждет ее. Сын ожидает в холодной темноте отца и мать. Одинокий и голодный. Но ждать ему осталось недолго, они скоро придут к нему. Она кротко пожала широкую ладонь мужа, и сдавленно прошептала:

- Я люблю тебя!

И беззвучно разрыдалась. Расплакалась от осознания того, что сын услышал ее и радостно улыбается в ответ, ожидая их встречу. Нет, она не сошла с ума, просто укрылась от страха за болезненными переживаниями. Спряталась от жуткой действительности. Как пряталась в детстве, ныряя под одеяло с головой, когда было страшно.

- Я тебя тоже! - Михаил нежно обнял жену, задыхаясь от душивших горьких слез, неустанно катящихся по небритым щекам. Мужчина выпрямился, и гордо поднял голову.

- Ну, давай же! – зло выкрикнул он: – Ну, чего ты ждешь?! Что тебе еще надо?! Растягиваешь удовольствие?!

- Да ты посмотри на нее! – испуганно и в тоже время удивленно прошептала Ольга, всматриваясь в хищника. – Да она полуживая!- И неожиданно у нее появилась уверенность, что зверь не нападет. Странная такая уверенность, как озарение. Вот она боялась, дрожала от страха, но теперь точно знала, что бояться не нужно. Словно стресс открыл необычные способности организма. Или женское чутье определило истинное состояние другой матери, пусть и звериной, но матери. И убежденно заключила:

- Она нас не тронет!

Жаль что прозрение, было столь коротким, и не продлилось чуть дольше, не охватывая будущее целиком. Если бы... Если бы она увидела грядущее, то могла спасти целых две жизни.

Медведица, пошатываясь, приближалась к людям, задыхаясь от острой режущей боли в пробитой пулями груди. Кровь густыми толчками вытекала из глубокой раны, заливая передние лапы и живот, вязкой корочкой стягивая слипшуюся шерсть. Перед глазами стоял туман, она то и дело мотала головой, пытаясь сфокусировать зрение. Но это ей удавалось все реже и реже. От накатывающейся на сознание слабости, она остановилась, перевести дыхание. Ноги подкосились, и она едва не упала. По телу прошла крупная дрожь. Невольно она испустила глухой стон, внутри что-то заклокотало и, тонкая струйка крови потекла из носа. Собравшись с силами, она подняла голову и печально посмотрела на людей.

И только сейчас Михаил обратил внимание, с каким трудом ей удастся держаться на ногах, и человеческое сердце сжалось от жалости. То, что ему показалось вначале звериным оскалом, обнаженные клыки, на самом деле оказались изогнутые губы страдальца, испытывающего невыносимые муки, но стойко терпящего боль.

Они стояли напротив друг друга, люди и медведица, такие разные и в тоже время одинаковые, уставшие, побитые жизнью, израненные, но не сломленные выпавшими на долю несчастьями души. Жизнь свела их вместе в самый трагичный час, словно жестоко забавляясь, переплела их судьбы в роковой клубок, который распутать им, увы, было не суждено.

И медведица инстинктивно ощутила это духовное родство. Сбрасывая сковывающее напряжение, она впервые за многие дни, наполненные опасностью и сумасшедшей гонкой борьбы за выживание, расслабилась, ощущая относительную безопасность и некий запредельный покой. Эти люди были иными, прямая противоположность тем, кто хищно наводил на нее железные трубки, выплевывающие боль, закутанные в плащи непроницаемой черной ауры смерти. Тех она не задумываясь убивала. Нападала и убивала. Убивала и других людей за то, что они были с убийцами одного рода и племени. Но эти два существа, внесли

смятение в чувства, в них не было ни капли разъедающей желчи. От людей исходила успокаивающая энергия безграничной любви и в тоже время разрывающей сердце глубокой боли. Ее внимание привлек исходящий от человеческой самки запах невостребованного материнского молока, как и у нее... И ей стало ясно, почему она прониклась к людям доверием. Было много молока, но не кому было его скормить. Та же боль, которую ей по воле злого рока, суждено было испытать на себе. Нет, в этих человеческих сердцах не существовало ненависти к ней. Даже больше. Эти два человека восхищались ее материнским инстинктом, не осуждая за прошлое и, заранее прощая за будущее. Впервые, за время отчаянной борьбы, она встретила родственные души, которые понимали чувства управляющие поступками любящей матери и не осуждали ее. Оказывается люди, так же испытывают боль. Страдают. Теряют детей и умирают. Но теперь навряд ли что-то можно изменить, исправить. Гнев ослепил ее, накинуд на разум удушающую петлю ярости. Мечь разлилась реками крови. И нельзя повернуть время вспять и оживить невинных людей павших от ее ненависти. Нельзя изменить прошлое. Как уже и настоящее. Теперь за топор возмездие взялось человеческое правосудие. И рука у него не дрогнет. Все слишком поздно. Она ощущала тихую поступь подкрадывающейся смерти, это приближались охотники. Нет, они уже были рядом, она слышала роковые щелчки взводимых курков, с направленными в ее сторону стволами. Железный хищник приготовился к прыжку, а она уже неспособна, отразить этот смертоносный бросок. Сил не осталось сопротивляться. Да и надоело все. Она устала. Сильно устала. Устала защищаться, нападать. Устала убежать. Да и куда бежать, разве от себя убежишь. Она с каждым мгновением слабела от потери крови, бурая лужа под ее ногами медленно росла. И равнодушная апатия свинцовыми тисками сдавила измученное тело. Правда оставалась внутренняя боль, пожирающая, сводящая с ума, намного сильнее физической, которая создавала подобие жизни. И только ей она еще жила. Медведица утомлено прикрыла глаза, едва удерживая вес тела, который теперь ей казался неподъемным. Потеряв смысл мщения, она точно обессилела и лишилась духовной основы, словно из нее вынули жизненно-важный стержень. Да и не могла она и не хотела, дальше нести в себе эту изнурительную разрывающую сердце боль. Хватит, натерпелась. И оттолкнувшись от земли, медведица встала на задние лапы, поднимаясь во весь свой величественный рост. Бурая шкура на груди свалилась от засохшей крови. Она решила на этой обласканной солнечными лучами поляне так приятно согревающей холодеющее тело, принять свой последний бой.

Из кустов послышался предостерегающий окрик Петра:

- Михаил, поберегись!

И близлежащий к поляне куст жимолости, угрожающе ошетинился от выступающих ружей. Охотники держали ее на мушке, приложив приклады к плечам. Цель уже выбрана, мишень отчерчена – точно под сердце. Но медведица даже не шелхнулась, она молча стояла как одинокая скала, равнодушно взирая на смерть. И, лишь печально повела мохнатой головой, стряхивая самопроизвольно катящиеся слезы. Она не плакала, просто это была защитная реакция организма. Соленая вода смочила воспаленные жаром белки и на секунду прояснила зрение.

- Нет! - с мольбой в голосе выкрикнул Михаил. - Не надо!

В два прыжка он оказался перед медведицей, выставя вперед руки и прикрывая ее своим телом. Но раскат беспорядочных выстрелов, заглушил его

слова, и пули с радостным визгом впились в светлую рубашку, окрашивая ее в кроваво-алые тона и оставляя после себя чернеющие дыры. Сметающей волной человека отбросило на медведицу, которая непостижимым образом устояла на ногах, словно насмехаясь над смертью. Проваливаясь в крошечную темноту, чувствуя свинцовую тяжесть во всем теле, Михаил через боль обернулся и виновато посмотрел в затуманенные глаза медведицы. Но не увидел в них осуждения, лишь сожаление и печаль, что все вышло именно так, а не иначе. Широкая грудь зверя дымилась от новой пролитой крови. Их кровь, вытекая толчками, смешалась. Пули, прошедшие сквозь человеческое тело, вошли в нее. Но она не почувствовала боли, боль для нее стала неким пространственным явлением, с которой она уже смирилась. Страдание принес лишь вид сползающего по ее окровавленному телу смертельно раненого человека, который ради нее пожертвовал своей жизнью.

Охотники испуганно выскочили на поляну, ошарашено взирая на кровавую трагедию, нервно сжимая в руках дымящиеся ружья.

- Нет! Мишенька! - истошно закричала Ольга и бросилась к ногам медведицы. Она упала на колени и судорожно разрыдалась.

Михаил истекал кровью, судорожно хватая ртом воздух. Он дышал, и не мог надышаться, словно кислород уходил сквозь дыры в теле. Он чувствовал приближение смерти, но на душе было радостно и легко от мысли, что прожил насыщенную, пусть и короткую жизнь. За то что в ней он не испытывал чувства стыда за прожитые годы. А это было самое главное, совесть его осталась чиста. Михаил с трудом приоткрыл отяжелевшие веки и замутненным взглядом посмотрел на склонившуюся над ним жену.

- Ну, вот и все! - харкая кровью, едва прошептал он. - Так нелепо все закончилось!

Горькие слезы ручьем лились из ее глаз, скатываясь по щекам, соленными дождевыми каплями падали на лицо мужа.

- Не надо плакать! - он попытался улыбнуться, но губы не подчинились, и сдавленно прохрипел: - Я так хотел, чтобы ты была счастлива, но у меня не получилось...

- Не говори так! Все еще впереди! - подбадривая, заверила женщина, задыхаясь от горя. - Ты главное держись, чтобы ни случилось! Не думай о смерти! Думай о нас! Что там несколько ран... Пустяк! Врачи быстро с ними справятся!

- Слишком поздно! Я... - и словно собрав все волю в кулак, приподнял голову и, смотря жене в глаза, горячо прошептал: - Я любил тебя больше жизни! Помни это! - И безвольно откинулся.

- Нет! Не умирай! - захлебываясь слезами, прошептала Ольга, и ее синие глаза наполнились ужасом. Но лишь неподвижно-устремленный в небо наполненный ледяной тоской, стеклянный взгляд стал ей ответом и алые капельки крови, вытекающие струйкой из приоткрытого рта. Михаил улыбался ей застывшей на веки подбадривающей улыбкой, словно утверждая: все будет хорошо милая.

- Боже, мой! - разрыдалась женщина, отчаянно прижимая голову мужа к своей груди. - На кого ты меня оставил! Разве я смогу без тебя жить!

Петр, отбрасывая онемевшее оцепенение, бросился вперед, с горечью причитая:

- Что же ты наделал Михаил! - на ходу прицеливаясь и чтобы не спровоцировать раненого зверя, негромко предупредил: - Ольга, отойди в сторону, я стрелять буду!

Женщина невидящим взглядом посмотрела на охотника и вновь прискорбно склонилась над мужем, тоскливо упрашивая:

- Миленький мой, ты же мне обещал, что рядом со мной будешь вечно! - ее руки нервно дрожали. - Что же это! Как так случилось?!

Внезапно ее голос окреп, наполняясь могильной силой, она мрачно откинула с лица волосы мокрые от слез и тоскливо заключила:

- Любимый, потерпи немножко, тебе недолго осталось ждать! Я скоро перейду к тебе!

И в порыве обожания, поцеловала мужа в холодные безвольные губы, навечно запечатлевая на устах смертельный договор. И медведица, зная настоящую цену невозполнимой утраты, с жалостью взирала на влюбленных, безмолвно охраняя их скорбное уединение.

До зверя осталось не больше пяти шагов.

Неожиданно медведица подняла голову и посмотрела на приближающегося человека. Их глаза встретились. Петр остановился, задержал дыхание и тщательно прицелился, направляя мушку чуть ниже сердца стоящего на дыбах окровавленного зверя. Но как ни пытался, он не смог нажать на курок. Медведица бесстрашно смотрела ему прямо в глаза, и он невольно увидел в них человеческий разум, наполненный невыносимой тоской и нестерпимой мукой.

- Я не могу... - отчаянно прошептал Петр и безвольно опустил ружье, рассеянно наблюдая за происходящим, не понимая, что делать. Он растеряно крутил головой, не осознавая где находится. Ему показалось, что две смерти накладывались одна на другую, и он словно перенесся назад в прошлое, в удушливую яму, где его вновь предстоит пережить смерть Николая.

Внезапно из груди медведицы вырвался протяжный стон, печальные глаза заволокло невидящей пеленой. Она пошатнулась и плашмя рухнула на землю, всем телом накрывая сверху людей, словно даже в оковах смерти пытаясь скрыть влюбленных от посторонних взглядов, оберегая их уединение. Как удар грома в безмолвной тишине раздался надсадный хруст сломанных костей и тяжкий женский то ли стон, то ли вздох.

Ольга ничего не поняла, только почувствовала, как сверху навалилась свинцовая тяжесть, и от разрывающей боли свет померк в глазах. Давящая масса железным обручем сдавила грудь, затесняя дыхание и придавливая ее к мужу.

- Там Ольга! - ошеломлено выдавил Петр, до крови закусывая губу.

- О, Боже! - испуганно воскликнул Семен Петрович, хватаясь за медвежью лапу и пытаясь отодвинуть зверя.

К ним на помощь уже бежали остальные охотники, объединяя усилия, им удалось перевернуть медведицу. Но увиденная картина повергла их в стопорный шок. Женщина безвольно лежала на животе, с неестественно выкрученной шеей, а сквозь разорванную кофту выступали сломанные ребра.

- Ее еще можно спасти! - Петр хотел приподнять женщину, но дед Макар его решительно остановил.

- Ее нельзя тревожить! - и печальным голосом добавил: - Поздно, Петенька! Поздно! Она живет лишь силой любви! - Хватило и беглого взгляда, чтобы определить, рана смертельна.

- Не говори так! - глотая слезы, яростно выкрикнул Петр и глухо разрыдался. Сердце наполнилось такой тоской, что впору лезть на стену. За один день он безвозвратно потерял двух самых лучших друзей.

- А ты поплачь, поплачь! - ласково с грустью посоветовал Семен Петрович, сам незаметно рукой смахивая катившиеся из глаз слезы. – И тебе станет легче!

Охотники, храня гробовое молчание, плотным кольцом окружили место трагедии.

Внезапно бескровные губы женщины зажили своей жизнью и поползли вверх, она искривилась от боли, из израненной груди вырвался хрип. Зрачки под веками задвигались, затрепетали ресницы, и женщина открыла глаза. Отрешенный взгляд, рассеянно скользнул по лицам людей и тут же напрягся, словно вспоминая об истинной цели. Пальцы судорожно заскреблись по земле, оставляя не глубокие борозды. Но как не прикладывала усилия, она так и не смогла приподнять голову и опереться на руку. Тогда женщина, слегка отодвинувшись или скатившись, поддалась всем телом вперед, и ей наконец-то удалось заглянуть в стеклянные глаза мужа. И она слабым безжизненным голосом прошептала:

- Я же обещала... Всегда быть рядом с тобой! - и уже умирая добавила:- Я сдержала свое обещание... - и безвольно припала щекой к плечу мужа. По телу конвульсивной волной прокатилась крупная дрожь. Последний предсмертный вздох и женщина расслаблено замерла. Пальцы медленно разжались, и ладонь легла на землю, погружаясь в пролитую кровь. Уже не известно, чья она: звериная или человеческая. У тех и других она красная. Или кровь общая, смешанная болью и страданиями, которые каждый пережил по-своему, но смерть соединила, до дна выпивая их горькую судьбу. И лишь слабый ветер скорбно шевелил разметавшиеся густые волосы, стараясь придать им жизни, выказывая свой протест бездушному забвению.

По поляне, пронесся тягостный стон. Люди в скорбном молчании опустили головы, преклоняясь перед силой любви.

И только старый лесничий, тихо, чтобы его никто не услышал, произнес:

- Даже смерть не смогла их разлучить! Вот и ушли они, взявшись за руки на небо! Вместе!

Влюбленных словно застал чарующий вечный сон. Мужчина лежавший на спине, с играющей на холодных устах умиротворенной улыбкой и женщина, робко прильнувшая к его широкой груди. Такие молодые, красивые, чья чистая любовь вознесла их над превратностями жизни, заботливо укрывая воздушным одеялом от людской жестокости. Назло старухе смерти, они остались вместе и забрали свою любовь в вечные скитания по сумрачной дороге забвения. А рядом, заслоняя от всех невзгод, сохраняя умиротворенный покой, их надежно защищала мертвая медведица, чье горячее доброе сердце даже в смерти, хранило верность.

Роман написан: 1 апреля 2008.

События, описанные в нем,
не являются вымышленными.
За время написания романа,
пострадало множество зверей и людей.
(Кочнева Н.В.)